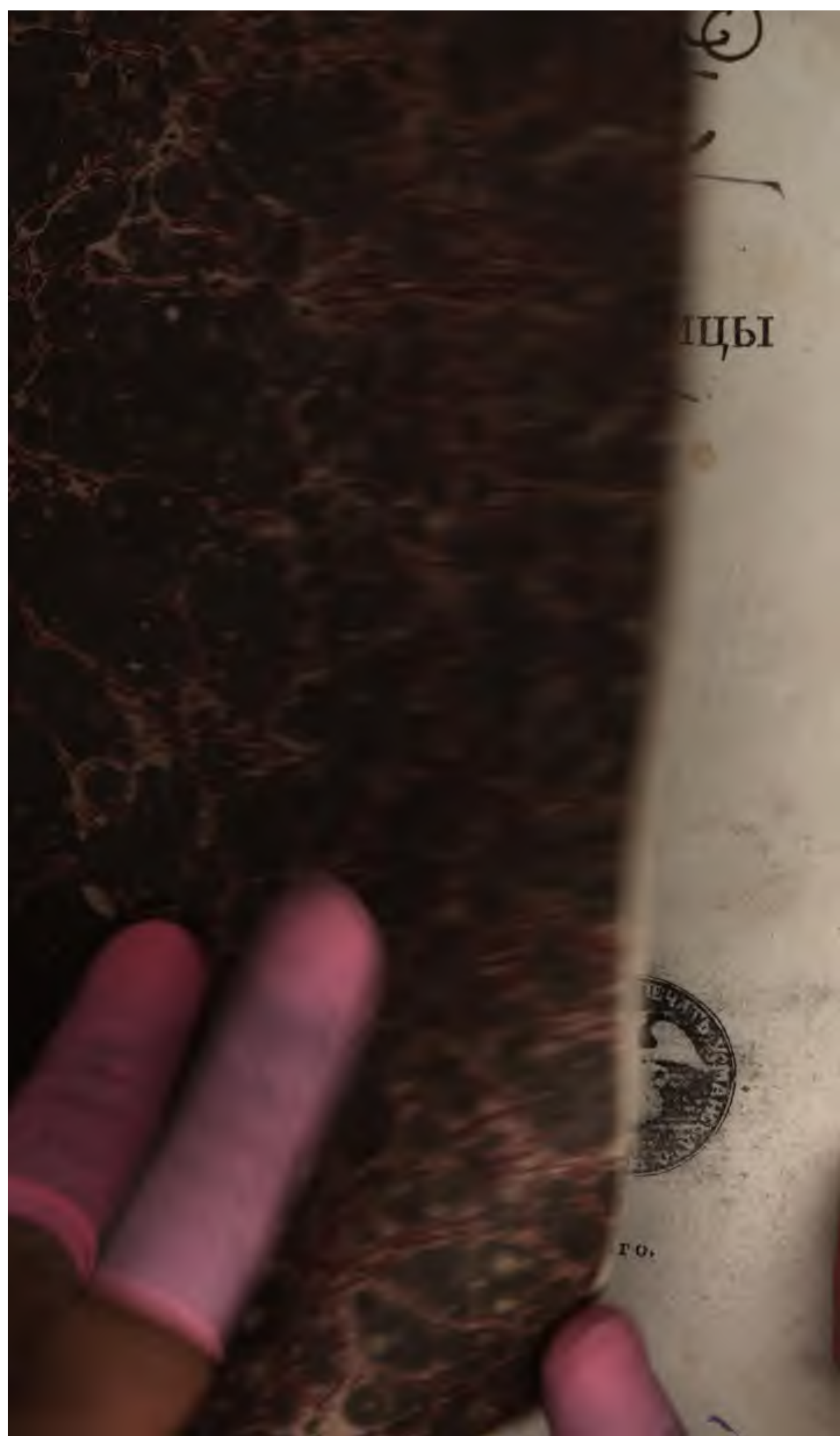
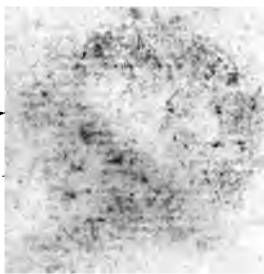


ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.



ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

СОЧИНЕНІЕ

А. А. Лефорта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 1 дня, 1837 года. *Цензоръ и Кавалеръ Дмитрій Перевощиковъ.*

Тебѣ, Москва первопрестольная — за безпредѣльную любовь къ Царямъ Русскимъ, за твою къ Нимъ нерушимую преданность, за слезы умиленія и благодарности, тобой проливаемыя, когда наслаждаешься ты Ихъ лицезрѣніемъ, слышишь Ихъ милостивые, отеческіе привѣты — тебѣ, мать градовъ Россійскихъ, посвящаю усердный трудъ мой.

Апрѣля 23,
1835.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

»Сограждане! дерзаю говоришь о Екашеринѣ — и величіе предмета изумляешъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажешся, что всѣ безчисленные народы Царствъ Россійскихъ гошовы внимашь словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И шѣ, которые, скрываясь во мракѣ ошдаленія — подъ шѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пусшынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмершныя, и шѣ чувсшвовали спасишельное дѣйсшвіе Ея правленія; и для шѣхъ была Она Божесшвомъ, невидимымъ, но благошворнымъ. Гдѣ шолько сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудросшь.«

Такъ нашъ безсмертный Исторіографъ въ краткихъ словахъ изобразилъ все величіе Той, которая однимъ мановеніемъ скипетра творила и разрушала Царства, управляла судьбами владыкъ земныхъ, подобныхъ Ей саномъ, но не равныхъ доблестями царственными.

Но чье перо въ совершенствѣ изобразитъ дѣянія сей Великой Матери Отечества? Кто исчислитъ всѣ событія, совершившіяся въ Ея достославное Царствованіе на славу Россіи, событія, столь обильныя благотворными слѣдствіями? Всюду достигала вѣсть о Царицѣ Сѣвера, и въ отдаленнѣйшихъ странахъ свѣта удивлялись дѣламъ Ея. Знаменитѣйшіе жрецы Аполлона, сыны просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы, воспѣвали Ея премудрость. Отвсюду стекались славные міра узрѣть Великую, преклонить колѣна предъ Ея царственными доблестями, насладиться ѳиміамомъ слова Ея. И всѣхъ, кто

только новергался къ подножію Ея престола, всѣхъ осѣняли милость и благоволеніе. Время Ея благословеннаго Царствованія Исторія назвала Вѣкомъ Екатерины Великой; и этотъ вѣкъ, ознаменованный громами побѣдъ и завоеваній, усовершенствованіемъ гражданскаго благоустройства, развитіемъ наукъ и художествъ, славный множествомъ именъ великихъ, подобно яркой звѣздѣ блеститъ въ купѣ вѣковъ протекшихъ, запечатленныхъ неизгладимыми чертами на скрижаляхъ Исторіи! — Такъ, не дерзая сравнивать дѣяній Преобразователя Россіи, воздвигшаго наше Отечество отъ тли невѣжества, пріумножившаго силы физическія и неусыпно трудившагося о развитіи его нравственнаго могущества, съ дѣяніями Екатерины Великой: скажу однако, что всѣ Его начинанія, всѣ заботы о благѣ Россіи — или совершились или почти достигли желаемой цѣли въ благо-

словенное Царствованіе сей Монархини. Окриленный щедротами Ея милостей, народъ Русскій твердыми шагами пошелъ по стезѣ, ведущей къ незыблемому могуществу и благоденствію, попралъ на пути злоухищренія двадесяти языковъ, и сталъ на настоящей степени величія, назначенной ему судьбами Всемогущаго, и указанной мудростію Августѣйшаго НИКОЛАЯ.

Давно, и много, писали о событіяхъ въ Царствованіе Екатерины II, Премудрой Матери Отечества: почти на всѣхъ языкахъ Европейскихъ читаютъ сказанія и разсужденія объ этомъ періодѣ Русской Исторіи.

И въ самомъ дѣлѣ: изысканіе причинъ, способствовавшихъ преуспѣянію могущества такой Державы, какова теперь Россія, — предметъ достойный любознательности всякаго; и потому болѣе, что успѣхи развитія нравственныхъ силъ и благо-

устройства въ нашемъ Отечествѣ (вопреки новѣйшимъ мудрствователямъ, утверждающимъ, что жизнь каждаго гражданскаго общества развивается по общимъ для всѣхъ законамъ) совершались иначе, нежели въ другихъ Государствахъ; что явленія, означавшія стремленіе его на чреду Державъ первокласныхъ, имѣли свою особенность, удивительную по источникамъ.

Но кто не знаетъ, что чужеземные писатели, или не имѣя вѣрныхъ источниковъ и слѣдовательно предаваясь ложному направленію умствованій, или не постигая духа Русскаго народа и пристрастно разсуждая о произшествіяхъ и ихъ причинахъ, едва ли не всѣ искажали свои сочиненія о Россіи (въ эту эпоху) нелѣпостями, возбуждающими справедливое негодованіе всякаго благомыслящаго Русскаго? — И въ опроверженіе этихъ ложныхъ понятій и несправедливыхъ толковъ,

о предметахъ для насъ священныхъ, на какое произведеніе отечественнаго пера можемъ указать мы?...

По мѣрѣ силъ желая пополнить сей недостатокъ, Авторъ приноситъ теперь въ храмъ Русскаго просвѣщенія *Исторію Царствованія* Государыни Императрицы Екатерины Второй, какъ лепту отъ посильныхъ трудовъ своихъ и усердія споспѣшествовать строенію этаго храма.

Дѣянія Великой Екатерины и мужей, прославившихся въ Ея Царствованіе; изслѣдованіе о ходѣ, развитіи и успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи; о томъ, какъ она укрѣплялась, возрастала и достигла наконецъ высокой чреды, ей опредѣленной судьбами Неисповѣдимаго; какое вліяніе имѣли на ея совершенствованіе народы чуждые, какими средствами и какъ Русскіе Монархи водворили въ ней въ краткое время то, на усвоеніе чего другимъ Государствамъ потребны были вѣковыя уси-

лія, стоившія неисчислимыхъ и часто гибельныхъ пожертвованій — вотъ содержаніе этаго сочиненія.

Событія, достойныя вниманія Историка, такъ тѣсно связаны между собою слѣдствіями, превращающимися потомъ въ причины, что, говоря о какомъ нибудь одномъ изъ нихъ, почти невозможно обозрѣть его со всѣхъ сторонъ, не обращая вниманія на обстоятельства, кажущіяся съ перваго взгляда совершенно посторонними; но въ послѣдствіи, при наблюдательномъ взглядѣ, связь такихъ обстоятельствъ, часто едва замѣтная, доказываетъ, что для полноты картины онѣ необходимы. — Основываясь на сей истинѣ Авторъ написалъ введеніе, составляющее первую часть Исторіи Царствованія Екатерины II, и вмѣщающее въ себѣ краткій очеркъ происшествій въ Россіи и другихъ Государствахъ Европейскихъ, съ начала XVIII стол. до воцаренія сей

Императрицы; обзоръ взаимныхъ отношеній сихъ Государствъ; вліяніе ихъ на Россію и проч. — Это введеніе счелъ онъ необходимымъ для точнѣйшаго уразумѣнія и соображенія событій, составляющихъ содержаніе трехъ слѣдующихъ частей своего сочиненія; результаты этихъ событій помѣщены въ послѣдней части, вмѣщающей сверхъ того краткія біографіи мужей, прославившихся въ достославный Вѣкъ Екатерины II.

Вотъ краткое изложеніе плана, начертаннаго Авторомъ для предлагаемаго теперь сочиненія. Онъ находитъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о способѣ выполненія этаго плана и заранѣе оправдаться отъ обвиненій въ слишкомъ, можетъ быть, поверхностномъ обозрѣніи нѣкоторыхъ событій и совершенномъ невниманіи къ инымъ изъ нихъ.

Авторъ — полагая для себя главною цѣлію изслѣдованіе событій, въ коихъ про-

являлось развитіе нравственной жизни Русскаго народа въ извѣстный періодъ времени и изысканіе о томъ, какъ Русскіе Монархи постепенно водворяли въ Россіи благоустройство, укрѣпляли ея могущество и возводили ее къ величію, — безъ сомнѣнія, имѣлъ полное право оставить безъ особеннаго вниманія тѣ произшествія, повѣствованіе о которыхъ не можетъ споспѣшествовать яснѣйшему уразумѣнію другихъ болѣе важныхъ событій, хотя и связанныхъ съ ними какими нибудь посторонними обстоятельствами, но совершенно затемняющихъ право ихъ на историческую значительность. Соблюдая полноту цѣлаго, онъ удалялъ почти все, что не имѣло непосредственнаго вліянія на судьбу Россіи, и съ особенною тщательностію старался изобразить каждый частный предметъ, замѣчательный по своему вліянію на наше Отечество; представить его въ томъ

свѣтъ, въ какомъ онъ сдѣлался доступенъ Автору по тщательномъ изысканіи причинъ и изученіи слѣдствій.

Изъ этаго видно, что читатель не найдетъ въ семъ сочиненіи ни подробностей частной жизни Екатерины II, ни совершенно полныхъ біографій особъ, прославившихся въ Ея Царствованіе, ни мелочныхъ описаній всѣхъ обстоятельствъ нѣкоторыхъ и замѣчательнѣйшихъ даже происшествій. — Все это, по мнѣнію Автора, должно быть принадлежностію только записокъ (mémoires) и т. п. Онъ считаетъ подобныя обстоятельства столь чуждыми всякаго чисто-Историческаго сочиненія, что не находитъ даже необходимымъ объяснять причинъ, по которымъ онъ старался по возможности удалять все, противорѣчащее заглавію этой книги.

Въ заключеніе ему остается сказать, что онъ не помѣстилъ здѣсь списка

Историческимъ сочиненіямъ, запискамъ и проч., служившимъ источниками Исторіи Царствованія Императрицы Екатерины II, потому, что обо всѣхъ твореніяхъ Русскихъ и Иностранныхъ писателей, необходимыхъ для подробнѣйшаго свѣденія о какомъ нибудь предметѣ отдѣльно, или говорится въ примѣчаніяхъ, или помѣщены тамъ выписки, могущія удовлетворить любознательности всякаго.

ВВЕДЕНІЕ.

КНИГА I.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ СЪ НАЧАЛА XVIII СТОЛѢТІЯ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

КНИГА I.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ СЪ НАЧАЛА XVIII СТОЛѢТІЯ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

ГЛАВА I.

Въ началѣ XVIII столѣтія Западныя Европейскія Государства заняты были рѣшеніемъ вопроса: кому взойти на престолъ Испаніи по пресѣченіи Габсбургско-Испанской династіи, послѣднимъ представителемъ которой былъ близкій къ смерти Король Карлъ II. Претенденты, объявлявшіе права свои на это наслѣдство,

были: Императоръ, Король Французскій и Курфирстъ Баварскій — требовавшіе нераздѣльно всѣхъ принадлежавшихъ Испаніи земель, и Герцогъ Савойскій — части оныхъ. Уполномоченные, совѣщавшіеся объ этомъ предметѣ въ Мадритѣ, при жизни еще самаго Короля, положили было предоставить Испанію съ ея колоніями сыну Курфирста Баварскаго, Іосифу Фердинанду; а Итальянскія и Нидерландскія ея владѣнія — прочимъ сонаслѣдникамъ. [1] Противъ такого раздѣленія возставали Императоръ и самъ Король, о владѣніяхъ коего разсуждали; но тонкіе и хитрые умы Министровъ, предлагавшихъ его, безъ сомнѣнія восторжествовали бы надъ волею удрученнаго болѣзнію и предчувствіями близкой смерти Короля, и какими нибудь льстивыми надеждами успокоили Императора; если бы непостижимый законъ, устроивающій судьбу Царствъ и народовъ, не разрушилъ ихъ плановъ смертію Баварскаго Принца. [2]

И такъ снова нужно было приступить къ избранію особы, долженствовавшей возложить на себя корону Испаніи. Но

не дожидаясь возобновленія совѣщаній, Кардиналъ Портo-Каррера [3], склоненный Франціею на свою сторону и владѣвшій умомъ умиравшаго Короля, составилъ завѣщаніе и уговорилъ Карла подписать его. Этимъ завѣщаніемъ наслѣдникомъ Испанскаго престола объявленъ былъ Филиппъ Анжуйскій, внукъ Людовика XIV. [4] Въ случаѣ же недопущенія его къ принятію Испанской короны со стороны Государствъ, принимавшихъ участіе въ этомъ спорѣ, наслѣдникомъ назначался Ерц-Герцогъ Карлъ.

Австріи въ будущемъ предстояли — обманчивая надежда возвести своего Претендента на спорный престолъ при посредствѣ другихъ Державъ, и вѣрная война съ сильною еще тогда Франціею.

Права Французскаго Принца были признаны въ Испаніи и во всѣхъ принадлежавшихъ ей земляхъ. Слѣдовательно споры объ этомъ предметѣ, по видимому, должны были прекратиться; тѣмъ болѣе, что такимъ избраніемъ никакъ не нарушалось политическое равновѣсіе, [5] ко-

торое, какъ говорятъ Историческіе писатели, полагалось тогда Европейскими Кабинетами во главу ихъ желаній. Но вышло напротивъ. Австрія, считая себя униженною противъ Франціи, и забывая о политическомъ равновѣсіи, не хотѣла признать Филиппа Королемъ Испаніи и начала искать себѣ союзниковъ въ Нѣмецкихъ земляхъ, къ коимъ въ послѣдствіи присоединились и морскія Державы. [6] Искра раздоровъ, брошенная эгоизмомъ между Австріею и Франціею, скоро превратилась въ пламя двѣнадцатилѣтней войны, распространившейся въ Западной Европѣ, которая почти вся вооружилась противъ Франціи.

Страна эта находилась на краю величайшей опасности, въ которую повергали ее внутренніе безпорядки и сомнительная борьба съ Полководцами, знаменитыми на скрижаляхъ Исторіи, — Принцемъ Евгеніемъ и Марлборугомъ. [7] — Одно только великодушіе Короля Французскаго и неисповѣдимые законы Всевышняго спасли это Государство отъ совершенной гибели.

Перемѣна Министерства въ Англіи въ пользу Торисовъ влекла за собою удаленіе Марлборуга и примиреніе Англіи съ Франціею; [8] а смерть Іосифа I, единственнымъ наслѣдникомъ котораго былъ Ерцъ-Герцогъ Карлъ, заставляла Европейскія Государства опасаться соединенія Австріи съ Испаніею въ одну нераздѣльную Державу. Эти два неожиданныя происшествія дали Кабинетамъ направленіе совершенно противоположное прежнимъ ихъ дѣйствіямъ; въ будущемъ представлялось для нихъ опаснымъ могущество уже не Франціи, а той Державы, новый Императоръ которой, съ возшествіемъ на Испанскій престолъ, соединилъ бы подъ своимъ скипетромъ всѣ владѣнія Карла V и Фердинанда I; а потому всѣ Государства, проливавшія кровь своихъ и чужихъ подданныхъ, должны были прекратить распри и мирно рѣшить споръ въ пользу той-же династіи, противъ которой вооружались.

Прежде другихъ Государствъ къ миру приступила Англія; подписавъ прелиминаріи [9] съ Франціею, она предложила ихъ

въ видѣ проэкта на разсмотрѣніе прочихъ Кабинетовъ. Положено было собрать конгрессъ въ Утрехтѣ, который и открылся въ началѣ 1712 года.

Въ слѣдующемъ году былъ заключенъ и миръ, [10] по видимому надолго обезпечивавшій спокойствіе Европы.

Слѣдствія этого мира безчисленны: для однѣхъ Государствъ былъ онъ причиною возвышенія, для другихъ вѣстникомъ предстоящаго упадка.

Наиболѣе выгодъ пріобрѣла симъ миромъ Англія, подъ вліяніемъ которой онъ и заключенъ былъ. Кромѣ распространенія владѣній, она усилила свое могущество договорами, заключенными съ Франціею и Испаніею, обезпечивавшими власть ея надъ морями и давшими ей, въ торговомъ отношеніи, рѣшительный перевѣсъ предъ прочими Державами. Ей осталась соперницею одна только Голландія; но и эта соперница была для нея не опасна: ибо превосходная система налоговъ, дѣлающая честь благоразумію и расчетливости ея Министровъ, давала Англіи возможность жертвовать огром-

ными субсидіями при заключеніи вспомогательныхъ договоровъ и мало по малу распространять свое вліяніе на континентальныя правительства и наконецъ управлять всѣми ихъ сношеніями.

Не въ такомъ положеніи увидала Европа Францію по прекращеніи войны за наслѣдство Испанскимъ престоломъ. Принявъ завѣщаніе Карла II въ пользу своего внука, Людовикъ XIV не думалъ вести войны почти съ цѣлою Европою; еще менѣе предполагалъ онъ сопротивленія со стороны Австріи, которую считалъ совсѣмъ для себя не опасною; и когда Англія и Голландія обѣщали признать Филиппа V Королемъ Испаніи, онъ совершенно увѣрился въ дѣйствительности своихъ предположеній. Но послѣдствія скоро доказали, что Государства, хотя и проповѣдывали при всякомъ случаѣ о политическомъ равновѣсіи; но всегда заботились болѣе о своихъ выгодахъ, и гдѣ эти выгоды не терялись, тамъ противорѣчіе ихъ умолкало при событіяхъ всякаго рода. Людовикъ, не смотря на свою проницательность и благоразумные

совѣты истинныхъ своихъ приверженцевъ, не обратилъ должнаго вниманія на причины снисходительности Державъ, согласившихся признать завѣщаніе Карла II; а потому и не думалъ, чтобы увѣренія Англіи и Голландіи были только завѣсою, скрывавшею губительные замыслы противъ Франціи. Слѣдствіемъ этой непредусмотрительности было всепожирающее пламя войны, приведшей Францію въ самое отчаянное положеніе. Государство это походило на разстроенную машину, дѣйствовавшую при помощи одной только здоровой пружины: перервись эта пружина и вся машина превратилась-бы въ прахъ и ничтожество. Къ потерямъ, какъ необходимому слѣдствію неравной борьбы, присоединился голодъ, произведшій разстройство въ арміи: солдатамъ почти не выдавали жалованья; по нѣскольку дней они бывали даже безъ пищи или довольствовались только самымъ дурнымъ хлѣбомъ, и безъ сомнѣнія, истощенные, они не могли переносить трудностей войны. Офицеры терпѣли не меньшій недостатокъ. Лишась средствъ

содержать себя, они довольствовались пищею вмѣстѣ съ солдатами; всѣ просьбы о жалованьѣ, съ коими обращались они къ военному Министру, оставались безъ вниманія. Уныніе и отчаяніе овладѣли цѣлою арміею, [11] и при этомъ несчастномъ положеніи Франціи, Король ея Людовикъ XIV явился въ полномъ блескѣ великодушія! — Въ годину бѣдствій, когда всѣ стихіи Монархіи рушились постепенно, когда народъ и его достояніе готовы были сдѣлаться добычею непріятелей, безчисленныхъ и сильныхъ, онъ сохранилъ всю твердость и величіе своего характера, поддержалъ уваженіе Европы, которымъ пользовался дотолѣ, и умѣлъ твердою рукою устранить пагубныя слѣдствія, могущія произойти отъ легкомыслія и малодушія его подданныхъ. Отвергнувъ миръ, предлагаемый ему въ Гертруденбергѣ [12] на самыхъ унизительныхъ условіяхъ, онъ спасъ Францію, готовую въ это время повергнуться въ неизмѣримую пропасть гибели. »Богъ умилостивился надъ твердою преданностію волѣ Его, съ какою Людовикъ

противусталъ несчастіямъ, и Своею неисповѣдимою милостію, проявленною въ обстоятельствахъ, которыхъ не могъ вообразить себѣ и самый пылкій мечтатель, спасъ его отечество отъ паденія,» говоритъ одинъ Французскій Историкъ и знаменитый Государственный мужъ, описывая пагубное положеніе сей Державы въ эту эпоху. [13] Только народъ Французскій не хотѣлъ идти по стезѣ, указанной ему благостію Всевышняго, и не совратился съ пути порока и крамолы: послѣдніе дни Людовика XIV омрачились безпорядками, порожденными (по принятіи Буллы Единородный) распрями Іезуитовъ и Янсенистовъ, [14] превратившимися наконецъ въ явную оппозицію противъ Правительства и нашедшими себѣ сообщниковъ въ самомъ Парламентѣ. Смерть Людовика XIV довершила несчастія, и тѣмъ болѣе, что, противъ его воли, управленіе Франціею съ титломъ Регента принялъ Герцогъ Орлеанскій, человѣкъ развращенный и дѣйствовавшій подъ вліяніемъ замысловъ безнравственнаго и низкаго душею Дюбуа. Франція

быстро стремилась къ тѣмъ переворотамъ, кои ознаменовали бытіе ея въ 1793 году. Не смотря на блистательныя качества Кардинала Флёри, [15] возведеннаго при совершеннолѣтіи Людовика XV на степень перваго Министра и улучшившаго ея финансовую администрацію, странѣ, въ которой происки и страсти придворныхъ и почти неограниченная власть Королевскихъ любимицъ, стали управлять Государственными дѣлами, невозможно было возвратить тѣхъ счастливыхъ дней, когда говорили: » на землѣ нѣтъ такого народа, какъ Французы, и ни у одного народа нѣтъ такого Государя, какъ Людовикъ XIV. «

Утрехтскій миръ былъ выгоденъ и для Австріи, хотя она и не соглашалась сначала утвердить условія, на коихъ прекращалась Испанско наслѣдственная война; напротивъ того она думала продолжать ее. [16] Но безуспѣшный ходъ войны зимою 1714 года, принудилъ наконецъ и Австрію помышлять объ уступчивости. Миръ въ Раштадѣ [17] прекратилъ военныя дѣйствія, и Австрія, утвердивъ

на немъ условія, предложенныя ей на Утрехтскомъ Конгрессѣ, сообщила ихъ въ видѣ прелиминарій на разсмотрѣніе Германіи. По Утрехтскому миру Австрія пріобрѣла Неаполь, Сардинію и Медіоланъ; сверхъ того, въ послѣдствіи, ей переданы были Испанскія Нидерланды, предоставленныя Франціею Голландіи, въ видѣ залога, обезпечивавтаго барьерный трактатъ, заключенный сими Государствами и стоившій послѣдней 350 мил. гульденовъ. [18]

По заключеніи сего мира, главнымъ предметомъ, занимавшимъ умы и приводившимъ въ движеніе дѣятельность Государствъ Западной Европы, было взаимное стараніе устранить всякое нарушеніе условій, заключенныхъ на Утрехтскомъ Конгрессѣ. Иначе не могло и быть, когда соблюденіемъ сихъ условій охранялись: всемірная торговля Великобританіи, утвержденіе въ ней Протестантской династіи, и спокойное владѣніе странами, уступленными Австріи.

Безопасность Голландіи, превратившейся въ это время изъ мореходной въ

сухопутную Державу, зависѣла также отъ соблюденія сихъ условій; ибо барьерный трактатъ былъ слишкомъ ненадежнымъ ручательствомъ въ неприкосновенности границъ ея. Даже сама Франція находила причины дѣйствовать въ этомъ отношеніи согласно съ прочими Державами, потому что отрѣченіе Анжуйскаго дома отъ престола Франціи льстило честолюбиваго ея Правителя надеждою упрочить власть свою Королевскою короною въ случаѣ смерти хвораго отъ природы Людовика XV.

И такъ собственныя выгоды каждаго Государства связывали ихъ тѣсными узами пріязни, удалявшей всякій поводъ къ новымъ распрямъ; — только Испаніи казались эти узы слишкомъ тягостными. Она считала себя униженною во мнѣніи прочихъ Державъ и не могла забыть потери провинцій, отчужденныхъ у нее въ пользу Голландіи и Австріи. Правда, самъ Король Филиппъ V, быть можетъ, и не вспомнилъ бы объ этомъ; но имъ управляли особы, сильно желавшія возобновить войну. Особы эти были супруга

его, Королева Елизавета, и возвысившійся при ея покровительствѣ на степень перваго Министра въ Испаніи, Кардиналъ Алберони. 1°

Хитрый, честолюбивый, предпріимчивый Алберони явился врагомъ Австріи, и врагомъ столь страшнымъ, какого Держава эта никогда не встрѣчала дотолѣ. Онъ умѣлъ кстати напомнить Елизаветѣ, что дѣти ея, въ случаѣ смерти Короля, должны будутъ сдѣлаться подданными дѣтей Филиппа, отъ перваго брака; обѣщаніемъ же найти средство избавить ихъ отъ этаго униженія, доставить имъ *хлѣбъ насущный*, и съ тѣмъ вмѣстѣ возвратить Испаніи прежнее ея могущество и величіе, онъ пріобрѣлъ готовность Королевы. содѣйствовать всѣмъ его намѣреніямъ.

Сынъ бѣднаго садовника, прежде простой звонарь, а потомъ Кардиналъ и первый Министръ Испаніи, почти полновластно управлявшій ею, Алберони улучшилъ положеніе этого Государства, ожививъ внутреннюю его дѣятельность,

умноживъ финансы и образовавъ войско и флотъ, такъ что первое могло равняться съ Французскимъ, а послѣднiй съ Англiйскимъ; потомъ, обнадеженный содѣйствiемъ женщины, подобно ему честолюбивой, онъ измѣнилъ и внѣшнюю политику Испанiи, начертавъ планы своимъ намѣренiямъ столь колоссальные, что только соединенными силами Государства Европейскiя успѣли разрушить ихъ: онъ хотѣлъ возвратить Испанiи Италiянскiя ея провинцiи, доставить Королю ея Регентство Французское и воцарить Iакова III въ Англiи. [20]

Обстоятельства, при которыхъ онъ приступилъ къ исполненiю своихъ намѣренiй, были для него столь благопрiятны, что Европа, видя приготовленiя Испанiи къ какимъ-то непрiязненнымъ дѣйствiямъ, не могла угадать цѣли оныхъ до тѣхъ поръ, пока Алберони самъ не обнаружилъ ее. Въ это время Венецiя вела войну съ Портою; Австрiя должна была принять въ ней участiе для охраненiя своихъ границъ; а Папа принужденъ былъ обратиться съ просьбою къ Королю Испан-

скому о присылкѣ войскъ для защиты отъ Мусульманъ береговъ Италіи.

Хитрому Министру Испаніи не нужно было ожидать минуты благопріятнѣйшей для начатія своихъ дѣйствій. Удаленіе Австрійскихъ войскъ къ границамъ Турціи обнадеживало успѣхъ нападенія на Имперію со стороны Испаніи; а требованіе Папы могло служить предлогомъ вооруженія и оправдать отправленіе флота къ берегамъ Италіянскихъ провинцій, отчужденныхъ у Испаніи въ пользу Австріи.

Алберони немедленно увѣдомилъ Папу, что Король Испанскій соглашается на его требованіе; но съ тѣмъ вмѣстѣ проситъ Святѣйшаго Отца прислать ему буллу, посредствомъ которой могъ бы онъ требовать съ духовенства денежнаго вспомоществованія, необходимаго для вооруженія войскъ, кои отправлены будутъ въ Италію.

Булла была прислана въ Испанію, и Алберони вооружилъ флотъ и приготовилъ войска къ походу съ неимовѣрною поспѣшностію; но, или думая отвлечь вни-

маніе Европы отъ цѣли, для которой дѣлалось вооруженіе, или желая извлечь изъ всего наивозможнѣйшую для себя выгоду, онъ не хотѣлъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ до тѣхъ поръ, пока Папа не исполнитъ давнишняго своего обѣщанія — прислать ему Кардинальскую шапку. Медленіе Папы замедляло и выступленіе войскъ изъ Испаніи. Но какъ скоро желаніе честолюбиваго Министра было исполнено, то и флотъ отплылъ отъ Испаніи; но отправился не къ Папскимъ владѣніямъ, а присталъ къ берегамъ Сардиніи и завоевалъ этотъ островъ (1717). Въ слѣдующемъ году Испанцы овладѣли и Сициліею. [21]

Тутъ обнаружились намѣренія Кардинала Алберони и привели въ движеніе всю Европу. Англія, подтвердивъ условія Утрехтскаго мира, вступила съ Франціею въ союзъ, извѣстный подъ именемъ Четвернаго, [22] противъ Испаніи, къ которому сіи Державы надѣялись присоединить Голландію и Австрію; и открывъ замыслы Кардинала противъ Французскаго

Регента и Ганноверской династіи, 23 онѣ объявили войну Испаніи.

Вскорѣ по завоеваніи Сициліи былъ посланъ въ Средиземное море Англійскій флотъ «для защиты неутралитета Италіянскихъ владѣній» и одержалъ надъ Испанцами блистательную побѣду при мысѣ Пассарѣ.

Но Алберони принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ не устрашаютъ препятствія: всѣ представленія и угрозы со стороны Европейскихъ Державъ остались безъ успѣха. Алберони объявилъ Австріи и всей Европѣ о своемъ намѣреніи продолжать войну до послѣдней возможности.

Государства, объявившія войну Испаніи, видя наконецъ, что онѣ должны вести ее не съ Государствомъ, а только съ его Министромъ, — измѣнили планъ своихъ дѣйствій и устремили вниманіе единственно на прiисканіе средствъ низложить могущество этаго честолюбиваго и отважнаго человѣка.

Вникнувъ въ причины, заставлявшія Испанскую Королеву одобрять дѣйствія своего Министра, союзники согласились предложить сыну ея Дону Карлосу право на Тоскану, Парму и Піаченцу, въ видѣ Имперскихъ ленъ, съ тѣмъ, чтобы Испанскій Король отказался отъ требованій своихъ на Италію и Нидерланды и удалилъ Кардинала Алберони изъ Испаніи.

Союзники нашли вѣрное средство прекратить непріязненныя дѣйствія со стороны Испаніи: Королева Елизавета одобрила ихъ предложенія, и когда младшему сыну ея подали надежду взойти на Французскій престолъ, она отъ лица Испаніи одобрила всѣ условія Четвернаго союза и согласилась удалить Алберони. [24] Пламя войны было погашено и спокойствіе снова водворилось въ Европѣ; хотя несогласія нѣкоторыхъ Державъ совершенно прекращены не прежде 1721 года на Камбрейскомъ Конгрессѣ.

Не смотря на то, что желанія Алберони не исполнились; однако дѣйствія его

произвели перемѣну въ положеніи Государствъ, согласивъ къ уступчивости нѣкоторыя власти и заставивъ укрѣпить прежнія отношенія новыми узами: Англія, какъ виновница новозаключеннаго мира, утвердившая оный вооруженною рукою и благоразумною политикою знаменитаго Роберта Вальполя, еще болѣе усилила вліяніе свое на континентальныя правительства.

Вскорѣ послѣ низверженія Испанскаго Министра, Императоръ Карлъ VI, неимѣвшій дѣтей мужескаго пола, издалъ подъ именемъ Прагматической Санкціи [25] завѣщаніе о наслѣдствѣ Австрійскаго престола. Эта Санкція предоставляла дочери Карла VI, Маріи Терезіи, право возложить на себя послѣ его смерти Императорскую корону. Чтобы прагматическая Санкція получила надлежащую силу, Императоръ хотѣлъ обезпечить ее признаніемъ со стороны Европейскихъ Державъ; а потому это обстоятельство сдѣлалось главною статьею при заключеніи всѣхъ договоровъ сего Государя съ прочими властями. Однако

защищать права Санкціи вооруженною рукою надлежало не ему, а его наслѣдницѣ. Между же тѣмъ Императоръ обратилъ на себя вниманіе Европы другимъ замысломъ, подрывавшимъ выгоды торговыхъ Державъ, — и именно, желаніемъ доставить своимъ Нидерландскимъ провинціямъ первенство въ Ост-Индской торговлѣ. [26] Противорѣчія, возникшія по сему случаю, положено было рѣшить на Конгрессѣ въ Камбрэ [27] при посредничествѣ Франціи и Англіи, коимъ поручили свои требованія Австрія, Сардинія и Порта. Взаимныя желанія Державъ доставить себѣ болѣе выгодъ и несогласіе на уступки были поводомъ къ продолжительнымъ спорамъ. Наконецъ усилія первенствовавшихъ властей побѣдили было препятствія и обѣщали Европѣ всеобщее спокойствіе; но во время переговоровъ происшествіе, совершенно неожиданное, — бракъ Людовика XV съ Маріею Лещинскою, дочерью Польскаго Короля Станислава (вмѣсто помолвленной за него Испанской Принцессы) произвелъ перемѣну въ дѣлахъ политики и

бросилъ искру раздора, превратившуюся скоро въ пламя войны.

Раздраженная такимъ поступкомъ Испанія тотчасъ прекратила всѣ дружескія сношенія съ Франціею, предложила миръ Австріи [28] и вступила съ нею въ союзъ. Это внезапное примиреніе и договоръ, заключавшій въ себѣ нѣсколько тайныхъ условій, заставлявшихъ предполагать какія либо непріязненныя намѣренія, побудилъ и Францію искать союзниковъ. Она нашла ихъ въ Англіи, Даніи, Швеціи и Голландіи. Пруссія и наконецъ Россія приняли сторону Австріи. [29]

Государства сіи вооружились и скоро возстали одно противъ другаго почти безъ всякой основательной причины. Однако не смотря на военныя дѣйствія, открывшіяся между нѣкоторыми Государствами, политика двухъ искреннихъ друзей міра — Кардинала Флери, управлявшаго кормиломъ Франціи, и Англійскаго Министра Роберта Вальполя, [30] остановила кровопролитіе. Желая водворить спокойствіе между воевавшими

Державами, они успѣли склонить ихъ къ переговорамъ, кои, при всеобщемъ желаніи прекратить вражду, обѣщали благопріятныя слѣдствія. Но во время подписанія прелиминарій въ Парижѣ, возникли опять споры о существованіи Ост-Индской компаніи, и для окончательнаго заключенія мира положено было собрать Конгрессъ въ Соасонѣ. Между тѣмъ Испанская Королева, видя что ни вражда съ Франціею, ни союзъ съ Императоромъ не доставятъ ей никакихъ выгодъ, возобновила требованіе обезпечить права своего сына на Герцогства Пармское и Піаченское занятіемъ оныхъ Испанскими войсками. Франція и Англія одобрили ея требованія; но Императоръ, считая это обстоятельство нарушеніемъ правъ своихъ и мира съ Испаніею, предложилъ прекратить Конгрессъ въ Соасонѣ и, укрѣпивъ свои Италіянскія владѣнія, осадилъ Парму и Піаченцу. Въ это время Англія, признавъ прагматическую Санкцію, склонила Карла VI уступить Испаніи занятыя ею провинціи и уничтожить Ост-Индскую компанію.

Гаранттія Прагматической Санкціи была талисманомъ, посредствомъ коего можно было управлять дѣйствіями Императора; а потому онъ, заключивъ миръ съ Англіею, Голландіею и Испаніею, согласился исполнить требованія сихъ Державъ.

Всѣ несогласія прекратились и спокойствіе казалось на долго утвержденнымъ въ Европѣ. Англія находилась въ дружескихъ сношеніяхъ со всѣми Кабинетами; Франція примирилась съ Испаніею; Австрія тоже отказалась отъ распрей съ сею Державою; но не смотря на это, ни одно Государство не чуждо было страсти къ распространенію своихъ предѣловъ: для возбужденія ея нуженъ былъ только предлогъ, который бы хотя нѣсколько могъ оправдать разрывъ дружескихъ сношеній одной Державы съ другою. Случай къ этому представился по смерти Польскаго Короля Августа II (1 Февр. 1733), когда приступили къ избранію ему преемника. [31] Изъ числа претендентовъ, Австрія и Россія предлагали возвести на Польскій престолъ Курфирста Саксонскаго; а Франція

объявила себя на сторонѣ Станислава Лещинскаго.

Но вопреки всѣмъ усиліямъ сей послѣдней Державы, имѣвшей въ виду не одну родственную помощь, но и распространеніе своихъ предѣловъ на счетъ Германіи, Польскій престолъ былъ предоставленъ Августу III. Франція, считая себя при семъ случаѣ оскорбленною со стороны Австріи, объявила ей войну и заключила союзъ съ Испаніею.

Война возгорѣлась, и Французскія войска одерживали въ продолженіе ея верхъ надъ Австрійцами. Побѣда измѣнила уже старцу Евгенію. Мало по малу у Императора отняты были всѣ владѣнія его въ Италіи, и наконецъ, онъ принужденъ былъ согласиться на миръ, заключенный въ Вѣнѣ (18 Нояб. 1738) и уступить по оному воевавшимъ противъ него Державамъ почти все, чего за нѣсколько времени предъ симъ домогался Кардиналъ Алберони, возбудившій противъ себя негодованіе почти цѣлой Европы, которая однако же равнодушно смотрѣла теперь, какъ лишали Австрію важнѣйшихъ ея пріобрѣтеній. [32]

Война сія ведена и окончена была безъ посредства мореходныхъ властей. Но Австрія не долго наслаждалась спокойствіемъ: послѣ смерти Карла VI, оно было нарушено сильною бурею, грозившею уничтоженіемъ этой древнѣйшей въ Европѣ Монархіи.

КНИГА I.

ГЛАВА II.

И въ Сѣверныхъ Государствахъ Европы начало XVIII столѣтія было ознаменовано происшествіями, совершенно измѣнившими не только взаимныя ихъ отношенія, но судьбу и внутреннее бытіе каждаго изъ нихъ.

Въ это время Швеція, Государство сильное, хорошо устроенное, какъ въ финансовомъ, такъ и военномъ отношеніи, достигла высокой степени совершенства и первенствовала въ числѣ Сѣверныхъ Державъ Европы. Юный Монархъ

ея, Карлъ XII имѣлъ обильныя средства для поддержанія могущества своего Государства — но не болѣе: ибо средства сіи были скудны для выполненія тѣхъ намѣреній, кои порождало его славолюбіе. Первенствовать на Сѣверѣ, и, если удастся, даже и въ цѣлой Европѣ, было главнымъ и единственнымъ желаніемъ этого Монарха-Героя.[33]

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ увлекся на поле брани, гдѣ думалъ осуществить исполинскія мечты свои, и почти въ самомъ началѣ пути встрѣтилъ могущественнаго противника въ особѣ Повелителя Россіи, страны только еще имъ преобразовываемой въ Государство Европейское, но уже сильной своими внутренними средствами и огражденной оплотомъ твердой, непоколебимой воли и расчетливаго ума свого Монарха, заботившагося о пріобрѣтеніи славы—не завоевателя, но творца могущества и благоденствія страны, ввѣренной ему предвѣчнымъ Промысломъ.

При встрѣчѣ сихъ Монарховъ на пути, если не въ одной, то, по крайней мѣрѣ,

къ одинаковой цѣли, долженъ былъ мечемъ рѣшиться споръ, кому первенствовать изъ нихъ. Такая борьба равныхъ непреклонностію воли не могла скоро окончиться: она превратилась въ пламя двадцатилѣтней войны, разлившейся по всѣмъ Сѣвернымъ Государствамъ Европы. [34]

Великій Петръ, утвердивъ завоеваніемъ Азова власть свою надъ Чернымъ моремъ, видѣлъ лишь начало исполненія своихъ геніальныхъ намѣреній — поставить Россію на степень Государства Европейскаго. Какъ ни важны были выгоды, пріобрѣтенныя Россіею чрезъ это завоеваніе; но онѣ лишь прооброзовали то величіе, то мугущество, какаго Россія можетъ достигнуть обладаніемъ странъ, прилежащихъ къ морю Балтійскому и частію бывшихъ древнимъ ея достояніемъ. Страны сіи находились подъ скипетромъ Швеціи, и Россія могла пріобрѣсти ихъ не иначе, какъ завоеваніемъ.

Въ Исторіи нѣтъ примѣровъ, чтобы недостаткомъ предлоговъ какое нибудь

Война сія ведена и окончена была безъ посредства мореходныхъ властей. Но Австрія не долго наслаждалась спокойствіемъ: послѣ смерти Карла VI, оно было нарушено сильною бурею, грозившею уничтоженіемъ этой древнѣйшей въ Европѣ Монархіи.

дишь власть своего Отечества надъ странами Балтійскими. [37]

Торжествуя въ Польскихъ владѣніяхъ, пылкій, подвластный порывамъ страстей и недальновидный Карлъ XII былъ изумленъ успѣхами Русскаго Царя, котораго дотолѣ считалъ онъ врагомъ наименѣе опаснымъ, и рѣшился поправить свою ошибку (другою, еще худшею!) напавъ на него въ центрѣ его владѣній. Карлъ выступилъ изъ Саксоніи, перешелъ Днѣпръ и явился въ Малороссіи; [38] этимъ необдуманнымъ походомъ, имѣвшимъ цѣль дерзкую, могшую представиться только уму, презиравшему всѣ препятствія и опасности, Карлъ XII положилъ начало паденію своего могущества.

Счастіе покинуло своего любимца и предоставило ему одному рѣшить споръ о первенствѣ, которое онъ считалъ для себя несомнѣннымъ. Этотъ споръ рѣшился 8 Іюля 1709 года, на берегахъ Ворсклы при Полтавѣ, вопреки ожиданій Короля Шведскаго.

При невозможности получить подкрѣпленіе изъ отечества, Карлъ XII осно-

валъ свои надежды на помощи чуждой: онъ удалился въ Турцію и былъ принятъ тамъ съ почестями, приличными его сану. Пылкимъ умомъ своимъ, убѣжденіями и льстивыми обѣщаніями онъ склонилъ Порту къ войнѣ съ Россіею. [39]

Будущее освѣтилось для него яркими лучами надежды: онъ думалъ уже, что неудачи миновались, что скоро возвратятся счастливые дни его славныхъ побѣдъ; но эти надежды были только мечты. Миръ Россіи съ Турціею (на Прутѣ), хотя заключенный на условіяхъ и невыгодныхъ для нашего Отечества, [40] показалъ однакоже Шведскому Королю положеніе дѣлъ въ настоящемъ ихъ видѣ, разрушавшемъ всѣ его льстивыя предположенія. Но не смотря на это, Карлъ все еще силился побѣдить обстоятельства и успѣлъ было опять возжечь потухшее пламя войны между Россіею и Портою; однако Европейскія Державы, и прежде другихъ мореходныя, заключивъ договоръ съ Швеціею, почти силою принудили его выѣхать изъ Турціи.

Миръ водворился между Россіею и Турціею; положеніе Шведскаго Короля, казалось, не могло уже препятствовать возстановленію всеобщаго спокойствія; но Державы, заключившія союзъ противъ Швеціи, къ числу коихъ присоединились еще Пруссія и Ганноверъ, хотѣли довершить несчастіе ея Повелителя. Карлъ XII скоро лишился всѣхъ своихъ постороннихъ владѣній. [41] Къ симъ потерямъ присоединилось еще новое, ужаснѣйшее зло: въ самой Швеціи нѣкоторыя провинціи гласно обнаружили желаніе вступить въ подданство Россіи.

И такъ Швеція, Государство не задолго столь сильное, могущественное, послѣ пораженій и потерь, претерпѣнныхъ Карломъ XII, клонилась къ совершенному упадку; для ея спасенія, почти на самомъ краю гибели, явился было мужъ великій, возведенный Карломъ на первую степень государственныхъ почестей, Баронъ Герцъ; [42] но законами Всевышняго и ему суждено было показать Швеціи лишь зарю того благосостоянія, до какого можетъ довести ее

Правитель, желающій блага не себѣ, но странѣ, имъ охраняемой, и охраняемой не мечемъ только воина. — Облеченный Карломъ XII, вопреки желаній почти всего Дворянства, саномъ перваго Министра, Баронъ Герцъ чрезъ два мѣсяца по смерти своего Короля, погибшаго въ окопахъ Фридрисгаля, былъ оговоренъ въ государственной измѣнѣ и кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Шведское Правительство прервало всѣ сношенія и переговоры о мирѣ, который намѣревался заключить Герцъ съ Россіею и другими Державами, и вмѣсто того вступило въ союзъ съ Англіею, а вслѣдъ за тѣмъ, при ея посредствѣ, съ Пруссіею, Ганноверомъ, Польшею и Даніею, стоившій ему неимовѣрныхъ пожертвованій. Но обстоятельства скоро показали Швеціи, какъ мудры были дѣйствія Герца, цѣнившаго всего болѣе дружбу Россіи. Швеція, не смотря на обѣщанную Англіею помощь, принуждена была купить слишкомъ дорогою цѣною

Повелителя Россіи, предприняв-

шаго въ 1720 году опустошительный походъ въ Финляндію. Миръ сей, заключенный 30 Августа 1721 года въ Ништадѣ, [43] стоилъ сему Государству Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, Кареліи и всѣхъ островов отъ Курляндской границы до Выборга. Въ замѣнъ сего Петръ I вывелъ свои войска изъ Финляндіи и заплатилъ Швеціи милліонъ экю. Симъ миромъ прекратилась опустошительная Сѣверная война, доставившая Россіи, преимущественно предъ всѣми Державами, принимавшими въ оной участіе, неисчислимыя выгоды и возведшая ее на высокую степень могущества. По заключеніи мира Петръ I возложилъ на себя вѣнецъ Императорскій. Завоеваніемъ Прибалтійскихъ странъ Императоръ Россійскій обезпечилъ свои начинанія къ пользѣ, славѣ и величію своего Отечества и доставилъ ему первенство въ Сѣверной системѣ Европейскихъ Государствъ. Новая столица, заложенная имъ при началѣ Сѣверной войны, явилась, по окончаніи оной, уже городомъ, привлекавшимъ къ себѣ корабли

Правитель, желающій блага не себѣ, но странѣ, имъ охраняемой, и охраняемой не мечемъ только воина. — Облеченный Карломъ XII, вопреки желаній почти всего Дворянства, саномъ перваго Министра, Баронъ Герцъ чрезъ два мѣсяца по смерти своего Короля, погибшаго въ окопахъ Фридрисгаля, былъ оговоренъ въ государственной измѣнѣ и кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Шведское Правительство прервало всѣ сношенія и переговоры о мирѣ, который намѣревался заключить Герцъ съ Россіею и другими Державами, и вмѣсто того вступило въ союзъ съ Англіею, а вслѣдъ за тѣмъ, при ея посредствѣ, съ Пруссіею, Ганноверомъ, Польшею и Даніею, стоившій ему неимовѣрныхъ пожертвованій. Но обстоятельства скоро показали Швеціи, какъ мудры были дѣйствія Герца, цѣнившаго всего болѣе дружбу Россіи. Швеція, не смотря на обѣщанную Англіею помощь, принуждена была купить слишкомъ дорогою цѣною миръ у Повелителя Россіи, предпринявъ-

шаго въ 1720 году опустошительный походъ въ Финляндію. Миръ сей, заключенный 30 Августа 1721 года въ Ништадѣ,[43] стоилъ сему Государству Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, Кареліи и всѣхъ островов отъ Курляндской границы до Выборга. Въ замѣнъ сего Петръ I вывелъ свои войска изъ Финляндіи и заплатилъ Швеціи милліонъ экю. Симъ миромъ прекратилась опустошительная Сѣверная война, доставившая Россіи, преимущественно предъ всѣми Державами, принимавшими въ оной участіе, неисчислимыя выгоды и возведшая ее на высокую степень могущества. По заключеніи мира Петръ I возложилъ на себя вѣнецъ Императорскій. Завоеваніемъ Прибалтійскихъ странъ Императоръ Россійскій обезпечилъ свои начинанія къ пользѣ, славѣ и величію своего Отечества и доставилъ ему первенство въ Сѣверной системѣ Европейскихъ Государствъ. Новая столица, заложенная имъ при началѣ Сѣверной войны, явилась, по окончаніи оной, уже городомъ, привлекавшимъ къ себѣ корабли

изъ странъ далекихъ; произведенія отечественной промышленности находили въ ней обширный рынокъ, и мудрый Архитектонъ Россіи, провидя будущую знаменитость этаго города, неусыпно трудился надъ его украшеніемъ, сѣялъ въ немъ семена просвѣщенія.

Укрѣпляясь внутренними силами, Россія была безопасна и отъ внѣшнихъ враговъ. Упадокъ Шведскаго могущества обезопасилъ Россію съ Сѣвера; Польша походами Карла XII приведена была въ разстройство; сверхъ того внутренніе безпорядки грозили уже скорымъ паденіемъ ея политическому бытію. Для прочихъ сосѣдей, Россія послѣ Сѣверной войны, являлась грознымъ, могучимъ исполиномъ; даже и могущество Турціи, потрясенное Россіею и Австріею, клонилось къ упадку. Данія, принимавшая въ сей войнѣ живѣйшее участіе, пріобрѣла посредствомъ ея только Герцогство Шлезвигское; однако и это пріобрѣтеніе не долго было ея собственностію.

Но между тѣмъ какъ иные Государства, участвовавшія въ Сѣверной войнѣ,

безполезно старались освободиться отъ ея губительныхъ слѣдствій, Пруссія, недавно еще признанная Королевствомъ, начала укрѣпляться силами и возвышаться почти столь-же быстро, какъ и Россія. Потери Швеціи освободили Пруссію отъ сосѣдства, могшаго вредить успѣхамъ ея могущества, и съ тѣхъ поръ Держава сія, по своему географическому положенію начавшая принимать сильное участіе въ дѣлахъ какъ Сѣверной такъ и Южной Европы, твердо поддерживала пріобрѣтенныя ею вѣсъ и силу въ дѣлахъ политики. Со вступленіемъ же на престолъ Пруссіи Фридерика II Великаго, Государство это достигло степени первоклассной Державы.

КНИГА I.

ГЛАВА III.

Послѣ двадцатилѣтнихъ усилій и многихъ, большею частію значительныхъ, пожертвованій, удалось Императору Карлу VI достигнуть цѣли, бывшей первѣйшимъ его желаніемъ — одобренія и признанія со стороны Европейскихъ Державъ Прагматической Санкціи. Права Маріи Терезіи на престолъ Имперіи по смерти отца своего были обезпечены согласіемъ, торжественно изъявленнымъ всѣми Дворами. Одинъ только Курфирстъ Баварскій, претендуя на Императорскую

корону, не соглашался признать Прагматической Санкціи. Но недоброжелательство Курфирста, слишкомъ слабаго для открытой вражды съ Имперіею, не возбуждало никакихъ опасеній въ Австріи.

Въ концѣ 1740 года умеръ Карлъ VI, и наслѣдницею всѣхъ его владѣній, по завѣщанію, сдѣлалась единственная дочь его Марія Терезія, бывшая въ замужствѣ за Великимъ Герцогомъ Тосканскимъ, Францомъ Стефаномъ.

Въ этомъ же году, на престолъ Пруссіи вступилъ Фридерикъ II, признавшій подобно прочимъ Государямъ, Марію Терезію законною наслѣдницею всѣхъ владѣній отца ея. Вступивъ на престолъ Государства, хотя и хорошо устроеннаго, но еще не могшаго стать наряду съ сильнѣйшими Державами Европы, [44] Фридерикъ II, Монархъ съ глубокимъ умомъ, съ удивительною прозорливостію и воинскими дарованіями, рѣшился возвести Пруссію на степень первоклассной Державы. Средствомъ къ сему были завоеванія — и удобнѣйшимъ, по

КНИГА I.

ГЛАВА III.

Послѣ двадцатилѣтнихъ усилій и многихъ, большею частію значительныхъ, пожертвованій, удалось Императору Карлу VI достигнуть цѣли, бывшей первѣйшимъ его желаніемъ — одобренія и признанія со стороны Европейскихъ Державъ Прагматической Санкціи. Права Маріи Терезіи на престолъ Имперіи по смерти отца своего были обезпечены согласіемъ, торжественно изъявленнымъ всѣми Дворами. Одинъ только Курфирстъ Баварскій, претендуя на Императорскую

корону, не соглашался признать Прагматической Санкціи. Но недоброжелательство Курфирста, слишкомъ слабаго для открытой вражды съ Имперіею, не возбуждало никакихъ опасеній въ Австріи.

Въ концѣ 1740 года умеръ Карлъ VI, и наслѣдницею всѣхъ его владѣній, по завѣщанію, сдѣлалась единственная дочь его Марія Терезія, бывшая въ замужствѣ за Великимъ Герцогомъ Тосканскимъ, Францомъ Стефаномъ.

Въ этомъ же году, на престолъ Пруссіи вступилъ Фридерикъ II, признавшій подобно прочимъ Государямъ, Марію Терезію законною наслѣдницею всѣхъ владѣній отца ея. Вступивъ на престолъ Государства, хотя и хорошо устроеннаго, но еще не могшаго стать наряду съ сильнѣйшими Державами Европы, [44] Фридерикъ II, Монархъ съ глубокимъ умомъ, съ удивительною прозорливостію и воинскими дарованіями, рѣшился возвести Пруссію на степень первокласной Державы. Средствомъ къ сему были завоеванія — и удобнѣйшимъ, по

тогдашнимъ обстоятельствамъ, завоеваніе Силезіи.

Не приступая еще къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, Фридерикъ объявилъ новой Императрицѣ требованія на нѣкоторыя части Силезіи. Не заботясь о предлогахъ разрыва, забывая собственную гарантію Прагматической Санкціи и видя, что Австрія не соглашается удовлетворить требованій Пруссіи, Фридерикъ напалъ на Силезію и, выигравъ Мальвицкое сраженіе, занялъ всю ее почти безъ малѣйшаго сопротивленія.

Дѣйствія Фридерика не только не возбудили негодованія другихъ Государствъ, но, напротивъ, ускорили обнаруженіе замысла Франціи, думавшей раздробить Австрійскую Монархію, похитивъ Императорскую корону.

Если уже и требованія Фридерика были основаны на правахъ оспориваемыхъ, то тѣмъ менѣе Франція могла чѣмъ либо оправдать свой разрывъ съ Австріею; ибо она не только признала Прагмати-

ческую Санкцію, но и обезпечила ее своимъ ручательствомъ. [45] Однако, не смотря и на несправедливость, Держава эта не хотѣла начать войны безъ предлога.

Предлогомъ сочли подкрѣпленіе постороннихъ требованій, признанныхъ Франціею за неоспоримыя.

Вниманіе Франціи (къ которой присоединилась и Испанская Королева, заботившаяся »о насущномъ хлѣбѣ« уже для втораго своего сына), наиболѣе обращено было на Баварію, Курфирстъ которой, Карлъ Альбертъ, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ всей Имперіи. Къ Испаніи и Франціи скоро потомъ присоединилась и Саксонія, тоже начинавшая думать, что нарушеніе торжественнаго признанія Прагматической Санкціи было дѣло не совсѣмъ несправедливое.

Такимъ образомъ Франція, не имѣя ни малѣйшаго предлога возстать противъ Австріи, рѣшилась защищать въ одно и тоже время права Испаніи, Баваріи и Саксоніи, [46] изъ коихъ каждая требовала себѣ цѣлой Австріи. Союзъ сихъ Госу-

дарствъ былъ тайно заключенъ въ Нимфенбургѣ; къ нимъ скоро присоединилась и Пруссія.

Марія Терезія увидѣла противъ себя вооружившимися четыре Государства; самой же ей оставалось только надежда на собственныя силы; ибо остальныя Государства Европы, или были слишкомъ слабы, чтобы подать помощь Австріи противъ столь сильныхъ союзниковъ, или не могли вступиться за Австрію, потому что сами вели войну для защиты собственныхъ правъ. [47]

Французская армія, въ соединеніи съ Баварскою и Саксонскою, вступила въ Верхнюю Австрію и Богемію и овладѣла Прагою (1741 Ноябр. 26). Курфирстъ Баварскій заставилъ жителей этого города присягнуть ему какъ Императору, принявшему сей титулъ подъ именемъ Карла VII. [48] Примѣру его послѣдовалъ и Фридерикъ въ завоеванной имъ Силезіи.

Такимъ образомъ, не смотря на признаніе Прагматической Санкціи почти всѣми Европейскими Державами и ручательство,

коимъ торжественно обязывались онѣ защищать неприкосновенность правъ, доставляемыхъ симъ завѣщаніемъ наслѣдницѣ Карла VI, Марія Терезія принуждена была низойти съ Императорскаго трона и удалиться въ Венгрію.

Преданность, уваженіе къ Императорскому престолу и особѣ Маріи Терезіи, одушевлявшія Венгрію, дали средства наслѣдницѣ Карла VI въ скоромъ времени собрать значительную армію, могшую противустать силамъ союзниковъ, вооружившихся противъ Австріи; и тѣмъ болѣе, что наконецъ Англія не хотѣла уже долѣе оставаться равнодушною зрительницей несчастій сей Державы. [49]

Не смотря на войну свою съ Испаніею, Англія выслала на континентъ войска, кои и соединились съ Австрійцами въ Нидерландахъ. Вскорѣ послѣ сего, Фридрихъ II, завоевавшій уже всю Силезію, отступилъ отъ Союза противъ Австріи, заключивъ съ нею миръ въ Бреславлѣ. [50]

Примирившись съ опаснѣйшимъ изъ враговъ своихъ и вспомоществуемая

Англійскими войсками, Австрія легко уже могла одержать верхъ надъ остальными нарушителями правъ своихъ. Богемія и Баварія были ею возвращенны, и даже Карлъ VII долженъ былъ спасаться бѣгствомъ.

Сверхъ этаго, при посредствѣ Англіи, Марія Терезія вступила въ союзъ съ Голландіею, Королемъ Сардинскимъ и примирилась съ Саксоніею, которая тоже перешла на ея сторону. Но за то Франція рѣшилась принять въ сей распрѣ живѣйшее участіе: судя, что успѣхи Австрійскаго оружія наиболѣе зависятъ отъ Англіи, она бросила роль вспомогательной Державы, вступила въ союзъ съ Испаніею, и уже отъ своего лица объявила войну Имперіи и Англіи. [51]

Такимъ образомъ война, веденная до толѣ лишь на сухомъ пути, теперь распространилась по морямъ и даже колоніямъ. Сверхъ того, Фридерикъ, видя успѣхи Австрійскаго оружія и потому опасаясь лишиться Силезіи, если Марія Терезія останется побѣдительницею,

возобновилъ свои сношенія съ Франціею и снова заключилъ съ нею союзъ противъ Австріи.

Духъ раздоровъ оживился. Фридерикъ напалъ на Богемію и опять объявилъ себя защитникомъ Карла VII. Государь этотъ, жившій тогда во Франкфуртѣ на Майнѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, успѣлъ снова, при помощи союзниковъ, возвратиться въ свою столицу: но смерть скоро пресѣкла торжество его.

Наслѣдникъ и сынъ умершаго Императора, Іосифъ Максимиліанъ, добровольно отказался отъ требованій Императорской короны и заключилъ миръ съ Австріею. Императоромъ на мѣсто умершаго, провозглашенъ былъ супругъ Маріи Терезіи, Францискъ I. Послѣ сего и Фридерикъ, вторично утвердившій за собою Саксонію, не хотѣлъ продолжать военныхъ дѣйствій и возобновилъ миръ съ Маріею Терезіею.

Однако этотъ примѣръ не подѣйствовалъ на Францію; не смотря на отказъ

Баварія и Пруссіи дѣйствовать за одно съ сею Державою, она съ остальными своими союзниками продолжала войну въ Италіи и Нидерландахъ.

Видя упорство Франціи и открывъ въ ней замыслы даже и противъ себя, [52] Великобританія рѣшилась употребить дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію распрей. Но мѣры сіи можетъ быть, долго не произвели бы желаемаго успѣха, если бы Англіи и Австріи не удалось склонить на свою сторону Россіи. Вспомогательный корпусъ, высланный ею, явясь на берегахъ Рейна и не вступая даже ни въ одно сраженіе, заставилъ враждовавшихъ прекратить военныя дѣйствія. [53]

Положено было собрать Конгрессъ въ Ахенѣ, гдѣ враждовавшія Державы и заключили миръ (1748 Октяб. 18), по которому Англія и Франція возвратили взаимно завоеванныя ими земли, а Австрія предоставила Силезію и Глацъ Королю Прусскому, а Парму, Піаченцу и Гвасталу въ пользу Дона Филиппа. Въ

замѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ Австріею, всѣ участники мира обезпечили своимъ ручательствомъ Прагматическую Санкцію.[54]

Слѣдствія войны, веденной противъ Маріи Терезіи, не смотря на миръ (непрочность котораго скоро обнаружилась), прекратившій оную, были чрезвычайно важны для всѣхъ почти Государствъ Европейскихъ; ибо произвели перемѣну въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ продолженіи этой войны было участіе, принятое въ ней Россію, рѣшившее перевѣсъ въ пользу той стороны, которую она приняла, и проложившее нашему Отечеству путь къ связямъ съ западною Европою, кои съ тѣхъ поръ уже не прерывались болѣе.

КНИГА I.

ГЛАВА IV.

Миръ, заключенный въ Ахенѣ, хотя и разрушилъ замыслы о раздробленіи Австрійской Монархіи, но не уничтожилъ причинъ, могшихъ рано или поздно опять возжечь пламя раздоровъ. Кромѣ непостоянства тогдашнихъ союзовъ, самыя условія этаго мира показывали, что онъ не могъ быть проченъ: Австрія должна была сдѣлаться непримиримымъ врагомъ Пруссіи; потому, что уступка Силезіи, сверхъ ущерба, оскорбляла и честь Имперіи.

Видя это, и подозрѣвая скорый разрывъ Австріи съ Пруссіею, и прочія Государства не предавались спокойствію мирнаго времени. Споръ за Силезію и сношенія о семъ предметѣ двухъ непріязненныхъ Державъ приводили въ движеніе дѣятельность всѣхъ Европейскихъ Кабинетовъ. Зная, что о низложеніи Пруссіи нельзя и думать не имѣя въ виду помощи сильныхъ союзниковъ, Австрія не посягала на разрывъ съ своею сильною противницею. Дружескія связи съ Россіею и Саксоніею не прерывались; но помощи этихъ державъ было бы не достаточно, если бы Франція давняя соперница Австріи, опять приняла сторону Пруссіи. — Послѣ вѣковой вражды трудно было и представить себѣ союзъ съ этимъ Королевствомъ; — однако Австрія рѣшилась подвергнуть испытанію постоянство Французскаго Правительства. Переговоры объ этомъ предметѣ поручено было вести Кауницу, [55] и успѣхъ его въ семъ трудномъ дѣлѣ превзошелъ ожиданія: Франція, сначала заключила союзъ съ Австріею, а потомъ даже

и договоръ о раздробленіи Прусской Монархіи.

Причины, заставившія Францію вступить въ дружескія сношенія съ Имперіею, которая въ продолженіе почти двухъ столѣтій была непримиримымъ врагомъ этаго Королевства, остались загадкою для Государствъ Европейскихъ; но между тѣмъ это необычайное событіе не могло не измѣнить ихъ прежнихъ связей. Англія, видя, что Австрія измѣнила отношенія свои къ Франціи, враждовавшей съ симъ Королевствомъ, и сама отказалась отъ союза съ Имперіею и перешла на сторону Пруссіи.

Противъ Фридерика вооружилась большая половина Европы; [56] но Государь этотъ не страшась своихъ грозныхъ непріятелей, рѣшился предупредить ихъ намѣренія, вторгнувшись въ Саксонію, которая не могла ему противупоставить никакой обороны. — Беззащитное положеніе этой страны обратило на себя вниманіе Государствъ, вооружавшихся противъ Фридерика (Австрію,

Россію и Францію); онѣ объявили ему войну и привлекли на свою сторону даже и Германію.

Къ счастію Короля Прусскаго, Французы, ведя войну съ Англичанами на морѣ, вздумали вредить имъ и на сушѣ, вторгнувшись въ Ганноверскія земли: — Англійскія войска тамъ бывшія, соединясь съ Прусскими, подъ начальствомъ Принца Брауншвейгскаго, прикрывали большую часть владѣній Фридерика, тогда какъ самъ онъ дѣйствовалъ въ Силезіи и даже Богеміи.

Между тѣмъ восьмидесятитысячная Русская армія, подъ начальствомъ Фельдмаршала Апраксина, [57] вышла за границу, взяла Мемель и разбила значительный корпусъ Прусской арміи при Гроссъ - Эгенсдорфѣ. Однако Апраксинъ не воспользовался успѣхами своего оружія. Въ слѣдующемъ году Руские снова явились подъ начальствомъ Фермора [58] и овладѣли почти всею Пруссіею. — Манифестомъ отъ 12 Января 1758 года сей военачальникъ назначенъ былъ Генералъ-Гу-

сдѣлалъ ревностнѣйшую его союзницу.— Русскія войска приводившія въ ужасъ Пруссаковъ, бывшія надежнѣйшею опорою Австріи, внезапно оставили своихъ союзниковъ и присоединились къ тѣмъ, для которыхъ за день были непримиримѣйшими врагами.

Это случилось по кончинѣ Императрицы Елизаветы Петровны, наслѣдникъ которой Петръ III, »будучи еще Герцогомъ Голстинскимъ, по чувствамъ рѣдкимъ между обыкновенными людьми, питалъ къ Королю Прусскому самое дружелюбное расположеніе.« [61] Петръ III, по вступленіи на Престолъ Россіи заключилъ съ Пруссіею не только миръ, но оборонительный и наступательный союзъ. [62]

Такимъ образомъ сверхъ всякаго чаянія, положеніе дѣлъ Короля Прусскаго приняло счастливѣйшій оборотъ: избавясь отъ опаснѣйшей непріятельницы — Россіи, онъ могъ уже легко восторжествовать надъ прочими врагами своего Государства. Побѣдоносный походъ его

въ 1762 году, совершенный по заключеніи мира съ Петромъ III, и тогда еще показалъ свѣту, какъ должно цѣнить участіе, принимаемое Россіею въ распряхъ Европы. По кончинѣ Петра III, Екатерина избрала неутралитетъ въ отношеніи Пруссіи.

Но между тѣмъ война свирѣпствовавшая на Западѣ, оживилась новою дѣятельностію: Франція, угнѣтаемая могуществомъ Англіи, думала укрѣпить силы союзомъ съ Испаніею и скоро достигла цѣли своихъ желаній. По вступленіи на Испанскій престолъ Карла III, (втораго сына Королевы Елизаветы) заключенъ былъ съ Испаніею союзъ, извѣстный подъ именемъ Фамильнаго договора [63] и обязывавшій Испанію принять участіе въ войнѣ Франціи съ Англіею. Но не смотря на этотъ союзъ, трудно было остановить успѣхи и ходъ побѣдъ такой Державы, какова была тогда Англія; почти всѣ Французскія колоніи перешли въ ея руки: это и было цѣлію сего Государства. Послѣ сего Англія не хотѣла

уже болѣе продолжать и сухопутной войны. — Миръ былъ заключенъ въ Парижѣ, въ 1763 году. [64] Пруссія, по этому миру предоставлена была собственнымъ своимъ силамъ: Англія и Франція обѣщались наблюдать неутралитетъ въ войнѣ Прусскаго Короля съ Австріею. Но сія послѣдняя Держава оставленная Россіею, не могла уже бороться съ Государствомъ, Королемъ котораго былъ Фридерикъ Великій. Послѣ блистательныхъ побѣдъ сего Государя, нельзя уже было и думать о возвращеніи Силезіи; завоеваніе же сей страны и присоединеніе ея къ Пруссіи было единственнымъ желаніемъ Фридерика, побудившимъ его взяться за оружіе; а потому послѣ достиженія цѣли съ одной стороны, и отъ невозможности вознаградить потерю съ другой, заключеніе мира не могло уже подлежать сомнѣнію. И такъ не смотря на то, что примиреніе не могло быть чистосердечнымъ, Пруссія, Австрія и Саксонія приступили къ переговорамъ и наконецъ, въ Февралѣ 1763 заключили и самый миръ (въ Губертсбургѣ), основанный

на Бреславльскомъ и Дрезденскомъ договорахъ. [65]

Такимъ образомъ кончилась кровопролишная война, продолжавшаяся семь лѣшъ, стоившая Европѣ болѣе милліона жишелей и неисчислимаго множества капишаловъ. Однако ни миръ эшошъ, ни война имъ прекращенная, не произвели шѣхъ слѣдсшвій, кои по видимому можно было ожидашь опъ преобразованія опношеній Государсшвъ Европейскихъ, произведеннаго Фридерикомъ Великимъ. Согласіе на миръ со стороны Авсшріи — было вынуждено необходимосшію; слѣдовашельно, при есшесшвенной непріязни сей Державы къ Пруссіи, не могло между ними образовашься искренней, шѣсной связи, кошорая бы въ сосшояніи была поддержашь опношенія прочихъ Государсшвъ шведой Европы. Впрочемъ положеніе сихъ Державъ было шаково, что ни могущесшвенная, но ошдаленная Англія, ни обезсиленная и примирившаяся съ Авсшріею Франція, не могли вредишь имъ, и онѣ обѣ осшались Державами, первенсшвующими на Коншиненшѣ. Послѣ Гу-

берисбургскаго мира, главнымъ основаніемъ системы Фридерика Великаго было желаніе поддержать и сохранить Конституцію Германіи, уничтоженіе которой необходимо доставило бы перевѣсъ Австріи. [66]

Вотъ краткій очеркъ достопамятнѣйшихъ произшествій, случившихся въ Европѣ въ продолженіе первой половины XVIII столѣтія. Замѣчанія о характерѣ сего періода и слѣдствіяхъ главнѣйшихъ событій, совершившихся въ продолженіе онаго, составляютъ содержаніе второй книги.

КНИГА I.

ГЛАВА V.

1725 года, Января 28 дня Великій Петръ опочилъ отъ дѣлъ своихъ на землѣ и воспарилъ въ страну жизни вѣчныя. Въ этотъ же день, отъ имени Сената и Синода обнародованъ Манифестъ о вступленіи на Престолъ Россійскій Екатерины I, супруги преставившагося Императора, коронованной имъ въ 1724 году.[67] Царствованіе сей Государыни, ознаменованное благодѣяніями для Россіи и милостями для Вельможъ, близкихъ къ Трону, продолжалось съ небольшимъ два года. Желая отвратить пагубныя замѣ-

шательства и злоупотребленія могущества сильныхъ, могшія произойти послѣ ея кончины, при избраніи новаго Государя, примѣръ которыхъ она видѣла по смерти своего супруга, она сдѣлала завѣщаніе, [6a] по которому преемникомъ ея назначался Великій Князь Петръ Алексѣевичь. 6 число Маія 1727 года, было для сыновъ Россіи днемъ плача и сожалѣній о преставившейся Монархинѣ, достойной супругѣ Великаго Петра. На другой день этаго горестнаго событія, внукъ перваго Императора Рускаго, Петръ II, на двѣнадцатомъ году отъ рожденія принялъ скипетръ самодержавія.

«Первымъ долгомъ моимъ будетъ пріобрѣсть славу добраго Монарха и управлять народомъ моимъ справедливо и богобоязненно», писалъ этотъ вѣнценосный отрокъ къ сестрѣ своей, Великой Княгинѣ Наталѣ Алексѣевнѣ, въ день возшествія на Престолъ Всероссійскій, и во все время своего Царствованія, не нарушалъ ни чѣмъ этаго Монаршаго слова. Кроткій нравъ и доброе сердце, пишутъ современники, обнаружи-

вались въ немъ съ самаго дѣтства; умственныя способности его развертывались быстро и успѣхи въ наукахъ восхищали наставниковъ. Блистательныя надежды на грядущее благо Россіи, радовали его подданныхъ; но Зиждителю міровъ угодно было призвать къ себѣ и этаго Государя, едва достигшаго первыхъ лѣтъ юности. Долго, долго Отечество наше оплакивало его кончину.

Опасенія, тревожившія послѣдніе дни Императрицы Екатерины I и побудившія Ее издать постановленіе о наслѣдіи Престола, частію сбылись и грозили было повергнуть Россію въ бѣдствія, неизбѣжныя при измѣненіи образа правленія. По смерти Петра II, нѣкоторые Вельможи вознамѣрились ограничить самодержавіе, и власть, мощною десницею Петра I сосредоточенную въ особѣ Императора, присвоить Верховному Совѣту. Главными дѣйствователями въ этомъ предпріятіи, грозившемъ спокойствію нашего Отечества, были Долгоруковы, взысканные особенною милостію Петра II, Голицыны, Ве-

шательства и злоупотребленія могущества сильныхъ, могшія произойти послѣ ея кончины, при избраніи новаго Государя, примѣръ которыхъ она видѣла по смерти своего супруга, она сдѣлала завѣщаніе, [68] по которому преемникомъ ея назначался Великій Князь Петръ Алексѣевичь. 6 число Маія 1727 года, было для сыновъ Россіи днемъ плача и сожалѣній о преставившейся Монархинѣ, достойной супругѣ Великаго Петра. На другой день этаго горестнаго событія, внукъ перваго Императора Рускаго, Петръ II, на двѣнадцатомъ году отъ рожденія принялъ скипетръ самодержавія.

«Первымъ долгомъ моимъ будетъ пріобрѣсть славу добраго Монарха и управлять народомъ моимъ справедливо и богобоязненно», писалъ этотъ вѣнценосный отрокъ къ сестрѣ своей, Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, въ день возшествія на Престолъ Всероссійскій, и во все время своего Царство... ...не нарушалъ ни чѣмъ этаго Мо... ...слова. Кроткій нравъ и доброе ... пишутъ современники, обнаружи-

членовъ Верховнаго Совѣта, втайнѣ готовили сильную преграду ихъ честолюбивымъ намѣреніямъ.

Постигая важность критической минуты, выжидая удобнѣйшаго времени для приведенія въ исполненіе своихъ благихъ желаній, и при невозможности дѣйствовать сообразно завѣщанію Екатерины I, Сановники, противные мнѣніямъ членовъ Верховнаго Совѣта, не хотѣли для блага Россіи препятствовать избранію Анны Іоанновны, но съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшились, во что бы то ни стало, уничтожить ковы дерзавшихъ полагать границы Самодержавію. Они успѣли, не смотря на всѣ старанія противной партіи, сохранить тайну своихъ намѣреній, увѣдомить Герцогиню Курляндскую о дѣйствіяхъ Верховнаго Совѣта и убѣдить ее согласиться на условія, которыя предложены ей будутъ Депутатами Совѣта, отправленными въ Митаву для возвѣщенія о избраніи ея на Престолъ Всероссійскій, [71] — и впослѣдствіи, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, соизволить уничтожить актъ, несо-

образный съ издревле-существовавшими постановленіями о Самодержавіи Русскихъ Монарховъ.

Анна Іоанновна, постигая всю неблагонамѣренность Вельможъ, желавшихъ измѣнить образъ правленія, и признавая согласіе на убѣжденіе истинно благороднаго Россійскаго Дворянства, преданнаго къ пользамъ Отечества, единственнымъ средствомъ къ уничтоженію честолюбивыхъ замысловъ членовъ Верховнаго Совѣта, утвердила поднесенныя ей въ Митавѣ Депутатами условія, рѣшась въ тоже время уничтожить подписанный ею актъ, по прибытіи въ Москву. Она знала, что тамъ у нея много приверженцевъ и что народъ Русскій не захочетъ повиноваться аристократіи; а потому, оказывая наружно согласіе на новый образъ Правленія, тайно дѣйствовала для пріобрѣтенія власти Самодержавной.

1730 года, Февраля 4 былъ изданъ Манифестъ объ избраніи на Престолъ Всероссійскій Анны Іоанновны. 15 Февраля Императрица имѣла въѣздъ въ Москву, а 25 числа того же мѣсяца было подано

ей прошеніе, (подписанное 74 Дворянами и 202 Генералами и Гвардейскими Офицерами), которымъ отъ лица цѣлой Россіи просили они Императрицу Анну Іоанновну принять неограниченное Самодержавіе. Съ ужасомъ узнали объ этомъ приверженцы Аристократіи, и подпись собственною рукою Императрицы на прошеніи: «быть по сему» уничтожила всѣ ихъ замыслы. Въ слѣдъ за изъявленіемъ согласія на поданное прошеніе, Императрица повелѣла извѣстить Россію Манифестомъ о воспріятіи ею Самодержавія. 28 Апрѣля 1730 года Анна Іоанновна была коронована, а въ слѣдующемъ году уничтоженъ и Верховный Совѣтъ, замѣненный Кабинетомъ, въ которомъ засѣдали только три члена. [72]

Такимъ образомъ разрушились замыслы честолюбцевъ, дерзавшихъ мыслить о измѣненіи въ Россіи образа правленія, упроченнаго благомысліемъ и признательностію истинныхъ сыновъ Отечества, обязанныхъ милостямъ Самодержцевъ своимъ благоденствіемъ и славою.

КНИГА I.

ГЛАВА VI.

По возпріятіи Самодержавія, Императрица Анна Іоанновна, слѣдуя примѣру Великаго Петра, не хотѣла отказаться отъ участія въ дѣлахъ внѣшней политики: избраніе въ Польшѣ новаго Короля по смерти Августа II обратило на себя ея вниманіе.

На сеймѣ, собранномъ для назначенія скончавшемуся Королю преемника, единогласно положено было не избирать на престолъ Польскій особы иноземной; но вручить бразды правленія природному

Поляку. По ходатайству Франціи, былъ избранъ Станиславъ Лещинскій, дочь которaго была въ замужствѣ за Людовикомъ XV. Но сынъ покойнаго Короля, Курфирстъ Саксонскій Августъ III, объявилъ права свои на упразднившійся престолъ и старался привлечь на свою сторону союзниковъ, которые подкрѣпили бы его требованія. Россія и Австрія могли и споспѣшествовать въ этомъ случаѣ его желаніямъ, и разрушить его надежды получить Польскій престолъ. Зная это, Курфирстъ Саксонскій рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы согласить обѣ Имперіи въ свою пользу. Какъ Россія, такъ и Австрія были во враждѣ съ покойнымъ отцомъ Августа III за то, что онъ дѣйствовалъ относительно Курляндіи [73] несообразно съ видами первой, и не хотѣлъ по желанію послѣдней признать Прагматической Санкціи. Стараясь пріобрѣсти расположеніе сихъ Державъ, новый Курфирстъ Саксонскій по смерти своего отца, изъявилъ согласіе дѣйствовать сообразно намѣреніямъ Русской Монархини относительно Кур-

КНИГА I.

ГЛАВА VI.

По возпріятіи Самодержавія, Императрица Анна Іоанновна, слѣдуя примѣру Великаго Петра, не хотѣла отказаться отъ участія въ дѣлахъ внѣшней политики: избраніе въ Польшѣ новаго Короля по смерти Августа II обратило на себя ея вниманіе.

На сеймѣ, собранномъ для назначенія скончавшемуся Королю преемника, единогласно положено было не избирать на престолъ Польскій особы иноземной; но вручить бразды правленія природному

Поляку. По ходатайству Франціи, былъ избранъ Станиславъ Лещинскій, дочь котораго была въ замужствѣ за Людовикомъ XV. Но сынъ покойнаго Короля, Курфирстъ Саксонскій Августъ III, объявилъ права свои на упразднившійся престолъ и старался привлечь на свою сторону союзниковъ, которые подкрѣпили бы его требованія. Россія и Австрія могли и споспѣшествовать въ этомъ случаѣ его желаніямъ, и разрушить его надежды получить Польскій престолъ. Зная это, Курфирстъ Саксонскій рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы согласить обѣ Имперіи въ свою пользу. Какъ Россія, такъ и Австрія были во враждѣ съ покойнымъ отцомъ Августа III за то, что онъ дѣйствовалъ относительно Курляндіи [73] несообразно съ видами первой, и не хотѣлъ по желанію послѣдней признать Прагматической Санкціи. Стараясь пріобрѣсти расположеніе сихъ Державъ, новый Курфирстъ Саксонскій по смерти своего отца, изъявилъ согласіе дѣйствовать сообразно намѣреніямъ Русской Монархини относительно Кур-

ляндіи и безпрекословно призналъ и подтвердилъ права Санкціи Карла VI. Слѣдствіемъ эшаго былъ дружественный тракшатъ, заключенный между Россіею и Саксоніею, къ которому Россія обѣщалась пригласить Австрію и Пруссію, и въ случаѣ нужды вспомоществовать намѣреніямъ Курфирста извѣстнымъ числомъ войска.

По заключеніи эшаго мира, Россія и Австрія извѣстили Польшу, что не намѣрены признавать Королемъ ея никого, кромѣ Курфирста Саксонскаго Августа III, и что сверхъ того Россія, для исполненія своихъ намѣреній, въ случаѣ сопротивленій съ чьей-бы то ни было стороны, употребитъ всѣ силы и способы, какіе находятся въ ея распоряженіи.

Но не смотря на представленія Австріи и угрозы Россіи, Станиславъ, при содѣйствіи Французскаго Двора, былъ провозглашенъ Королемъ Польскимъ. Императрица Анна Іоанновна, узнавъ объ этомъ избраніи, послала приказаніе находившимся на Польской границѣ вой-

скамъ идти къ Варшавѣ, поручивъ начальство надъ ними Генералъ-Аншефу Ласси.

По прибытіи Русскихъ войскъ къ Варшавѣ, приступлено было къ новому избранію, и Королемъ Польскимъ провозглашенъ былъ Курфирстъ Саксонскій, подъ именемъ Августа III. Въ это время Станиславъ, съ приверженными къ нему Вельможами удалился въ Данцигъ, и рѣшился тамъ ожидать обѣщаннаго Франціею вспомоществованія. Между тѣмъ, въ Варшавѣ и вообще въ провинціяхъ Польскихъ, приверженцы Станислава не хотѣли признать Королемъ особу, избранную противъ ихъ воли Государствами чуждыми. Безпорядки, бывшіе слѣдствіемъ этаго, вынудили Императрицу Анну Іоанновну отдать приказъ корпусу войскъ, находившихся въ Украйнѣ, вступить въ Польшу, для скорѣйшаго возстановленія тишины и спокойствія мирныхъ гражданъ. Но не смотря ни на Русскія войска, ни на армію Курфирста Саксонскаго, тоже прибывшую въ Польшу, безпорядки не прекращались. Для усмиренія конфе-

дерашовъ единсшвеннымъ средсшвомъ осшавалось удалишь Сшанислава изъ владѣній Польскихъ; а пошому Генералъ Ласси, въ слѣдсшвіе приказаній отъ Россійскаго Двора, пошелъ съ войскомъ къ Данцигу, въ кошоромъ укрѣпился преждеизбранный Король. Но при ничшожносши средсшвъ, бывшихъ въ распоряженіи эшаго Генерала, нельзя было предпринять ничего рѣшишельнаго. А пошому Ласси более мѣсяца сшоялъ около Данцига, не предпринимая ничего къ его осадѣ, ограничился одною блокадою и сшараніями безъ оружія склонишь жишелей укрѣпленнаго города на мирную сдѣлку.

Въ исходѣ Февраля 1734 года, главное начальсшво надъ Русскими войсками, находившимися въ Польшѣ, поручено было Графу Миниху. [74] Первыми дѣйсшвіями эшаго военачальника были распоряженія о увеличеніи числа войскъ назначенныхъ къ осадѣ Данцига, и о присылкѣ осадной аршиллеріи, кошорой почши совсѣмъ не было при Генералѣ Ласси.

Французское Правительство видя дѣйствія Русскихъ войскъ, хотѣло и съ своей стороны подкрѣпить оружіемъ домогательства въ пользу Станислава. Въ Маѣ мѣсяцѣ на Данцигскую рейду прибыла Французская флотилія и высадила незначительный отрядъ войскъ; но это событіе ни сколько не послужило въ пользу Лещинскаго; Кардиналъ Флери ошибся въ расчетѣ, пославши противъ сильнаго Русскаго корпуса, отрядъ, непревышавшій 3000 человѣкъ! Французы были разбиты, сдались военноплѣнными и отправлены въ Кронштадтъ на Русскихъ корабляхъ, прибывшихъ къ Данцигу почти въ одно время съ Французскою эскадрою и привезшихъ Миниху военные снаряды и осадную артиллерію. [75]

Положеніе Данцига съ каждымъ днемъ становилось невыгоднѣе для тѣхъ, кто искалъ въ немъ безопасности. Наконецъ городъ принужденъ былъ выслать къ Миниху Депутатовъ для переговоровъ о сдачѣ. Условія со стороны Руских состояли въ томъ, что Король Станиславъ, Примасъ Польскаго Королевства Князь

Θеодоръ Потоцкій, ревностнѣйшій его приверженецъ, Французскій посланникъ и другіе важнѣйшіе конфедераты должны сдаться военноплѣнными. Во время этихъ переговоровъ, Станиславъ Лещинскій, постигая угрожающую ему опасность и не надѣясь болѣе на лживыя обѣщанія Франціи, скрылся изъ города, переодѣтый въ крестьянское платье. Данцигъ сдался на капитуляцію, призналъ Августа III Королемъ и обязался заплатить Россіи милліонъ талеровъ за понесенные убытки. [76]

Такимъ образомъ окончились въ Польшѣ всѣ безпорядки, возникшіе по смерти Августа II; и всѣ приверженцы Станислава Лещинскаго мало по малу разсѣялись, лишь только извѣстіе о взятіи Данцига сдѣлалось гласнымъ.

По водвореніи спокойствія въ Польшѣ, Россія обратила вниманіе на безпорядки, возникшіе со стороны Крымскихъ и Кубанскихъ Татаръ, дѣлавшихъ опустошительные набѣги на смѣжныя съ ихъ владѣніями Русскія области. Эти набѣги не

могли совершиться безъ вѣдома Турецкихъ войскъ, находившихся въ Азовѣ и Очаковѣ; а потому не желая приняться за оружіе и думая мирно прекратить неудовольствія, Россія относилась нѣсколько разъ къ Турецкому Правительству, предлагая Портѣ принять нужныя мѣры для обузданія своевольныхъ Татаръ. Но всѣ представленія Русскаго Двора Порта оставляла безъ удовлетворенія, отзываясь недостаткомъ способовъ и ссылаясь на войну свою съ Персіею.

Въ это время, особы, принимавшіе наиболѣе участія въ управленіи дѣлами Русскаго Кабинета, предположили привести въ исполненіе мысль Петра, побудившую его идти противъ Турокъ и загладить воспоминаніе о неудачахъ этаго похода и невыгодномъ и оскорбительномъ для Россіи трактатѣ при Прутѣ.

Тогдашнее положеніе Турціи льстило Россіи надеждою на успѣхъ; ибо война Порты съ Персіею отвлекла главныя силы ея въ Азію; сверхъ того союзный договоръ съ Австріею, заключенный еще

Императрицею Екатериною I, заставлялъ справедливо ожидать въ случаѣ надобности вспомоществованія со стороны и этой Державы противъ Турокъ. Въ Октябрѣ 1735 года открытъ былъ походъ въ Крымъ, куда отправился двадцатитысячный корпусъ подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Леонтьева. [77] Въ слѣдующемъ году начальство надъ войскомъ лично принялъ Графъ Минихъ, овладѣлъ крѣпостію Азовомъ и прошелъ весь Крымъ; мѣстныя обстоятельства не дозволили ему однако утвердиться на этомъ полуостровѣ. Въ 1737 году взятъ былъ Очаковъ. Походъ сей былъ блистателенъ для Русскаго оружія, но съ тѣмъ вмѣстѣ — безполезенъ. А потому не смотря на военныя дѣйствія, продолжавшіяся съ обѣихъ сторонъ, враждовавшія Державы, (и особливо Турція, противу которой вмѣстѣ съ Рускими дѣйствовала и Австрія) склонны были къ миру. Конгрессъ назначенъ былъ въ Немировѣ (въ Польшѣ), куда съѣхались полномочные трехъ Державъ: Россіи, Австріи и Турціи. Но какъ на конгрессѣ

этомъ Порта не хотѣла выполнить всѣхъ требованій Россіи, то онъ и кончился безуспѣшно. Въ слѣдующемъ году военныя дѣйствія начались опять, и безъ особенныхъ событій, могшихъ дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, прекращены были осенью, по невозможности продолжать кампанію. Но непріязненныя дѣйствія Порты и набѣги Татаръ, которые при удаленіи Рускихъ опять начинали безпокоить наши пограничныя области, принудили предпринять четвертый походъ: пользы Имперіи требовали полнаго достиженія цѣли, къ которой стремилась Россія, и именно распространенія власти своей до береговъ Черноморскихъ. Этотъ четвертый походъ, предпринятый въ началѣ 1739 года, былъ блистательнѣе и счастливѣе всѣхъ предъидущихъ: побѣда одержанная при мѣстечкѣ Ставучаны открыла Рускимъ свободный путь къ Хотину, который на другой день сего знаменитаго дѣла покорился оружію храброй рати Фельдмаршала Миниха. Русскій Евгеній пошелъ далѣе въ Молдавію, и «Прутъ

сдѣлался опять славнымъ». [78] На пути къ Яссамъ явились къ Фельдмаршалу депутаты изъ Молдавіи, и изъявили отъ лица главнѣйшихъ чиновъ этой страны готовность вступить въ подданство Россіи. Это было торжествомъ для Миниха. Заключивъ выгодныя условія съ Молдавскимъ Правительствомъ, оставивъ въ Яссахъ Русской гарнизонъ и приготовивъ зимнія квартиры въ этой странѣ, Минихъ предполагалъ уже идти во внутренность Оттоманской Монархіи и тамъ довершить славу своего оружія; но всѣ мечты этого великаго Полководца были внезапно разрушены извѣстіемъ о мирѣ, заключенномъ Портою съ Австріею въ Бѣлградѣ.

Союзъ Россіи съ Австріею, заключенный Императрицею Екатериною I, доставилъ этой Державѣ предлогъ участвовать въ войнѣ противъ Турокъ. Императрица Анна Іоанновна, извѣщая Австрію о походѣ ею предпринимаемомъ, предоставляла этому Государству прислать вспомогательный корпусъ или принять собственное участіе въ военныхъ

дѣйствіяхъ: Австрія избрала послѣднее, и въ 1736 году открыла кампанію; но Австрійскія войска, не предводительствуемыя уже болѣе Принцемъ Евгеніемъ, были послѣдовательно вытѣсняемы изъ Сербіи, Булгаріи и Валлахіи. Въ 1739 году Турки осадили Бѣлградъ, и Австрійцы безъ всякой нужды заключили съ ними въ этомъ городѣ миръ, и миръ столь постыдный, что Карлъ VI счелъ себя обязаннымъ извиняться предъ Императрицею Анною Іоанновною! Австрія уступила Портѣ Бѣлградъ, Орсову и Сабашъ, часть Сербіи и Валлахіи; для себя удержала единственно Темесварскій Баннатъ. Такимъ образомъ Австрія лишилась всѣхъ плодовъ, пріобрѣтенныхъ побѣдами Принца Евгенія. По заключеніи Бѣлградскаго договора и Россія не хотѣла отвергать мирныхъ предложеній Оттоманской Порты, тѣмъ болѣе, что Швеція внушала ей опасенія военными приготовленіями. Не смотря на договоръ, заключенный Россіею съ этою Державою въ 1735 году, она не переставала тайно дѣйствовать противъ нашего Отечества и просила

денежныхъ пособій отъ Порты, и обѣщала вспомоществовать ей нападеніемъ на сѣверныя области Россіи. Но козни Швеціи были разрушены миромъ Россіи съ Турціею, заключеннымъ 7 Сентября 1739 года.

Франція предложила Россіи и Австріи принять посредничество между ними и Портою. Императрица Анна Іоанновна согласясь на это предложеніе, поручила вести мирные переговоры Французскому Посланнику въ Константинополѣ, Маркизу Вильневу. Миръ былъ заключенъ — [79] и Россія уступила Портѣ почти всѣ свои завоеванія, кромѣ Азова, лишеннаго своихъ укрѣпленій, и небольшаго пространства земель около Днѣстра. Обстоятельства, независившія отъ Русскаго оружія и особливо несогласія съ Австріею, возникшія во время войны, принудили Русскій Дворъ отложить до временъ благопріятнѣйшихъ свои завоевательные планы противъ Черноморскихъ земель. Но не смотря на невыгодность и этаго трактата, онъ все-таки загла-

дилъ неудачи при Прутѣ: перевѣсъ Россіи надъ Восточною Европою былъ признанъ всѣми Державами; армія Русская пріобрѣла славу наровнѣ съ прочими войсками Европы, и Фельдмаршалъ Минихъ не даромъ заслужилъ отъ Фридерика Великаго названіе Сѣвернаго Евгенія! [80]

дератовъ единственнымъ средствомъ оставалось удалить Станислава изъ владѣній Польскихъ; а потому Генералъ Ласси, въ слѣдствіе приказаній отъ Россійскаго Двора, пошелъ съ войскомъ къ Данцигу, въ которомъ укрѣпился преждеизбранный Король. Но при ничтожности средствъ, бывшихъ въ распоряженіи этаго Генерала, нельзя было предпринять ничего рѣшительнаго. А потому Ласси более мѣсяца стоялъ около Данцига, не предпринимая ничего къ его осадѣ, ограничился одною блокадою и стараніями безъ оружія склонить жителей укрѣпленнаго города на мирную сдѣлку.

Въ исходѣ Февраля 1734 года, главное начальство надъ Русскими войсками, находившимися въ Польшѣ, поручено было Графу Миниху. [74] Первыми дѣйствіями этаго военачальника были распоряженія о увеличеніи числа войскъ назначенныхъ къ осадѣ Данцига, и о присылкѣ осадной артиллеріи, которой почти совсѣмъ не было при Генералѣ Ласси.

Французское Правительство видя дѣйствія Русскихъ войскъ, хотѣло и съ своей стороны подкрѣпить оружіемъ домогательства въ пользу Станислава. Въ Маѣ мѣсяцѣ на Данцигскую рейду прибыла Французская флотилія и высадила незначительный отрядъ войскъ; но это событіе ни сколько не послужило въ пользу Лещинскаго; Кардиналъ Флери ошибся въ расчетѣ, пославши противъ сильнаго Русскаго корпуса, отрядъ, непревышавшій 3000 человѣкъ! Французы были разбиты, сдались военноплѣнными и отправлены въ Кронштадтъ на Русскихъ корабляхъ, прибывшихъ къ Данцигу почти въ одно время съ Французскою эскадрою и привезшихъ Миниху военные снаряды и осадную артиллерію. [75]

Положеніе Данцига съ каждымъ днемъ становилось невыгоднѣе для тѣхъ, кто искалъ въ немъ безопасности. Наконецъ городъ принужденъ былъ выслать къ Миниху Депутатовъ для переговоровъ о сдачѣ. Условія со стороны Рускихъ состояли въ томъ, что Король Станиславъ, Примасъ Польскаго Королевства Князь

Ѳеодоръ Потоцкій, ревностнѣйшій его приверженецъ, Французскій посланникъ и другіе важнѣйшіе конфедераты должны сдаться военноплѣнными. Во время этихъ переговоровъ, Станиславъ Лещинскій, постигая угрожающую ему опасность и не надѣясь болѣе на лживыя обѣщанія Франціи, скрылся изъ города, переодѣтый въ крестьянское платье. Данцигъ сдался на капитуляцію, призналъ Августа III Королемъ и обязался заплатить Россіи милліонъ талеровъ за понесенные убытки. [76]

Такимъ образомъ окончились въ Польшѣ всѣ безпорядки, возникшіе по смерти Августа II; и всѣ приверженцы Станислава Лещинскаго мало по малу разсѣялись, лишь только извѣстіе о взятіи Данцига сдѣлалось гласнымъ.

По водвореніи спокойствія въ Польшѣ, Россія обратила вниманіе на безпорядки, возникшіе со стороны Крымскихъ и Кубанскихъ Татаръ, дѣлавшихъ опустошительные набѣги на смѣжныя съ ихъ владѣніями Русскія области. Эти набѣги не

могли совершиться безъ вѣдома Турецкихъ войскъ, находившихся въ Азовѣ и Очаковѣ; а потому не желая приняться за оружіе и думая мирно прекратить неудовольствія, Россія относилась нѣсколько разъ къ Турецкому Правительству, предлагая Портѣ принять нужныя мѣры для обузданія своевольныхъ Татаръ. Но всѣ представленія Русскаго Двора Порта оставляла безъ удовлетворенія, отзываясь недостаткомъ способовъ и ссылаясь на войну свою съ Персіею.

Въ это время, особы, принимавшіе наиболѣе участія въ управленіи дѣлами Русскаго Кабинета, предположили привести въ исполненіе мысль Петра, побудившую его идти противъ Турокъ и загладить воспоминаніе о неудачахъ этаго похода и невыгодномъ и оскорбительномъ для Россіи трактатѣ при Прутѣ.

Тогдашнее положеніе Турціи льстило Россіи надеждою на успѣхъ; ибо война Порты съ Персіею отвлекла главныя силы ея въ Азію; сверхъ того союзный договоръ съ Австріею, заключенный еще

Биронъ, привыкнувъ во время десятилѣтняго царствованія покойной Государыни видѣть слѣпое повиновеніе волѣ своей, думалъ, что по прежнему можетъ владычествовать самовластно и съ жестокостію; но тогда Россія терпѣла, повинуясь законной своей Государынѣ, именемъ которой онъ дѣйствовалъ: съ смертію Анны Іоанновны померкло и счастіе временщика. Съ каждымъ днемъ доходили до него слухи о всеобщемъ ропотѣ на несправедливость постановленія о Регентствѣ. Но ослѣпленный блескомъ величія, Биронъ думалъ лишь жестокими казнями утвердить свое могущество, и не заботился возстановить всеобщее мнѣніе въ свою пользу. Наконецъ гордое, преходящее границы благоразумія, обхожденіе съ тѣми, кто наиболѣе способствовалъ ему вознестись почти на предпослѣднюю ступень Монаршаго Трона, довершило его гибель. Еще тѣло покойной Императрицы, благодѣтельницы его, не было предано погребенію, какъ Герцогъ-Регентъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. [84] Прави-

тельницею Россійской Имперіи провозглашена была родительница юнаго Монарха, Великая Княгиня Анна Леопольдовна (9 Ноября, 1740 г.). Россія, угнетаемая жестокостями и непомѣрною жаждою честолюбія временщика, ощутила вскорѣ благотворную перемѣну въ правленіи. Сострадание и милосердіе Анны Леопольдовны давно были извѣстны, и всѣ благословляли новую Правительницу.

Кончина Императрицы Анны Іоанновны измѣнила и политическія отношенія Россійскаго Двора къ прочимъ Европейскимъ Кабинетамъ. Еще Биронъ, въ краткое время своего Регентства, заключилъ трактатъ съ Курфирстомъ Саксонскимъ, которымъ обязывался не препятствовать требованіямъ сего послѣдняго на наслѣдство Карла VI. Король Прусскій, узнавъ объ этомъ договорѣ, и зная хорошо, какое препятствіе можетъ поставить Россія его завоевательнымъ планамъ, рѣшился искать ея дружбы. Исполненіе этаго намѣренія онъ не считалъ затруднительнымъ, надѣясь на средства, которыми можно было скло-

нить на всякій договоръ Регента Россійской Имперіи Бирона; но едва начались переговоры о союзѣ, какъ Герцогъ Курляндской былъ сверженъ, и долженъ былъ уступить власть свою матери Императора. Это обстоятельство заставило Фридерика сомнѣваться въ успѣхѣ своего предпріятія, и потому болѣе, что супругъ Правительницы былъ племянникъ Маріи Терезіи, и слѣдовательно родственный защитникъ правъ ея, при Россійскомъ Кабинетѣ. Однако Король Прусскій не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія, не испытавъ всѣхъ средствъ, которыми можно было его достигнуть. Завоевательные планы его не были еще обнаружены, и потому, подъ предлогомъ желанія снискать единственно дружбу Россіи, онъ предложилъ ей заключеніе оборонительнаго союза. Болѣзнь Фельдмаршала Миниха, заставившая его отказаться отъ участія въ дѣлахъ Кабинета, открыла удобный случай къ начатію переговоровъ, и, при содѣйствіи Графа Остермана, ревностнаго приверженца Пруссіи, представившаго Правительницѣ

союзъ съ сею Державою весьма выгоднымъ для Россіи, договоръ былъ заключенъ. [85] Обѣ союзныя Державы взаимно обязывались охранять свои владѣнія, и въ случаѣ нападенія на которую-либо изъ нихъ, вспомоществовать одна другой двѣнадцатью тысячами войскъ. Такимъ образомъ желанія Короля Прусскаго исполнились: онъ успѣлъ снискать союзъ Россіи, и слѣдовательно оградилъ свое Государство отъ нападенія съ ея стороны, въ случаѣ вражды съ Австріею. Русскій Дворъ, не предвидя намѣреній Фридерика, заботился единственно обезпечить себя отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Швеціи, постоянно недоброжелательствовавшей нашему Отечеству со времени заключенія Ништадскаго мира, и не обращалъ особеннаго вниманія на дѣйствія Короля Прусскаго. Но вдругъ и неожиданно получено было въ Петербургѣ извѣстіе о вторженіи Прусскихъ войскъ въ Силезію. Россія признала и утвердила своимъ ручательствомъ завѣщаніе Карла VI, а потому поступки Прусскаго Короля, привели Русскій Дворъ въ большое

затрудненіе, ибо нельзя было предположить, чтобы Марія Терезія не стала требовать вспомоществованія, а Прусскій Король не напомнилъ Россіи о новозаключенномъ съ нимъ союзѣ. Сохраненіе мира съ Пруссіею необходимо было для Россіи и потому, что сношенія съ Швеціею грозили ей скорымъ разрывомъ съ сею Державою. И такъ сочли за лучшее предупредивъ требованія и Австріи и Пруссіи, предложить имъ обѣимъ согласить свои требованія при посредствѣ Россіи, и заключить миръ на условіяхъ, могущихъ обезпечить выгоды и той и другой Державы. Но ни Австрія, ни Пруссія не хотѣли отказаться отъ требованій, бывшихъ поводомъ вражды ихъ. Въ одной изъ предъидущихъ главъ представленъ краткій очеркъ событій, порожденныхъ этою враждою. Между тѣмъ Франція, зная родственныя связи Правительницы Анны Леопольдовны съ Маріею Терезіею, и опасаясь, что Россія вспомнитъ ручательство Прагматической Санкціи и рѣшится поддержать право оной вооруженною рукою, рѣшилась во-

влечь наше Отечество въ войну съ Швеціею. Кардиналъ Флёри, управлявшій дѣлами Французскаго Кабинета, старался напомнить Шведскому Правительству о потеряхъ на Ништадскомъ мирѣ и разстроенномъ положеніи Русскихъ войскъ, въ которомъ будто бы они находились послѣ только что оконченной войны съ Портою. Швеція и съ своей стороны считала это время удобнѣйшимъ для начатія своихъ непріязненныхъ дѣйствій относительно Россіи; но не смотря на давнишнюю непріязнь свою, она не успѣла сдѣлать нужныхъ приготовленій къ борьбѣ съ Державою столь могущественною и страшною для нея со временъ еще Великаго Петра. Однако ложныя представленія Французскаго Министра о худомъ положеніи Русской арміи и обѣщанія денежныхъ вспомоществованій, часть которыхъ была уже и выполнена, побудили Швецію объявить войну своей грозной сосѣдкѣ. Война была объявлена; [86] Русскія войска двинулись къ границамъ Швеціи; но Государство это, начавъ непріязненныя дѣйствія съ Россіею, не только

не могло продолжать ихъ наступательно, но даже едва было въ силахъ и защищаться. Вильманштрадское дѣло [87] доставило торжество Русскимъ войскамъ, и трофеи побѣды, повергнутые къ стопамъ Правительницы Имперіи, ознакомили ее съ тою высокою радостію, которая бываетъ удѣломъ особъ, надѣленныхъ отъ Всевышняго могуществомъ и властію. Русская армія расположилась на зимнихъ квартирахъ, ожидая весны для возобновленія военныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ Правительница и мать Императора, считая какъ права своего сына на Престолъ слишкомъ твердыми, такъ и власть свою достаточно упроченною, мало помышляла о будущемъ. Она не думала, что завѣщаніе Екатерины I, можетъ рано или поздно найти себѣ защитниковъ. Не хотѣла знать, что даже вступленіе на престолъ и Герцогини Курляндской казалось многимъ явнымъ нарушеніемъ священной воли Особы Боговѣнчанной и что народъ и Гвардія обожали дщерь Петра Великаго. Она не вѣрила слухамъ, доходившимъ до нея отъ

особъ, къ ней приверженныхъ, — но между тѣмъ паденіе ея готовилось, и Престолу ея сына грозила опасность неотвратимая. Правительница забыла о правахъ на Россійскій Престолъ Цесаревны Елизаветы Петровны, которая имѣла право возсѣсть на прародительскій Престолъ еще по кончинѣ Петра II. . .

Правда, что и сама Цесаревна, отъ природы склонная къ тихой жизни, не хотѣла обременять себя трудомъ Государственнаго управленія, не помышляла о Престолѣ, и не стала бы домогаться его, если бы къ тому не побуждали ее неотступныя просьбы приверженцевъ и убѣжденіе въ неблагонамѣренности тѣхъ, отъ которыхъ могла зависѣть ея будущность. [88]

По кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, Цесаревна была съ Правительницею въ совершенномъ согласіи: но оно скоро нарушилось. Елизавета Петровна не обнаруживала ни малѣйшихъ притязаній на Престолъ, долженствовавшій быть ея законнымъ удѣломъ, не изъявляла даже

неудовольствія на несправедливости, ей оказанныя,— но злонамѣренные люди совсѣмъ иначе старались описывать поведеніе Цесаревны предъ Правительницею. Анна Леопольдовна сначала вѣрила этимъ ложнымъ навѣтамъ, но скоро убѣдилась въ противномъ; [89] однако обхожденіе сихъ двухъ высокихъ особъ съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе отъ взаимной недовѣрчивости. Тутъ до Цесаревны дошли слухи, что ей готовится монашеская келья: [90] эти обстоятельства, убѣжденія домашняго врача ея Лестока поддерживаемыя Французскимъ Посланникомъ Маркизомъ де-ла Шетарди, возбудили наконецъ въ Елизаветѣ Петровнѣ вниманіе къ представленіямъ особъ, помнившихъ завѣщаніе Екатерины I и желавшихъ видѣть на Престолѣ Всероссійскомъ дщерь Петра Великаго.

Однако Правительница такъ была увѣрена въ совершенномъ невниманіи Цесаревны къ несправедливостямъ, нарушавшимъ законныя права ея, что не хотѣла вѣрить ни чему, что ни доносили ей, касательно дѣйствій Елизаветы Петровны

и ея приверженцевъ, и считала себя въ совершенной безопасности.

Но Цесаревна твердо рѣшилась приступить къ начатію переворота: нѣсколько гренадеръ Преображенскаго полка *) были привлечены на ея сторону и начали увеличивать свою партію, и въ скоромъ времени Лестокъ увѣрилъ свою покровительницу, что ни народъ, ни войско, не только не будутъ противиться ея волѣ, но напротивъ готовы сдѣлаться защитниками правъ ея по первому вызову.

Лестокъ дѣйствовалъ неусыпно, и видаясь часто съ Французскимъ Посланникомъ, руководствовался его совѣтами и находилъ въ немъ ревностнаго споспѣшествователя своихъ намѣреній. Побужденія Маркиза де-ла-Шетарди, заставившія его принять участіе въ этомъ важномъ Государственномъ переворотѣ, состояли въ томъ, чтобы слѣдуя приказанію своего двора, разспространить раздоры въ Россіи и тѣмъ отвлечь ее отъ участія въ дѣлахъ Австрійскаго Дома, и если удастся, исторгнуть отъ Цеса-

ревны обязательство, по которому она должна бы была при вступленіи на Престолъ, возвратить Швеціи всѣ области присоединенныя къ Россіи Петромъ Великимъ. Однако Цесаревна, не смотря на свою наружную безпечность и невниманіе къ дѣламъ политики, не согласилась на требованія Французскаго Посланника, отзываясь, что опасно повѣрять бумагѣ такую важную тайну; впрочемъ страшась вмѣсто приверженца, увидѣть въ немъ тайнаго себѣ врага, не лишала его надежды на исполненіе его желаній и убѣждала единственно положиться на ея слово. Послѣдствія показали, что Елизавета была достойная дщерь Петра Великаго. [92]

Въ скоромъ времени Елизавета Петровна узнала, что Великая Княгиня, не довольствуясь титломъ Правительницы, захотѣла объявить себя Императрицею и царствовать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; [93] это обстоятельство и сверхъ того назначеніе въ походъ противъ Шведовъ тѣхъ баталіоновъ Гвардіи, въ которыхъ находились приверженцы Цесаревны,

понудили ее приступить къ скорѣйшему исполненію начатаго дѣла.

Ночью, 25 Ноября, 1741 года Елизавета Петровна отправилась съ Воронцовымъ и Лестокомъ въ казармы Преображенскаго полка; тамъ было у нее болѣе трехъ сотъ приверженцевъ. Прибывъ туда, она объявила о своемъ намѣреніи и воскликнула: «вы знаете, чья я дочь: идите за мною». — «Готовы, матушка, вскричали храбрые Преображенцы» — и въ эту же ночь Елизавета Петровна была провозглашена Императрицею всея Россіи. [24]

Государыня Елизавета Петровна, по низверженіи Правительницы, издала манифестъ, въ которомъ, излагая права свои на Императорскую корону, объявляла, что рѣшилась взойти на прародительскій престолъ, по прошенію своихъ подданныхъ и особенно Гвардіи, единственно для предупрежденій безпорядковъ въ наслѣдіи Имперіею и для собственной своей безопасности. Злоумышленники, по проискамъ которыхъ Елизавета Петровна, не смотря на права предоста-

вленныя ей завѣщанiемъ Екатерины I, были устранены отъ Престола, получили должное возмездiе." Принявъ такимъ образомъ нужныя мѣры для утвержденiя за собою Самодержавiя и измѣнивъ многiя части Государственнаго управленiя, несообразныя съ благомъ Отечества, Императрица отправилась въ Февралѣ 1742 года въ Москву, гдѣ и короновалась, въ 28 день Апрѣля.

Война съ Швецiею продолжалась; но Императрица, стараясь водворить въ Россiи спокойствiе, изъявила желанiе заключить миръ съ этимъ Государствомъ. Начались переговоры и кончились безъ полнаго успѣха; ибо Императрица не хотѣла согласиться на исполненiе обѣщанiй, данныхъ Французскому Посланнику, маркизу де-ла-Шетарди и исторгнутыхъ у нея необходимостiю и почти насилiемъ, въ тѣ минуты, когда самая личность ея находилась въ опасности. Военныя дѣйствiя возобновились, и успѣхи Россiйскаго оружiя были гибельны для Шведовъ; совершенное разстройство армiи ихъ принудило ихъ просить у Им-

ператрицы мира. Въ Або назначенъ былъ конгрессъ и 16 Іюня 1743 года заключенъ миръ, по которому Швеція уступила Россіи провинцію Кюменегорскую съ городами и крѣпостями Нейштадтомъ, Вильманстрандомъ и Фридригсгамомъ; рѣка Кюмень назначена границею между Россіею и Швеціей. Сверхъ этого Шведы обязались избрать Наслѣдникомъ Шведскаго Престола Принца Адольфа Фридриха, Администратора Герцогства Голстинскаго, Бискупа Любскаго. [96] Съ своей стороны Россія обязывалась возвратить Швеціи провинціи Финляндскаго Княжества Эстерботинскую, Бюрнебургскую, Абовскую, Аландскіе острова и нѣкоторыя другія области, принадлежавшія Швеціи по Нейштадскому миру и завоеванныя Рускими, и согласилась вспомоществовать Швеціи противъ Короля Датскаго, который, стараясь объ избраніи сына своего на Престолъ Шведскій, возмутилъ нѣсколько провинцій этого Государства и выслалъ войска къ его границамъ. Участіе Россіи въ дѣлахъ Швеціи прекратило и внутренніе

мятежи въ этомъ Государствѣ и несогласія съ Даніею. Вспомогательныя войска Русскія возвратились изъ Швеціи въ Іюнѣ 1744 года.[97] Такимъ образомъ водворилось въ Россіи спокойствіе; Отечество наше, управляемое дщерію Великаго Петра, находилось, по заключеніи мира съ Швеціею, въ дружескихъ сношеніяхъ со всѣми Европейскими Государствами: еще въ 1742 году, Декабря 11 былъ заключенъ союзный трактатъ съ Англіею, по которому обѣ Державы обязывались въ случаѣ нужды взаимно вспомоществовать или войсками или денежными пособіями и возобновляли трактатъ 4 Декабря 1734 года.[98] Англія признавала Императорскій титулъ для Россійскихъ Государей и обѣщалась склонить къ союзу и Пруссію. Король Польскій, въ качествѣ Курфирста Саксонскаго, тоже включенъ въ этотъ союзъ, по желанію его, изъявленному при заключеніи трактата.

Дружескія сношенія съ иностранными Державами не ограничивались трактатомъ съ Англіею и Курфирстомъ Саксонскимъ:

Германскій Союзъ, въ Сентябрѣ 1745 года, призналъ Императорскій титулъ для Россійскихъ Государей, а съ Даніею возобновленъ дружественный союзъ. [99]

Въ это время, Австрія, ведя оборонительную войну, для защиты своихъ владѣній отъ Претендентовъ на оныя по смерти Карла VI, обратилась съ просьбою о вспомоществованіи къ Императрицѣ Россійской. Англія, принимавшая участіе въ этой войнѣ, тоже отнеслась къ Россіи для подкрѣпленія представленій Австріи, и обязывалась платить Россіи за высланныя войска субсидіями. Тридцать семь тысячь человѣкъ Русскаго войска, подъ начальствомъ Генералъ-Фельдцейхмейстера Князя Василія Аникитича Репнина, [100] въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1748 года, прибыли во Франконію, и не будучи еще употреблены въ дѣло, дали перевѣсъ сторонѣ, въ которой принимали участіе. Русскія войска по заключеніи Ахенскаго мира возвратились въ свое отечество. Однако миръ этотъ не водворилъ прочнаго спокойствія въ Европѣ. Война между Пруссіею и Австріею возпылала снова; противъ Фри-

дриха вооружилась половина Европы; Россія тоже приняла участіе въ этой войнѣ, и почти всѣ провинціи, составлявшія владѣнія Короля Прусскаго, содѣлались трофеями ея оружія. Въ четвертой главѣ этого сочиненія упомянуто о главнѣйшихъ событіяхъ въ продолженіе кровавой распри Государствъ Европейскихъ, извѣстной подъ именемъ Семилѣтней войны.

КНИГА I.

ГЛАВА VIII.

Императрица Елисавета Петровна, прилагавшая материнскія попеченія о судьбѣ народа Русскаго и заботившаяся о благѣ Имперіи Ей ввѣренной промысломъ Всемогущаго, еще до коронаціи своей, намѣреваясь избрать себѣ Преемника, вызвала въ Россію племянника своего, владѣтельнаго Герцога Шлезвигъ-Голстинскаго, Карла Петра Ульриха, сына сестры своей, Анны Петровны.[101] Герцогъ, на четырнадцатомъ году возраста, прибылъ въ Санктпетербургъ

5. Февраля 1742 года; по принятіи имъ Грекороссійскаго исповѣданія, съ наименованіемъ Петромъ Θеодоровичемъ, Манифестомъ отъ 7 Ноября онъ объяленъ былъ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола. Чтобы прочнѣе утвердить наслѣдіе Престола, Елисавета Петровна вознамѣрилась сочетать бракомъ Великаго Князя. Выборъ палъ на Принцессу Августу Софію Фридерику, дочь Христіана Августа, Князя Ангальтъ-Цербскаго, родившуюся въ Штетинѣ, Апрѣля 21, 1729 года. [102] Въ началѣ 1744 года Княгиня Іоганна, мать избранной невѣсты Наслѣдника, прибыла съ дочерью въ Москву, гдѣ тогда находилась Императрица съ Дворомъ своимъ. 28 Іюня, того же года невѣста Великаго Князя приняла Грекороссійское исповѣданіе и нарѣчена Великою Княжною Екатериною Алексѣевною. На другой день этого священнаго обряда праздновано было обрученіе Высокихъ жениха и невѣсты, и 21 числа Августа, 1745 года совершено ихъ бракосочетаніе.

Благоволеніе Императрицы Елисаветы Петровны, оказываемое постоянно Великому Князу Наслѣднику Престола, согласіе съ юною супругою, одаренною блистательными качествами ума и сердца и наружными прелестями, услаждали дни его и заставляли благословять судьбу, преведшую его въ страну, которая долженствовала быть его Отечествомъ и Государствомъ. И Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна пользовалась родственнымъ расположеніемъ Императрицы, которая оказавала ей всѣ знаки искренней любви и дружества и имѣла къ ней во всемъ полную довѣренность.

Въ 1754 году, Сентября 20, Супруга Наслѣдника Престола благополучно разрѣшилась отъ бремени Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ; и вскорѣ послѣ этого радостного событія началась война съ Пруссіею.

При Дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны, съ самаго почти начала Ея Царствованія стоялъ при кормилѣ Го-

сударства Вельможа, въ короткое время достигшій высшихъ почестей и пользовавшійся неограниченною довѣренностію своей Монархини, Великій Канцлеръ Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ-Рюминъ.[103] Преданный душею Кабинету Вѣнскому, любя Англію и питая непріязненность къ Пруссіи и Франціи, онъ былъ главнымъ виновникомъ того участія, которое Россія приняла въ славной для нея и гибельной для Пруссіи семилѣтней войнѣ.

Наслѣдникъ Престола Великій Князь Петръ Өеодоровичь, ревностный почитатель Короля Прусскаго, питавшій и прежде нерасположеніе къ Канцлеру за его явное недоброжелательство къ Фридриху Великому, съ самого начала Прусской войны изъявилъ гнѣвъ на Бестужева, и не скрывая чувствъ своихъ, старался при всякомъ случаѣ вредить ему во мнѣніи Государыни, своей Августѣйшей Тетки: цѣлію такихъ дѣйствій Великаго Князя было желаніе прекратить войну съ Пруссіею.

Бестужевъ-Рюминъ, Вельможа, вознесенный на верхъ почестей, предался на-

конецъ внушеніямъ самонадѣянной гордости, дерзнулъ вступить въ открытый споръ съ Великимъ Княземъ, Наслѣдникомъ Престола.

Въ жизнеописаніи Императора Петра III, въ Исторіи жизни Екатерины II и другихъ сочиненіяхъ,[104] подробно и почти достовѣрно описаны всѣ дѣйствія Бестужева, дерзавшаго возбудить нерасположеніе Императрицы Елисаветы Петровны къ Великому Князю Петру Ѳеодоровичу: цѣль этого сочиненія не дозволяетъ входить въ излишнія подробности объ этомъ предметѣ; мы ограничимся только тѣмъ, что можетъ въ нѣкоторомъ отношеніи прояснить событія въ Царствованіе Императрицы Екатерины II.

Бестужевъ дѣйствовалъ неутомимо; но какъ ни много было у него приверженцевъ, однако при Дворѣ Императрицы Елисаветы были особы, подозрѣвавшіе честолюбивые его замыслы и грозившіе ему сильнымъ противодѣйствіемъ: Вице-

Канцлеръ Графъ Михайло Ларіоновичь Воронцовъ, Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Графъ Александръ Ивановичь Румянцовъ и Голстинцы, составлявшіе свиту Великаго Князя, слѣдили поступки Великаго Канцлера. Чрезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что благорасположеніе къ нему Императрицы очень уменьшилось. Сильный Вельможа сталъ наконецъ опасаться паденія; но рожденіе Великаго Князя Павла Петровича, событіе радостное для всего Двора, было для Бестужева поводомъ къ дальнѣйшимъ намѣреніямъ: видя безуспѣшность своихъ предположеній, онъ дерзнулъ наконецъ рѣшительно достигнуть ихъ цѣли

Въ 1757 году, тяжкая болѣзнь, постигшая Императрицу Елисавету Петровну, представила Бестужеву случай, по видимому удобный, для исполненія отважного намѣренія: онъ возмечталъ лишить Великаго Князя Петра Ѳеодоровича законныхъ правъ наслѣдства и упрочить ихъ за Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ подъ опекунствомъ Екатерины.

Полагая, что Императрица Елисавета находится на смертномъ одрѣ, Бестужевъ написалъ въ Пруссію къ другу своему Генералъ-Фельдмаршалу Апраксину, чтобы поспѣшилъ возвратиться въ Россію съ войскомъ. Апраксинъ, только что одержавшій знаменитую, блистательную побѣду при Гросъ-Егерсдорфѣ, исполнилъ волю перваго Министра; Россіяне отступили. Но Императрица освободилась отъ болѣзни и всѣ козни Бестужева обнаружились; главнымъ доносителемъ былъ Каммергеръ Брокдорфъ, любимецъ Наслѣдника. [105]

Государыня приказала призвать Великаго Канцлера въ Конференцію, учрежденную при Дворѣ. Бестужевъ сказался больнымъ и тѣмъ увеличилъ подозрѣнія Императрицы, явно обвинилъ себя въ непослушаніи. Наконецъ, послѣ строжайшаго приказанія, онъ предсталъ предъ Конференцію: тамъ ожидалъ его арестъ. Лишенный чиновъ, орденовъ и всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, онъ отвезенъ въ свой домъ и содержался тамъ подъ

карауломъ во все продолженіе учрежденнаго надъ нимъ слѣдствія.

Бестужева приговорили было къ смерти; но Императрица ограничила наказаніе ссылкою—на житье въ деревнѣ и обнародованіемъ его преступленій. Въ Указѣ 1758 года Февраля 27 онъ выставленъ на поруганіе какъ »бездѣльникъ, клятвонарушитель, измѣнникъ Отечеству, состарѣвшійся въ злодѣяніяхъ,« какъ человѣкъ, который »присвоилъ себѣ многія ему не принадлежащія дѣла и всякими непозволенными образами искалъ распространить власть свою, не для того, чтобъ забравъ на себя больше, по мѣрѣ того умножить свою ревность и усердіе къ службѣ Императорской, но къ крайнему оной предосужденію только для того, дабы наружно удовольствовать безмѣрное свое тщеславіе и властолюбіе.« [106]

Бестужевъ переселился изъ великолѣпныхъ, пышныхъ чертоговъ въ дымную избу; но семена зла, имъ посѣянныя, не могли быть совершенно уничтожены.

Между тѣмъ здоровье Императрицы ослабѣвало постепенно, съ нею дѣлались эпилепсическіе припадки; сильныя страданія томили ее и съ каждымъ днемъ приближали къ обищели, общей всѣмъ смертнымъ. Въ концѣ 1761 года состояніе здоровья Государыни сдѣлалось безнадежнѣе, и 25 числа Декабря она переселилась въ жизнь вѣчную. Испуская послѣднее дыханіе, благословляя Великаго Князя, своего наслѣдника, она взяла съ него обѣщаніе — простить врагамъ, возстававшимъ на него во дни Ея Царствованія! Черта, свидѣтельствующая о Христіанскихъ чувствованіяхъ Императрицы.

Въ тотъ же день изданъ былъ Манифестъ о вступленіи на Всероссійскій Престолъ Императора Петра III, оканчивавшійся сими словами Государя: »Мы, навыкнувъ Ея Императорскаго Величества безприкладному великодушію въ Правительствѣ, за главное правило поставляемъ, владѣя Всероссійскимъ Престоломъ, во всемъ подражать, какъ Ея Величества щедротамъ и милосердію, тако во всемъ послѣдовать стопамъ пре-

мудраго Государя Дѣда Нашего Императора Петра Великаго и тѣмъ возстановить благоденствіе вѣрноподданныхъ намъ сыновъ Россійскихъ!« И это обѣщаніе, изреченное въ день кончины своей кроткой, милостивой Тетки, Петръ III исполнялъ съ Монаршимъ великодушіемъ во все продолженіе своего царствованія.

Петръ Третій, одаренный отличными качествами сердца, преисполненный благости и великодушія, почтилъ память Государыни, своей Тетки. Никто изъ возстававшихъ на него не испыталъ мщенія: все было предано забвенію, и даже явный недоброжелатель его Бестужевъ, остался по прежнему въ своей деревнѣ. Милости, оказанныя имъ по вступленіи на Престолъ, превосходили ожиданія его подданныхъ. И, относительно Монаршихъ благодѣяній, упрочившихъ благоденствіе нашего Отечества, на царствованіе Петра III должно смотрѣть какъ на преддверіе къ тѣмъ несчетнымъ милостямъ и отеческимъ заботамъ, которыя прилагали о Россіи Великая Екатерина и Ея мудрые Преемники.

КНИГА II.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЯГО СОСТОЯНІЯ РОССІИ И ДРУГИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ СЪ НАЧАЛА XVIII СТОЛ. ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. — ХАРАКТЕРЪ ЭТОГО ПЕРІОДА.

КНИГА II.

ГЛАВА IX.

Начало XVIII столѣтія ознаменовано событіями, вслѣдствіе коихъ произошли замѣчательнѣйшія и важныя перемѣны въ политическомъ бытіи почти всѣхъ Государствъ Европейскихъ. Сообразуясь съ порядкомъ повѣствованія, принятымъ въ первой книгѣ этого сочиненія, теперь обратимъ мы преимущественно вниманіе на внутреннее состояніе и взаимныя отношенія (въ продолженіе описываемаго періода) Государствъ Европы, посвятивъ описанію внутрен-

нихъ перемѣнъ въ нашемъ отечествѣ особую главу.

Слѣдствія Испанско-наслѣдной войны, возгорѣвшейся первоначально между Австріею и Франціею, и потомъ, вскорѣ, разлившейся по всей Западной Европѣ, и замиреній, прекратившихъ оную, были чрезвычайно важны и многочисленны. Первымъ изъ нихъ было то, что изчезло древнее соперничество между Франціею и Испаніею, стоившее неимовѣрныхъ бѣдствій Европѣ: новая династія Испанская была отраслію Бурбонскаго дома, царствовавшаго во Франціи. Впрочемъ, какъ нами уже было замѣчено, родственныя узы, соединявшія сіи двѣ Державы, оказались непрочными, когда возникло дѣло о выгодахъ политическихъ. Со времени заключенія Утрехтскаго мира, Испанія постоянно принимала участіе въ дѣлахъ Европы. Но дѣйствія Политики ея перемѣнялись съ началомъ каждаго царствованія, и ограничиваясь только кругомъ внѣшней дѣятельности, не произвели никакой важной пере-

мѣны ни во внутреннемъ управленіи, ни въ духѣ націи: даже всеобщая ревность къ успѣхамъ просвѣщенія и цивилизаціи, знаменующая XVIII столѣтіе и проникшая въ самую Португалію, не задолго предъ тѣмъ окончательно утвердившую свое политическое бытіе, не коснулась Испаніи. Однимъ словомъ, состояніе этого Государства, въ избранный нами періодъ времени, было таково, что Испанія вмѣшиваясь въ политическія сношенія другихъ Европейскихъ Державъ съ цѣлію пріобрѣтенія выгодъ, оставалась въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, въ одномъ и томъ же положеніи, въ какомъ является она въ началѣ XVIII столѣтія. [111]

Не такова была судьба сосѣдственнаго съ нею Государства, Франціи. Послѣдніе годы XVII и первые XVIII столѣтія называются вообще вѣкомъ Людовика XIV: это показываетъ уже, что Франція въ продолженіе этого времени была знаменитѣйшею Державою въ Европѣ. Впрочемъ, при тщательнѣйшемъ соображеніи событій и ихъ слѣдствій можно

нихъ перемѣнъ въ нашемъ отечествѣ особую главу.

Слѣдствія Испанско-наслѣдной войны, возгорѣвшейся первоначально между Австріею и Франціею, и потомъ, вскорѣ, разлившейся по всей Западной Европѣ, и замиреній, прекратившихъ оную, были чрезвычайно важны и многочисленны. Первымъ изъ нихъ было то, что изчезло древнее соперничество между Франціею и Испаніею, стоившее неимовѣрныхъ бѣдствій Европѣ: новая династія Испанская была отраслію Бурбонскаго дома, царствовавшаго во Франціи. Впрочемъ, какъ нами уже было замѣчено, родственныя узы, соединявшія сіи двѣ Державы, оказались непрочными, когда возникло дѣло о выгодахъ политическихъ. Со времени заключенія Утрехтскаго мира, Испанія постоянно принимала участіе въ дѣлахъ Европы. Но дѣйствія Политики ея перемѣнялись съ началомъ каждаго царствованія, и ограничиваясь только кругомъ внѣшней дѣятельности, не произвели никакой важной пере-

---

КНИГА II.

ГЛАВА IX.

Начало XVIII столѣтія ознаменовано событіями, вслѣдствіе коихъ произошли замѣчательнѣйшія и важныя перемѣны въ политическомъ бытіи почти всѣхъ Государствъ Европейскихъ. Сообразуясь съ порядкомъ повѣствованія, принятымъ въ первой книгѣ этого сочиненія, теперь обратимъ мы преимущественно вниманіе на внутреннее состояніе и взаимныя отношенія (въ продолженіе описываемаго періода) Государствъ Европы; посвятивъ описанію внутрен-

заключить, что первенство этой Державы не столько зависѣло отъ успѣховъ оружія, сколько отъ просвѣщенія. »Разные виды и польза оного, говоритъ Геренъ, приковывали къ Франціи взоры чужеземцевъ и нація обязана ему владычествомъ языка, которое почти всегда утверждаетъ владычество народа!« Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что въ послѣдствіи бранныя завоеванія этого Государства были стѣснены, что само оно постепенно клонилось къ упадку и тѣмъ событіямъ, которыя совершились въ немъ въ концѣ прошедшаго вѣка, вліяніе просвѣщенія, совершенствовавшагося во Франціи, разливалось по всему образованному міру и казалось тѣмъ надежнѣе, что основывалось не на принужденіи, но на свободномъ желаніи чужеземцевъ усвоить себѣ плоды оного. Сверхъ того въ этотъ блистательный вѣкъ Франціи, она была сильнѣйшею Державою, и по обширности и по народонаселенію и по самодержавію Короны, упроченному Кардиналомъ Ришельё.

Царствованіе Людовика XIV справедливо называютъ блистательнѣйшею эпохою въ Исторіи Франціи: стеченіе многихъ великихъ умовъ, блистательные успѣхи просвѣщенія, непомрачаемая слава оружія, торговля и промышленность мануфактурная, значительно распространенныя и искусно поддерживаемыя — все оправдываетъ названіе этой эпохи.

Но, надобно замѣтить также и то, что эта блистательная година продолжалась только до начала XVIII столѣтія, и что даже и въ это счастливое время уже таились въ нѣдрахъ Государства семена разрушенія и гибели, прозябшіе въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, и принесшіе горькіе плоды въ правленіе его преемниковъ: впрочемъ семена зла таились еще глубоко, и ни геній Короля, ни великіе умы сподвижниковъ его славы не могли примѣтить ихъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ самолюбивой политики и завоевательныхъ плановъ Людовика XIV были опасенія и ро-

пошъ цѣлой Европы; и хошя подобные замыслы честолюбія являлись и прежде, но до шѣхъ поръ Европа еще не видала столь разишельныхъ покушеній на неприкосновенносшь собсшвенносши. Касаясь земель, на судьбѣ коихъ покоилась судьба цѣлой Европы, Людовикъ XIV необходимо возбудилъ прошивъ себя возсшаніе почши всѣхъ западныхъ Государсшвъ, и до начала еще XVIII сшолѣшія прошивъ Короля Французскаго ведены были шри кровопролишныя войны. Впрочемъ какъ ни дорого доставались Франціи ея воинская слава и пріобрѣшенія, могущесшво эшого Государсшва не подвергалось еще сомнѣніямъ и сохраняло первенсшво свое въ Европѣ.

Но не шакъ счасшливо окончилъ Людовикъ, въ началѣ XVIII сшолѣшія, послѣднюю войну (наслѣдно-Испанскую), порожденную его жаждою завоеваній. Въ продолженіе эшой войны—пошери, соединенныя съ внушренними безпорядками и бѣдсшвіями, начинавшими уже обнаруживашься въ высшей сшепени, слѣдсшвія уничшо-

женія Нантскаго Эдикта, обогатившія и усилившія враждебныя Франціи Державы— привели это Королевство въ такое разстройство, какого Людовикъ XIV и не предполагалъ, даже при всѣхъ самыхъ выгодныхъ въ пользу его противниковъ разсчетахъ. Впрочемъ, къ чести Людовика должно сказать, что онъ умѣлъ мужественнѣе и великодушнѣе сносить всѣ бѣдствія, чѣмъ противники его счастіе. Готовый лишиться всѣхъ плодовъ долговременнаго пріобрѣтенія, которыхъ не въ состояніи былъ сохранить, онъ оставался однакоже непреклоннымъ, на самомъ уже почти краю гибели, когда ему сдѣланы были предложенія унизительныя. Переговоры, веденные имъ въ Гертруденбергѣ и Гагѣ, останутся навсегда неувядаемымъ лавромъ, увѣнчавшимъ величіе Людовика XIV. Твердость его была награждена: она спасла Францію. Противники его въ пустыхъ переговорахъ пропустили время, не соглашаясь на миръ, предложенный Людовикомъ; и Король Французскій, три года спустя, заключилъ его на такихъ выгодныхъ (по тогдаш-

нимъ обстоятельствамъ Королевства) условіяхъ, которыя прежде почиталъ даже несбыточными. Этотъ миръ заключенъ былъ въ Утрехтѣ, въ 1713 году, съ Англіею, Савоіею, Голландіею, Португаліею и Пруссіею.

Однако, какъ ни благопріятны (относительно) были обстоятельства, при коихъ Франція заключила миръ въ Утрехтѣ; но съ этого времени судьба ея является въ рѣшительной противуположности съ періодомъ предшествовавшимъ. Людовикъ XIV жилъ только нѣсколько мѣсяцовъ по заключеніи мира, и еще при жизни своей лишился сына, внуковъ, Герцоговъ Бургонскаго и Берійскаго; въ живыхъ у него остался одинъ малолѣтный правнукъ, вступившій въ 1715 году на престолъ Французскій, подъ именемъ Людовика XV.

Противъ воли покойнаго Короля, Регенство съ властію неограниченною получилъ племянникъ его Филиппъ, Герцогъ Орлеанскій, человѣкъ безнравствен-

ный, порабощенный страстями и совѣтами своихъ любимцевъ.

Малолѣтный Король, хворый и слабый отъ природы, по самолюбивымъ разсчетамъ Регента былъ воспитанъ какъ нельзя хуже; по достиженіи совершеннолѣтія, по врожденной безпечности и по склонностямъ привитымъ воспитаніемъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на управленіе Государствомъ и думалъ лишь объ удовольствіяхъ. Въ царствованіе его обнаружились во Франціи всѣ признаки правленія слабаго и несчастнаго. Вліяніе женщинъ на политику Европа ощутила еще и при жизни Людовика XIV; но такой примѣръ полновластія любимицы, какой представляетъ двадцатилѣтнее владычество Маркизы де Помпадуръ, [112] было зрѣлище еще невиданное! Сверхъ различныхъ злоупотребленій власти, во Франціи въ эту эпоху стеклось множество причинъ, влекущихъ за собою неизбѣжно внутреннее разореніе со всѣми его пагубными слѣдствіями.

Внутренния безпокойства, открывшияся во Франціи въ последніе годы Людовика XIV, между Іезуитами и Янсенистами, [113] превратились наконецъ при его преемникѣ, въ явную оппозицію противъ Правительства. Соблазнъ сей имѣлъ пагубное вліяніе на народъ и на дѣйствія Парламента, въ которомъ въ это время начинали уже оказываться признаки сопротивленія власти Монархической. Такое положеніе дѣлъ было тѣмъ пагубнѣе для Государства, что Правительство принуждено было взяться за мѣры насильственныя; и хотя этихъ мѣръ оно не въ силахъ было привести въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе онѣ сочтены были народомъ за дѣйствія самаго беззаконнаго деспотизма.

Сверхъ этихъ злоупотребленій и безпорядковъ пагубное покушеніе Французскаго Правительства, погасить Государственные долги посредствомъ *банковыхъ билетовъ* и Миссипійской Компаніи, [114] сопряженной съ этимъ проэктомъ, еще болѣе разстроили Государство и имѣли

чрезвычайныя слѣдствія на будущую судьбу его. Дурныя мѣры и насильственныя денежныя операціи, кои Правительство себѣ дозволило, лишили Францію невозвратно ея кредита; Финансовая Администрація въ этой Державѣ не только потеряла свой прежній блескъ, но, по словамъ Герена, была »совершенно парализирована.«

При разстройствѣ Финансовъ и торговля Французская приближалась къ упадку. Правительство слѣдовало постоянно давнишнему правилу, оставлять ее привилегированнымъ компаніямъ; но компаніи сіи, при власти Министровъ начали обращаться въ орудія, коими изыскивали разные способы къ улучшенію Финансовъ. И вмѣсто ожидаемой пользы, при часто измѣняемыхъ планахъ, коими самовластіе Министровъ думало поддержать эту важную вѣтвь Государственнаго могущества, торговля Франціи, какъ внутренняя, такъ и колоніальная начала быстро склоняться къ паденію, предоставляя первенство соперничествовавшимъ въ

этомъ отношеніи Державамъ—Голландіи и преимущественно Англіи.

Участіе, принимаемое Франціею послѣ смерти Людовика XIV, почти во всѣхъ распряхъ Европы, не доставляло уже ни славы ея оружію, ни обезпечивало ея благосостоянія. Силы этого Государства, и прежде уже ослабленныя въ войнѣ за Австрійское наслѣдство, были истощены почти совершенно; флотъ едва едва не уничтоженъ; а колоніи въ обѣихъ Индіяхъ или отняты или угрожаемы завоеваніемъ. Вскорѣ соперница, сильнѣйшая всѣхъ прежнихъ начала грозить Франціи новыми опасностями: Австрія давно уже старалась вовлечь въ распри свои съ Державами, грозившими ея цѣлости, Россію. Это стараніе было увѣнчано успѣхомъ (въ 1747) и союзъ Россіи съ Австріею уничтожилъ мечтательный замыселъ раздробить сію послѣднюю. Участіе принятое Франціею въ семилѣтней войнѣ представляетъ длинный рядъ неудачь и пораженій.

Такимъ образомъ Государство это разстроивалось болѣе и болѣе. Слабость и расточительность Короля, его неумѣренныя любовныя связи и власть, почти неограниченная, предоставленная любимицамъ, лишили Францію внѣшняго уваженія, которымъ она дотолѣ пользовалась, и были поводомъ къ упадку Монархическаго самодержавія. Неудовольствія, распространенныя во всѣхъ классахъ народа злоупотребленіями Королевской власти, всеобщій развратъ, самовластіе Министровъ, потеря колоній и сопряженный съ нею упадокъ торговли, возмутительныя сочиненія энциклопедистовъ, уменьшеніе религіознаго чувства не только въ высшихъ классахъ, но даже и въ простомъ народѣ, все это содѣлывало революцію неизбѣжною. [115]

Совершенно отличною отъ Франціи, въ отношеніи политической значительности является Англія въ началѣ XVIII столѣтія. Какъ въ нѣдрахъ перваго Государства посѣвались уже въ это время семяна упадка, такъ напротивъ того въ

Англіи скоплялись обстоятельства, благопріятныя для упроченія ея могущества и благосостоянія: эти обстоятельства утвердили будущій характеръ Великобританіи и политическую значительность ея въ системѣ Государствъ Европейскихъ.

Ни одна держава въ началѣ XVIII столѣтія не испытала перемѣнъ столь важныхъ, какъ Великобританія, и всѣ эти перемѣны были къ лучшему. Государственный переворотъ, вручившій бразды правленія въ этой державѣ новой династіи, водворилъ въ ней прочное спокойствіе. Съ тѣхъ поръ Англія, образецъ конституціонныхъ Монархій, навсегда обезпечила благоденствіе націи. Участіе, принятое этою державою въ распряхъ за наслѣдство Испанскаго престола и въ заключеніи Утрехтскаго мира, положило основаніе тому значительному вліянію, которое разпространилось почти на всѣ Государства континента. Утрехтскій миръ, кромѣ весьма важныхъ преимуществъ по торговлѣ, утвердилъ за Ан-

глiею Гибральтаръ и Минорку, уступленные Испанiею; земли около Гудзонова залива, островъ Ньюфаулендъ, Акадiя отданы Англiи Францiею, принужденною также уничтожить Дюнкирхенскiй портъ. Другiя государства, при заключенiи мира признали права Ганноверскаго дома на Корону Англiи. Сверхъ этого, независимо отъ участiя въ дѣлахъ Континента, эта держава получила также значительное приращенiе въ силахъ отъ окончательнаго присоединенiя къ ней Шотландiи.

Около этого же времени, Англiя начала оказывать быстрые и значительные успѣхи въ торговлѣ колонiальной. Условiя, утвержденныя въ Утрехтѣ, доставили ей во многихъ случаяхъ первенство, сравнительно предъ прочими сверстниками. Договоръ, извѣстный подъ именемъ Ассiенто, [116] которымъ прежде пользовалась Францiя, передалъ ей право на тридцать лѣтъ снабжать Испанскую Америку работниками на плантацiи (Неграми), посѣщать гавань Порто-Белло и

присвоилъ родъ попечительства надъ Испаніею, посредствомъ котораго вся промышленность Испанско-Американская досталась въ руки Англичанъ. И въ Остъ-Индіи Англійская торговля начала тогда оказывать обширные успѣхи, коимъ наиболѣе способствовало распространеніе въ Европѣ издѣлій Остъ-Индскихъ фабрикъ: недалеко уже было то счастливое время для Англіи, когда коммерсанты ея обратились въ этой странѣ въ завоевателей и основали Державу превосходящую свою Метрополію пространствомъ и населенностію, и когда Великобританія сдѣлалась единственною обладательницею Индѣйскихъ сокровищъ.

При столь значительныхъ выгодахъ доставленныхъ Англіи Утрехтскимъ миромъ, она естественно заботилась о сохраненіи онаго и не щадила для того никакихъ усилій. Да и какія пожертвованія могли ей казаться дорогими для поддержанія условій, коимъ всемірная торговля ея почти во всѣхъ отрасляхъ своихъ, была обязана цвѣтущимъ состоя-

ніемъ, и кои утвердили въ Англіи вѣру Протестантскую, водворившую прочное согласіе между Правительствомъ и націею.

Къ числу благопріятныхъ обстоятельствъ возвысившихъ Англію въ продолженіе первой половины XVIII столѣтія и доставившихъ ей тогда первенство въ системѣ Государствъ Европейскихъ, надобно отнести также принятіе кормила сего Государства Министромъ великимъ, знаменитымъ Робертомъ Вальполемъ,[118] искреннимъ и добросовѣстнымъ другомъ мира. Этотъ достопочтеннѣйшій мужъ успѣлъ примирить справедливость съ требованіями политики въ такое время, когда готовили безславныя страницы для Исторіи преступный и безнравственный Дюбуа и хитрый, честолюбивый Алберони. Вальполь умѣлъ пріобрѣсть столь завидное уваженіе своему отечеству, какимъ дотолѣ не пользовалось ни одно Государство въ Европѣ. Превосходная система налоговъ доставила Англіи возможность жертво-

присвоилъ родъ попечительства надъ Испаніею, посредствомъ котораго вся промышленность Испанско-Американская досталась въ руки Англичанъ. И въ Ост-Индіи Англійская торговля начала тогда оказывать обширные успѣхи, коимъ наиболѣе способствовало распространеніе въ Европѣ издѣлій Ость-Индскихъ фабрикъ: недалеко уже было то счастливое время для Англіи, когда коммерсанты ея обратились въ этой странѣ въ завоевателей и основали Державу превосходящую свою Метрополію пространствомъ и населенностію, и когда Великобританія сдѣлалась единственною обладательницею Индѣйскихъ сокровищъ.

При столь значительныхъ выгодахъ доставленныхъ Англіи Утрехтскимъ миромъ, она естественно заботилась о сохраненіи онаго и не щадила для того никакихъ усилій. Да и какія пожертвованія могли ей казаться дорогими для поддержанія условій, коимъ всемірная торговля ея почти во всѣхъ отрасляхъ своихъ, была обязана цвѣтущимъ состоя-

своихъ непріятелей, они не допускали уже ихъ болѣе сооружать свои флоты съ прежнею быстротою. Сверхъ того, изобрѣтательная политика Англіи съ этою же цѣлію позволяла себѣ иногда и такія средства, которыя хотя и навлекали общее негодованіе Европы, но тѣмъ не менѣе служили къ усиленію ея морскихъ силъ. Въ Семилѣтнюю войну первенство Англіи на моряхъ увѣнчано было опять тріумфомъ: она до конца разорила торговлю Франціи и особливо колоніальную, запретивъ употребленіе нейтральныхъ флаговъ. Противорѣчія возникшія изъ-за сего самовластнаго распоряженія, породили въ Великобританіи новыя насильства, выступавшія уже за предѣлы такъ называемаго *мореходного права*. Но, какъ бы то ни было, послѣ заключенія Парижскаго мира (10 Февраля 1763 года) Англійскій флотъ простирался уже до 375 военныхъ кораблей и считалъ у себя болѣе ста тысячь матросовъ. [119]

Въ заключеніе, скажемъ, что и монар-

хическая власть въ Англіи возрастала вмѣстѣ съ усиленіемъ внѣшняго и внутренняго могущества державы. Домъ Ганноверскій управлялъ Государствомъ въ духѣ національномъ, а успѣшное окончаніе продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ, особливо же приращеніе богатства, имѣло слѣдствіемъ народную приверженность къ законамъ и Правительству. И не смотря на то, что послѣ прекращенія союза съ Пруссіею политическая роль Великобританіи сдѣлалась второстепенною на континентѣ, могущество этой Державы нимало не уменьшалось въ своемъ объемѣ.

Но, почти всегда, и на хорошо воздѣланномъ полѣ произрастаютъ среди полезныхъ растеній и плевелы. Правило Англіи вести войну на континентѣ посредствомъ субсидій, увеличеніе флота, огромныя издержки при колоніальныхъ завоеваніяхъ, хотя и вознаграждаемыя пріобрѣтеніемъ земель, накопили въ Англіи множество долговъ и породили въ ней такія же вредныя заблужденія, какъ и во Фран-

ціи. Правительство Великобританское то же принималось за разные опыты, придумывало различныя средства погасить какъ наивозможно скорѣе долги Государственные. Съ этою цѣлію и въ Англіи по образцу Миссипійскаго торговаго общества (во Франціи), учреждена была Южно-морская компанія; но успѣхъ ея ни мало не оправдалъ ожиданій, и Государственный долгъ простиравшійся около 1740 года до 1875 милліоновъ рублей (на наши деньги) къ концу 1763 года возросъ слишкомъ за 3575 милліоновъ рублей. [120] Но такъ какъ Англійское Правительство не позволяло себѣ въ этомъ случаѣ мѣръ слишкомъ насильственныхъ, то и Государственный кредитъ не подвергался совершенно упадку; похвальное управленіе благоразумныхъ Министровъ изобрѣло средства составить учетный капиталъ [121], чрезъ пониженіе процентовъ, и превосходная система налоговъ мало по малу доставляла Правительству возможность покрывать долгъ свой или по крайней мѣрѣ уменьшать его тягость. Въ этомъ случаѣ не ма-

лую услугу оказывалъ и знаменитый Лондонскій банкъ: выдавая часто Правительству значительные капиталы въ ссуду безъ процентовъ, и иногда скупая огромныя количества билетовъ Великобританскаго Государственнаго казначейства, онъ съ усердіемъ поддерживалъ кредитъ Правительства. Довѣріе поддерживалось взаимно и ни одна сторона не подвергалась потерямъ. Такимъ образомъ заемная систѣма въ Великобританіи, сопрягая тѣсными узами выгоды Правительства съ выгодами народа, была центромъ Государственной Администраціи и не мало способствовала къ поддержанію довѣрія, коимъ Англія пользовалась на Континентѣ. [122]

Вотъ краткій очеркъ внутренняго состоянія Англіи, игравшей столь значительную ролѣ на сценѣ практической политики во все продолженіе XVIII столѣтія и особливо въ первую половину оного. Приступимъ теперь къ обозрѣнію другихъ Государствъ Европы.

Австрійская Монархія (по окончаніи Испанско-наслѣдной войны) распространилась присоединеніемъ прежде принадлежавшихъ ей владѣній: Неаполя, Сардиніи, Медіолана и Испанскихъ Нидерландъ, уступленныхъ ей Испаніею, вслѣдствіе Утрехтскаго мира. Впрочемъ эти значительныя пріобрѣтенія, какъ можно замѣтить изъ повѣствованія, составляющаго содержаніе первой книги этого сочиненія, не много способствовали выгодамъ Австріи; можно даже сказать, были для нея болѣе вредны, нежели полезны. Доказательства этого заключенія являются особливо въ слабое царствованіе Карла VI. Въ 1713 году этотъ Государь, неимѣвшій дѣтей мужескаго пола, вознамѣрился упрочить наслѣдство Австрійской Короны въ пользу старшей своей дочери, Маріи Терезіи, и издалъ для того такъ называемую прагматическую санкцію. Чтобы это новое постановленіе получило желаемую силу, Императоръ хотѣлъ видѣть его гарантированнымъ со стороны Европейскихъ Державъ и тѣмъ вовлекъ себя въ переговоры почти со

всѣми Дворами, дѣлая и предлагая разныя уступки, коими многія умѣли искусно пользоваться. Прагматическая санкція во все продолженіе царствованія Карла VI была главною статьею въ условіяхъ каждаго договора между Австріею и прочими Державами — а Вѣнскій Дворъ мѣнялъ какъ свою политику, такъ и провинціи, смотря по тому, какъ прагматическая санкція, служившая какъ бы термометромъ, была трактована Государствами. При неутомимомъ стараніи Императора прагматическая санкція была признана почти всѣми Державами; но извѣстно уже, какъ безполезны были эти политическіе труды и заботы Карла VI, слѣдствія коихъ уничтожились почти тотчасъ послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1740 году. Многія Державы, гарантировавшія прагматическую санкцію, намѣрѣвались не только лишить Марію Терезію правъ ея наслѣдства, но даже грозили раздробленіемъ и самой Монархіи. Впрочемъ, не смотря на всѣ обременительныя, кровопролитныя войны, веденныя Австріею въ продолженіе

первой половины XVIII столѣтія, во внутреннемъ составѣ Монархіи не произошло перемѣнъ слишкомъ важныхъ, хотя медленное склоненіе оной къ упадку было уже замѣтно.

Счастливый случай привелъ въ это Государство изъ Франціи Принца Евгенія, [123] и войска Австрійскія подъ начальствомъ этого вождя гордились побѣдами; но по смерти этого великаго полководца Карлъ VI не могъ уже обезопасить своей арміи отъ жестокихъ пораженій и поддержать славу своего оружія.

Союзный договоръ, заключенный съ Императрицею Екатериною I, доставилъ Австріи предлогъ принять участіе въ войнѣ противъ Порты; но Принца Евгенія уже не существовало и союзничество это послужило лишь ко вреду Россіи. Сама же Австрія, побѣжденная, принуждена была заключить постыдный договоръ Бѣлградскій [124] и лишилась по оному всѣхъ пріобрѣтеній, укрѣпленныхъ за Австріею славнымъ оружіемъ Принца Евгенія. Еще менѣе способенъ былъ Им-

нераторъ Карлъ VI поддержать упадавшіе финансы и привесть въ порядокъ внутреннюю администрацію, которой всѣ отрасли находились въ крайнемъ разстройствѣ.

Вскорѣ по смерти Императора Карла VI, преемница его, Марія Терезія (взявшая въ соправители своего супруга) увидѣла противъ себя вооружившеюся большую половину Европы. Вначалѣ этой неравной борьбы съ непріятелями сильными Австріи, неимѣвшей союзниковъ, оставалась надежда только на собственныя силы. Но неудачный ходъ войны (начавшейся въ концѣ 1741) и похищеніе Императорской Короны Курфирстомъ Баварскимъ, разрушили и эту надежду. Потери въ эту несчастную войну слѣдовали одна за другою: Австрія лишилась Силезіи, Пармы, Піаченцы. Но Россія спасла Австрію, и замыслъ раздробить эту Державу былъ уничтоженъ. Впослѣдствіи, мудрое правленіе Маріи Терезіи привело Австрію въ возможно лучшее состояніе, и Держава эта быть можетъ въ состояніи была бы вознаградить

свои потери, если бы непредвидѣнныя обстоятельства, окончившія Семилѣтнюю войну, не водворили спокойствія въ Державахъ Западной Европы, продолжавшагося почти тридцать лѣтъ.

По прекращеніи Семилѣтней войны Австрія пріобрѣла опять значительность въ дѣлахъ политики, но разстройство финансовъ и чрезвычайные долги, накоплявшіеся постоянно съ самого начала XVIII столѣтія, и вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ усиливаемые частымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, привели эту Державу въ самое тягостное положеніе, отъ котораго она долго не могла освободиться, не смотря ни на какія усилія. Впрочемъ, при заблужденіяхъ меркантильной системы, всѣ усилія и нововведенія, предпринимаемыя для поправленія финансового разстройства, обыкновенно лишь увеличивали зло. [125]

Къ числу Державъ Западной Европы, игравшихъ въ XVIII столѣтіи, и особливо во второй половинѣ онаго, первостепенныя роли на сценѣ политическихъ событій, принадлежитъ, по преимуще-

ству, Пруссія. Начало могуществу и величію этого Королевства положено было Фридрихомъ Вильгельмомъ I; но на степень первокласныхъ Державъ Пруссія возведена была сыномъ его Фридрихомъ II Великимъ, вступившимъ на Престолъ (1740) въ то время, когда Маріи Терезіи надлежало по праву прагматической санкціи, воспріять Державу Карла VI.

Возвышеніе Пруссіи для взоровъ наблюдателя-историка есть явленіе, во всѣхъ отношеніяхъ необычайное, особенное: между тѣмъ какъ другія Державы преуспѣвали въ могуществѣ, при посредствѣ силъ, находимыхъ въ обширности и многолюдствѣ владѣній, Пруссія, при способахъ ничтожныхъ, обязана была своимъ величіемъ единственно экономіи своего Государя. Вскорѣ по вступленіи на Престолъ (въ 1713 г.) Фридрихъ Вильгельмъ I, учредивъ *камеры доменовъ,* положилъ прочное основаніе финансовой системѣ въ своемъ Государствѣ: чрезъ нѣсколько лѣтъ это новое учрежденіе вполнѣ оправдало надежды и ожиданія Монарха: разходы Королевства не толь-

ко соразмѣрялись съ доходами, но сверхъ того, изъ остаточныхъ суммъ, мало по малу образовалось *сокровище* Государственное, приумножавшееся постепенно разпространеніемъ и поощреніемъ промышленности и торговли. Ободренный успѣхами своихъ финансовыхъ учрежденій, Король Прусскій сталъ болѣе и болѣе обращать на нихъ вниминія, мало заботясь о завоеваніяхъ. Сія экономія не допускала его жертвовать значительными суммами на тѣ предпріятія, кои бываютъ произведеніемъ безотчетнаго произвола. За то, все что только могло быть полезно и похвально въ Державѣ неограниченной, было цѣнимо и поощряемо. Образованіе хорошо устроенной арміи, послужившее въ послѣдствіи примѣромъ почти для всѣхъ Европейскихъ Державъ, и пріуготовившее внѣшнее могущество Пруссіи, довершило славу царствованія Фридриха Вильгельма I. Такимъ образомъ Королевство это, въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣло вѣсъ и силу въ дѣлахъ политики и начало возвышаться столь же быстро, какъ и Россія. [126]

ству, Пруссія. Начало могуществу и величію этого Королевства положено было Фридрихомъ Вильгельмомъ I; но на степень первокласныхъ Державъ Пруссія возведена была сыномъ его Фридрихомъ II Великимъ, вступившимъ на Престолъ (1740) въ то время, когда Маріи Терезіи надлежало по праву прагматической санкціи, воспріять Державу Карла VI.

Возвышеніе Пруссіи для взоровъ наблюдателя-историка есть явленіе, во всѣхъ отношеніяхъ необычайное, особенное: между тѣмъ какъ другія Державы преуспѣвали въ могуществѣ, при посредствѣ силъ, находимыхъ въ обширности и многолюдствѣ владѣній, Пруссія, при способахъ ничтожныхъ, обязана была своимъ величіемъ единственно экономіи своего Государя. Вскорѣ по вступленіи на Престолъ (въ 1713 г.) Фридрихъ Вильгельмъ I, учредивъ *камеры доменовъ*, эложилъ прочное основаніе финансовой истемѣ въ своемъ Государствѣ: чрезъ нѣсколько лѣтъ это новое учрежденіе вполнѣ оправдало надежды и ожиданія Монарха: разходы Королевства не толь-

неодолимыя препятствія вооружались противъ него всѣми бѣдствіями, и одинъ только геній Фридриха II спасалъ Пруссію. Но какъ бы то ни было, не смотря ни на какія препятствія, Пруссія въ началѣ второй половины XVIII столѣтія содѣлалась одною изъ могущественнѣйшихъ Державъ въ Европѣ. И хотя, по своему географическому положенію, и прежде принимала она участіе въ дѣлахъ какъ сѣверной, такъ и южной Европы, но по окончаніи Семилѣтней войны Пруссія содѣлалась точкою соединенія для этихъ огромныхъ половинъ Государственной системы и стала принимать живѣйшее участіе во всѣхъ ихъ сношеніяхъ. Король же Прусскій Фридрихъ II пріобрѣлъ славу судіи почти всѣхъ политическихъ преднамѣреній въ Европѣ: вліяніе его на оную было столь многоразлично, что трудно, и въ краткомъ очеркѣ почти невозможно показать его со всѣхъ сторонъ. Повѣствованіе объ успѣхахъ Пруссіи на поприщѣ политическаго совершенствованія необходимо сливается съ повѣствованіемъ о дѣяніяхъ ея Великаго

Но величіе, могущество и слава Пруссіи принадлежатъ генію Фридриха II. При вступленіи на престолъ по смерти своего родителя, этотъ великій Государь нашелъ наслѣдство свое поставленнымъ на такую степень благоденствія, до какой иныя Державы не достигали и послѣ вѣковыхъ усилій. Обширныя предначертанія этого генія находили для своего осуществленія обильный источникъ: и едва ли бы кто успѣлъ воспользоваться обстоятельствами лучше Фридриха II.

Первымъ намѣреніемъ этого вѣнценоснаго генія было желаніе поставить Пруссію въ рядъ первенствующихъ Державъ Европы. Завоеванія представляли для этого удобнѣйшее средство. Въ первой книгѣ нашего *введенія* представленъ очеркъ тѣхъ дѣйствій на полѣ брани, которыя предпринималъ Фридрихъ II для достиженія своихъ цѣлей; ходъ этихъ дѣйствій не всегда былъ одинаковъ: иногда судьба благопріятствовала этому Великому Государю, иногда торжествовало его упорное мужество; въ другое время

Державѣ, упроченное блистательными побѣдами Принца Евгенія, пресѣкло источникъ опасныхъ для Южной Европы Турецкихъ войнъ. Въ Мусульманской Имперіи въ это время начали обнаруживаться признаки, обыкновенно означающіе внутреннее истощеніе Восточныхъ Монархій—своевольство Янычаръ располагавшихъ престоломъ Государей, воспитанныхъ въ сералѣ, частыя возмущенія областныхъ начальниковъ, свидѣтельствовали о приближеніи Порты къ упадку. Вскорѣ, доведенная происками нѣкоторыхъ Европейскихъ Державъ до Государства страдательнаго, занимаясь единственно своею безопасностію, она лишилась своей важности даже и въ дѣлахъ Востока. Впрочемъ народная гордость, поддерживаемая религіознымъ фанатизмомъ, не совсѣмъ еще угасла въ то время въ Турціи. Дѣятельность ея, подстрекаемая внѣшними интригами, обратилась на Сѣверныя Государства и преимущественно на Россію.

Король Шведскій Карлъ XII, разбитый при Полтавѣ, лишенный почти всей своей

бѣжалъ въ Турцію и думалъ чужими силами восторжествовать надъ своимъ побѣдителемъ. Старанія его, казалось, были успѣшны: Порта прервавъ тридцатилѣтнее перемиріе, объявила войну Россіи (1710). Но и тогда, не смотря даже на несчастіе преобразователя Россіи, миръ на Прутѣ — ударъ для Шведскаго Короля, жесточайшій, быть можетъ, самого и Полтавского пораженія доказалъ уже, что въ Турціи властвовалъ не одинъ только Мустафа II. Чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того побѣды Фельдмаршала Миниха, справедливо заслужившаго названіе Евгенія Сѣверной Европы, загладили неудачи Петра I: перевѣсъ Россіи надъ Мусульманскими странами былъ признанъ цѣлою Европою и недалеко уже было то время, когда побѣдные клики Русскихъ воиновъ провозгласили совершенное униженіе Турціи предъ нашимъ Отечествомъ.

Вотъ краткое изображеніе внутренняго состоянія Государствъ Южной Европы, предъ началомъ Царствованія Государыни Императрицы Екатерины II; приступимъ теперь къ обозрѣнію Сѣвер-

ныхъ Державъ Европы, то есть Даніи, Швеціи и Польши.

Данія въ началѣ періода нами описываемаго увлечена была общею бурею Сѣверной войны; но не потерпѣла отъ оной ни малѣйшей перемѣны ни въ характерѣ, ни въ духѣ правленія; пріобрѣтенія ея ограничились Герцогствомъ Шлезвигскимъ; за то паденіе Швеціи было для нея полезнѣе всякихъ завоеваній. Россія, враждуя съ первою, постоянно находилась въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Даніею; и благосостояніе этого Королевства могло бы быть совершеннымъ, если бы распри съ домомъ Голстейнъ-Готторпскимъ не грозили ему опасностію. Съ вступленіемъ на Всероссійскій Престолъ Петра III, политическія отношенія Россіи къ Даніи приняли было другой видъ: почитатель Фридриха Великаго, и по фамильнымъ отношеніямъ недовольный Даніею, онъ заключилъ съ Королемъ Прусскимъ союзъ противъ этого Королевства и хотѣлъ идти на него войною; но обстоятельства уничто-

бѣжалъ въ Турцію и думалъ чужими силами восторжествовать надъ своимъ побѣдителемъ. Старанія его, казалось, были успѣшны: Порта прервавъ тридцатилѣтнее перемиріе, объявила войну Россіи (1710). Но и тогда, не смотря даже на несчастіе преобразователя Россіи, миръ на Прутѣ — ударъ для Шведскаго Короля, жесточайшій, быть можетъ, самого и Полтавского пораженія доказалъ уже, что въ Турціи властвовалъ не одинъ только Мустафа II. Чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того побѣды Фельдмаршала Миниха, справедливо заслужившаго названіе Евгенія Сѣверной Европы, загладили неудачи Петра I: перевѣсъ Россіи надъ Мусульманскими странами былъ признанъ цѣлою Европою и недалеко уже было то время, когда побѣдные клики Русскихъ воиновъ провозгласили совершенное униженіе Турціи предъ нашимъ Отечествомъ.

Вотъ краткое изображеніе внутренняго состоянія Государствъ Южной Европы, предъ началомъ Царствованія Государыни Императрицы Екатерины II; приступимъ теперь къ обозрѣнію Сѣвер-

ныхъ Державъ Европы, то есть Даніи, Швеціи и Польши.

Данія въ началѣ періода нами описываемаго увлечена была общею бурею Сѣверной войны; но не потерпѣла отъ оной ни малѣйшей перемѣны ни въ характерѣ, ни въ духѣ правленія; пріобрѣтенія ея ограничились Герцогствомъ Шлезвигскимъ; за то паденіе Швеціи было для нея полезнѣе всякихъ завоеваній. Россія, враждуя съ первою, постоянно находилась въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Даніею; и благосостояніе этого Королевства могло бы быть совершеннымъ, если бы распри съ домомъ Голстейнъ-Готторпскимъ не грозили ему опасностію. Съ вступленіемъ на Всероссійскій Престолъ Петра III, политическія отношенія Россіи къ Даніи приняли было другой видъ: почитатель Фридриха Великаго, и по фамильнымъ отношеніямъ недовольный Даніею, онъ заключилъ съ Королемъ Прусскимъ союзъ противъ этого Королевства и хотѣлъ идти на него войною; но обстоятельства уничто-

жили это намѣреніе, и дружескія сношенія Россіи съ Даніею возобновились.

Изъ описанія Сѣверной войны можно видѣть, въ какое состояніе приведена была ею Швеція; сверхъ того она подвергалась еще большимъ бѣдствіямъ, нежели какія навлекла ей долговременная несчастная брань. По смерти своего героя, Карла XII, Вельможи Шведскіе вознамѣрились ограничить Монархическую власть и повергли Государство въ величайшія бѣдствія. Аристократическая партія овладѣла правленіемъ, верховная власть содѣлалась избирательною, сеймъ началъ распоряжать дѣлами неогроничен-но, и Королю, вмѣстѣ съ титломъ, оставлено было, какъ бы изъ приличія, одно только наружное величіе. Сверхъ того и самые Аристократы раздѣлились на партіи, и побуждаемые ненавистію къ Россіи, похищали поперемѣнно верховную власть, и поперемѣнно, то одна, то другая измѣняли своему отечеству. Даже и самыя партіи Гилленборговъ (шляпъ) и Горновъ (шапокъ) были въ существѣ своемъ ничто иное, какъ

партіи Французская и анти-Французская или Англійская. Партія Гилленборговъ, приверженная къ Франціи, властвовала съ 1738 года до самаго 1762 года. Но въ эту эпоху одержала поверхность партія Горновъ, подъ вліяніемъ Россіи и Англіи. Двое Королей въ Швеціи (Фридрихъ I Гессенскій и Фридрихъ Адольфъ) видѣли всѣ ужасы анархіи: надежды къ будущему благосостоянію подавали только образовавшіяся въ Государствѣ сословія гражданъ и крестьянъ. Впрочемъ Государство это все-таки находилось не въ такомъ плачевномъ состояніи, какъ Польша, терзаемая всѣми бѣдствіями внутреннихъ безпорядковъ и смятеній.

Обманчивая личина мнимой свободы, которою Польша думала наслаждаться, налагала на нее тяжкія оковы. Анархія, хотя по видимому и умѣреннѣйшая Шведской, раздирала эту Державу междуусобіями партій; и Поляки, неспособные уже защищать самихъ себя, принуждены были искать ручательства за цѣлость своего отечества, у Державъ чуждыхъ.

Франція и Турція преимущественно обращали на себя вниманіе Польши въ этомъ случаѣ. Но, мы увидимъ впослѣдствіи, что уже ничто не могло отвратить паденія этого злополучнаго Королевства, и что чужеземная помощь, вмѣсто спасенія, приближала лишь Польшу къ погибели. Въ IV книгѣ второй части этой Исторіи подробнѣе предложено будетъ повѣствованіе о внутреннемъ положеніи Польши въ исходѣ первой половины XVIII столѣтія.

Таково было положеніе главнѣйшихъ Государствъ Европейскихъ предъ началомъ Царствованія Государыни Императрицы Екатерины II. Въ системѣ ихъ, начало XVIII столѣтія видѣло еще первенствующими на югѣ—Францію; на сѣверѣ—Швецію. Послѣ Утрехтскаго мира изнеможенная Франція уступила первенство свое могущественной, цвѣтущей Англіи, вліяніе которой на дѣла Государствъ Континента продолжалось до самаго прекращенія Семилѣтней войны. Съ тѣхъ поръ роль Великобританіи на сценѣ Европейской политики сдѣлалась

второстепенною: она сохранила влiянiе свое только на Голландiю и Португалiю. Прекративъ дружество съ Австрiею, Францiею и Пруссiею, ограничиваясь въ сношенiяхъ съ Россiею только предметами торговли, Держава эта не могла уже поддерживать въ прежней силѣ связи свои съ континентомъ, когда ни одно Государство не находило въ томъ своей пользы. Впрочемъ, мы уже замѣтили, что въ это время Англiя прiобрѣла рѣшительное первенство на моряхъ, слѣдствiя котораго вскорѣ почувствовала цѣлая Европа. Итакъ послѣ Семилѣтней войны, на степень первенствующихъ Государствъ южной Европы вступили Австрiя и преимущественно Пруссiя; но ихъ взаимное несогласiе продолжалось и послѣ Губертсбургскаго замиренiя; и хотя между сими Державами не было вражды рѣшительно явной, однакожъ онѣ не могли образовать центральнаго пункта для тѣснѣйшихъ связей твердой Европы; ибо для этого необходимо нужно бы было ихъ единодушiе. На сѣверѣ Европы Польша и Швецiя страдали подъ

игомъ анархіи. Данія, хотя и наслаждавшаяся благоденствіемъ, занята была единственно распрями съ домомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ; сверхъ того внутреннія силы Даніи, по своей незначительности не допускали ее отваживаться на какія либо значительныя политическія предпріятія. И такъ, изъ этого уже видно, что значительнѣйшимъ Государствомъ на сѣверѣ было наше Отечество; въ одной изъ слѣдующихъ главъ съ возможною подробностію изложено будетъ постепенное преуспѣяніе могущества Россіи, степень ея политической значительности въ Европѣ и то внутреннее состояніе, при какомъ она узрѣла на тронѣ своемъ Императрицу и Самодержицу Екатерину Великую.

Для точнѣйшаго уразумѣнія Исторіи описываемаго нами періода необходимо слѣдуетъ обозрѣть тѣ особенности проявленія нравственной жизни въ Европѣ, которыя составляютъ характеръ того времени и отличаютъ XVIII столѣтіе отъ всѣхъ предыдущихъ.

КНИГА II.

ГЛАВА X.

Съ началомъ XVIII столѣтія насталъ для Европы новый періодъ, отличающійся своимъ особеннымъ характеромъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Религія перестала уже быть кормиломъ всемірной политики, хотя частное вліяніе оной на внутреннее управленіе Государствъ и не прекратилось, съ одной стороны по интригамъ братій общества Іисусова, съ другой потому, что Религія составляла базисъ правленій. Протестанты были еще гонимы во Франціи, Диссиденты въ

Польшѣ, Католики въ Ирландіи. Но преимущественно политика начала полагать въ основаніе своихъ дѣйствій денежныя выгоды.

Распространявшееся просвѣщеніе указывало Государствамъ цѣли новыя и многотрудныя, для достиженія которыхъ требовались огромныя финансовыя средства, между тѣмъ какъ накопленіе излишествующихъ суммъ, при скудости источниковъ Государственныхъ доходовъ, болѣе и болѣе становилось затруднительнымъ. При такихъ обстоятельствахъ финансовая администрація, не основанная еще ни на какихъ твердыхъ началахъ, постепенно стала пріобрѣтать большую значительность и Правительства преимущественно старались о прiисканіи средствъ къ приумноженію своихъ доходовъ, безъ отягощенія подданныхъ.

Необходимость существованія отношеній между богатствами частнымъ и публичнымъ была признана еще въ XVII столѣтіи; но главнѣйшіе вопросы—каково должно быть отношеніе между доходами націи и правительства, въ чемъ заклю-

чается и откуда проистекаетъ богатство народное и какія средства можетъ съ пользою употребить Правительство для умноженія этого богатства—все еще оставались безъ надлежащаго изслѣдованія. Напротивъ того, два совершенно различныя понятія—*богатство* и *денеги*, были, вопреки здравому разсужденію, смѣшаны воедино. Эта ошибка породила ложное мнѣніе: у кого болѣе золота и серебра, тотъ богаче; чѣмъ болье въ Государствѣ людей денежныхъ или драгоцѣнныхъ металловъ, тѣмъ и Государство богаче. Истина же — что всякаго рода производящая дѣятельность полезна, если можетъ въ какомъ либо отношеніи удовлетворять потребностямъ народа и не препятствуетъ развитію силъ въ Государствѣ—или не обращала на себя вниманія умствователей или была признаваема ими за химеру. Умноженіе денегъ, при такихъ понятіяхъ, считали единственною выгодою, а уменьшеніе подлиннымъ убыткомъ и невозвратимою потерею.

Сколь ложно разсуждали о сущности народного богатства, столь же ложно думали и объ его источникахъ. Ими почитались только рудники и денежный барышъ, получаемый отъ чужихъ земель. Замѣчая же, и утверждаясь на сходствѣ событій, что скорѣе другихъ обогатились тѣ Государства, кои вели торговлю заграничную собственными мануфактурными произведеніями, политико-экономы утвердили въ Европѣ мнѣніе, будто промышленность этого рода составляетъ первый, послѣ рудниковъ источникъ богатства и будто мануфактурная выдѣлка и заграничный отпускъ фабрикатъ важнѣе земледѣлія и сбыта сырыхъ произведеній. Первымъ слѣдствіемъ розпространенія этого мнѣнія было всеобщее стремленіе Государствъ ко внѣшней торговлѣ и заложенію фабрикъ. Но какъ заграничная торговля всего удобнѣе и успѣшнѣе производится моремъ, а морская торговля, по многимъ отношеніямъ есть уже торговля колоніальная; то дальнѣйшимъ слѣдствіемъ господствовавшихъ мнѣній было увеличеніе важности колоній (тѣмъ

болѣе, что произведенія ихъ сдѣлались не только общею потребностію въ Европѣ, но даже и необходимостію), а чрезъ нихъ и значительности морскихъ Державъ.

Съ понятіемъ о внѣшней торговлѣ, какъ главнѣйшемъ источникѣ народнаго богатства, соединялось другое: торговля тогда только выгодна для Государства, когда нѣтъ привоза, или когда, покрайней мѣрѣ, излишекъ вывоза предъ привозомъ доплачивается звонкою монетою. А потому Правительства старались располагать торговые обороты такимъ образомъ, чтобы сумма товаровъ вывозимыхъ, всегда и непремѣнно превышала сумму товаровъ ввозимыхъ. Для приведенія же мануфактуръ въ цвѣтущее состояніе и наклоненія баланса на свою сторону, Правительства налагали неумѣренныя пошлины на вывозъ грубыхъ матеріаловъ и поощряя между тѣмъ вывозъ мануфактурныхъ наградами или принуждая къ оному предписаніями и даже наказаніями; старались открыть иностранные рынки для отечественныхъ произведеній посредствомъ торговыхъ

договоровъ съ иностранными Державами. Даже обманъ, вооруженная сила считалась дозволенными для распространенія торговли и пріобрѣтенія монополій. Золото и серебро цѣнились выше справедливости.

Сумма же всѣхъ понятій и основныхъ положеній такого рода о частномъ и Государственномъ богатствѣ образовала такъ называемую коммерческую или меркантильную систему, которая была ничто иное, какъ теорія основанная на опытахъ безъ строгаго изслѣдованія, имѣвшихъ лишь одну личину истины и обольщавшихъ умы мнимою выгодою.

Практическіе результаты этой системы были весьма значительны: Правительства всячески старались извлекать свои пользы изъ народнаго трудолюбія, или присвоивая часто себѣ торговлю и промышленность мануфактурную, или отягощая частныхъ производителей и коммерсантовъ огромными пошлинами, или запрещеніемъ ввоза и вывоза разныхъ предметовъ. Пусть покупаютъ товары и дурные и по высокой цѣнѣ, лишь бы

они были собственные, говорили меркантилисты; деньги останутся внутри Государства. Искажая, такимъ образомъ, понятія о богатствѣ, деньгахъ, торговлѣ и вліяніи Правительства на частную промышленность, меркантилисты смѣшивали двѣ совершенно несовмѣстныя идеи коммерческой и политической независимости. Но главнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ заблужденій меркантильной системы была странная мысль о возможности, будто бы, устраненія въ торговлѣ мѣны и существованія *отдѣльности* Государствъ, по которой каждая Держава старалась покупать у другихъ какъ можно менье, воображая, что у нея будутъ покупать всѣ прочія. Всѣ Государства хотѣли продавать, ничего не покупая! Правда, такая мечтательная система отдѣльности образовалась не вдругъ, но тѣмъ не менье она озабочивала каждое Правителвство. Впрочемъ свойство земель и духъ народовъ начинали уже въ это время дѣйствовать сильнѣе мѣръ правительственныхъ, тѣмъ болѣе, что продукты частей Свѣта и изящныя мануфактурныя издѣ-

лія, коими славилось то или другое Государство, сдѣлались общеупотребительными въ Европѣ, и даже, не какъ предметы роскоши, но и необходимости.

Однако, не смотря на то, что существованіе системы отдѣльности, которую каждое Государство старалось утвердить и поддерживать лишь для выгоды собственныхъ торговыхъ оборотовъ, противорѣчило и возможности и здравому разсужденію; но тѣмъ не менѣе сильно и пагубно было ея вліяніе на взаимныя отношенія Государствъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время. Посреди тишины и спокойствія система отдѣльности питала всеобщую недовѣрчивость и подозрѣніе въ націяхъ, изъ коихъ каждая боялась обмана отъ другихъ; возбуждала зависть къ Государствамъ, обогатившимся торговлею; ибо пріумноженіе ихъ богатства относили къ собственному разоренію. Столь враждебное, и всеобщее, расположеніе, еще болѣе усиливалось новыми успѣхами соперниковъ и воспламеняло кровопролитныя войны, особливо за колоніи. Во время этихъ войнъ,

норожденныхъ алчностію къ обогащенію, начались морскіе набѣги и каперничество, со всѣми злоупотребленіями, стѣснявшими даже торговлю нейтральную.

Такимъ образомъ и практическая политика и Государственное хозяйство были проникнуты и преобладаемы духомъ меркантилизма, полагающаго отличительный характеръ, въ равной мѣрѣ, на все осмнадцатое столѣтіе. И, странное дѣло, какъ ни явны были заблужденія господствовавшей системы, но наружностію своею обольщали и знаменитѣйшихъ людей Государственныхъ и теориковъ, которые, безъ привязанности къ меркантилизму, могли бы гордиться своимъ просвѣщеніемъ и глубокими познаніями.

Впрочемъ надо сказать и то, что множество недоразумѣній, представляемыхъ коммерческою системою, какъ въ практическомъ ея приложеніи, такъ и въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, вооружили противъ себя много противниковъ.

Противники меркантилизма около половины XVIII столѣтія намѣревались

утвердить еще новую систему, извѣстную подъ именемъ *физіократіи*, основателемъ которой былъ Кене, Лейбъ-Медикъ Французскаго Короля. Эта секта видѣла истинное богатство въ земледѣліи, а силу, производящую оное, въ землѣ. Но и эта система, построенная на мудрствованіяхъ и облеченная въ новую, неудобопонятную терминологію, тоже не могла быть съ пользою примѣнена къ практическому употребленію; тѣмъ болѣе, что основанная не на опытѣ, возвысившемся надъ мнѣніемъ общественнымъ, но просто порожденная наклонностію къ преніямъ, она противорѣчила не только тогдашнимъ понятіямъ о Государственномъ хозяйствѣ, но вообще и всѣмъ постановленіямъ и мѣрамъ Правительствъ. Физіократы требовали тамъ, гдѣ должны были и совѣтовать съ осторожностію.

Однако ученыя пренія этого рода не совсѣмъ были безплодны: мало по малу изъ нихъ образовалась наука о Государственномъ хозяйствѣ или Политическая Экономія. Заблужденія меркантилистовъ

и теоріи физіокрашовъ образовали мыслишелей, болѣе умѣренныхъ и основашельныхъ. Въ области эшой науки явился наконецъ наблюдашель глубокомысленный, кришически изслѣдовавшій сисшемы и мерканшильную и физіокрашическую, доказавшій зыбкосшь ихъ основаній, и введшій науку о Государсшвенномъ хозяйсшвѣ въ свяшилище исшины. Эшошъ знаменишый Полишикъ и Философъ былъ Адамъ Смишъ. Но и свѣшлый умъ эшого мужа не могъ разсѣяшь мрака заблужденій, порожденныхъ мерканшилизмомъ: онѣ пусшили уже слишкомъ глубокіе корни въ мнѣніи общесшвенномъ; и до самаго конца осмнадцашого сшолѣшія, если еще не позже, правила купечесшвенной сисшемы преобладали сужденіями даже и знаменишѣйшихъ людей Государсшвенныхъ.

Какія же были причины шакого продолжишельного господсшва мерканшильной сисшемы? Безъ сомнѣнія, первою причиною была закоснѣлосшь общесшвенного мнѣнія, кошорое никакъ не рѣшалось усвоишь мысли, чшо деньги не сосшавляюшъ богашсшва (въ насшоящемъ

значеніи слова), и еще менѣе богатства общественного или народного. Кромѣ этого, мнѣнія о торговлѣ внѣшней подтверждались примѣрами Государствъ, въ нарочное время обогатившихся торговлею; успѣхи ихъ на такомъ поприщѣ приписывались не иначе какъ выгодамъ торговаго баланса; но что касается до другихъ причинъ обогащенія, то ихъ или не замѣчали, или не хотѣли имъ вѣрить. Наконецъ, главнѣйшею опорою меркантилизма было скорое и легкое обогащеніе Правительствъ посредствомъ привилегированныхъ фабрикъ, торговли колоніальными произведеніями, продажи дозволеній на монополіи и прочая.

Но вѣрно ли было такое обогащеніе и соразмѣрялись ли, при господствѣ меркантилизма, доходы Государствъ, болѣе прежняго, съ суммою необходимыхъ издержекъ? На это нельзя отвѣчать утвердительно; опустошительныя войны, свирѣпствовавшія предъ началомъ XVIII столѣтія и въ первую половину онаго, обременили большую часть Европейскихъ Державъ тяжкими долгами, которые бы-

стро возрастали отъ новыхъ браней и новыхъ потребностей. Для погашенія этихъ долговъ оказалось недостаточно средствъ, предлагаемыхъ системою меркантильною. Стали для этого прибѣгать къ новоизобрѣтаемымъ средствамъ— и опять часто подвергались заблужденіямъ отъ ограниченности понятій о Государственномъ хозяйствѣ.

Къ числу этихъ нововведеній для поправленія финансовъ преимущественно относятся—бумажныя деньги, учрежденія банковъ и торговыхъ компаній. Пагубныя слѣдствія новоизобрѣтенныхъ средствъ болѣе всего оказались ощутительными отъ выпуска бумагъ, долженствовавшихъ замѣнять звонкую монету. По незнанію свойства такихъ денегъ, нынѣ въ полной мѣрѣ постигнутаго, ихъ выпускали или слишкомъ много, соразмѣряя количество оныхъ единственно съ потребностями Правительства, а не обращенія; или недостаточно, считая залогомъ ихъ одну только массу звонкой монеты, которою Правительство могло располагать свободно и по первому воз-

требованію. Отъ этого достоинство бумажныхъ денегъ часто подвергалось большимъ сомнѣніямъ, и въ то время ни одно Государство, выпускавшее ихъ, не могло похвалиться, чтобы его ассигнаціи и проч. не понижались противъ своей именной цѣнности почти тотчасъ послѣ своего выпуска, или даже, и совсѣмъ не лишались довѣрія. [128] Изъ числа банковъ, открытыхъ для поправленія финансовъ Правительства, едва ли не одинъ Лондонскій достигъ цѣли своего учрежденія. Компаніи же (какъ напр. Миссипійская, Южно морская, Африканская, Китайская и проч.) хотя и поддерживали свое существованіе, но обогащали болѣе своихъ агентовъ, нежели Правительства.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось Государственное Хозяйство въ продолженіе почти всего XVIII столѣтія. Вначалѣ оно оставалось безъ хорошей теоріи, въ продолженіе послѣдней половины — хотя заблужденія и были указаны многими достойными писателями; но меркантильная система, представлявшая благовидный предлогъ для исключитель-

ныхъ преимуществъ въ торговлѣ и мануфактурной промышленности, не смотря на опроверженіе началъ своихъ, сохраняла все еще сильное практическое вліяніе, и вмѣсто приращенія народного богатства, во многихъ Державахъ лишь вредила его успѣхамъ.

Но, не смотря на заблужденія меркантильной системы, торговля въ XVIII столѣтіи и особливо во второй половинѣ оного оказала быстрые успѣхи и сдѣлалась въ полномъ смыслѣ всемірною: моря, океаны были переплываемы; поселенія въ земляхъ отдаленнѣйшихъ, распространяемыя въ продолженіи трехъ вѣковъ, достигли въ этотъ періодъ вершины своего благосостоянія. Плодоносныя почвы колоній предлагали неизчерпаемыя богатства своихъ произведеній Европѣ. Распространеніе просвѣщенія и образованности заставляло смотрѣть на вещи, считавшіяся прежде принадлежностями роскоши, какъ на предметы необходимости. Съ умноженіемъ же запросовъ на колоніальныя, земледѣльческія и мануфактурныя произведенія возрастало

вмѣстѣ трудолюбіе и искуство произво-дящаго класса.

Съ началомъ XVIII столѣтія процвѣло также и *военное искуство:* безпрерывныя распри, волновавшія Европу въ то время, отдѣлили воиновъ отъ гражданъ и произвели систему постоянныхъ войскъ. Правда, эта система существовала и прежде, но полное развитіе получила при Людовикѣ XIV и доведена почти до совершенства при Фридрихѣ II Великомъ. Согласуясь съ духомъ времени, она имѣла чрезвычайные успѣхи: почти всѣ Державы, большія и малыя, слѣдовали примѣру Франціи, хотя и не въ равномъ содержаніи. Венгерскія возмущенія Австрію первую принудили усвоить себѣ эту систему.

По мѣрѣ того, какъ система постоянныхъ армій распространялась и болѣе утверждалась, совершенствовалось съ тѣмъ вмѣстѣ и военное искуство, и особливо при полководцахъ, каковы были Лешельё, Лувуа, Гензіусъ, Марлборугъ и Принцъ Евгеній. На поприщѣ военной

тактики преимущественно отличилась Пруссія: Фридрихъ Вильгельмъ I, какъ мы уже замѣтили, былъ основателемъ постоянной арміи Прусской; преемникъ же его полагалъ всю силу Государства единственно въ *войскѣ* и *сокровищахъ*, и потому постоянно и неутомимо заботился объ усовершенствованіи арміи и доведеніи оной до машинальной точности. При Фридрихѣ II Великомъ военное искуство сдѣлалось въ полномъ смыслѣ знаніямъ наукообразнымъ и превратилось въ упражненіе безпрестанное. [129]

Вотъ главнѣйшія черты характера, коимъ ознаменовано было въ большей или меньшей степени внутреннее состояніе всѣхъ Державъ Европейскихъ, во все продолженіе XVIII столѣтія. Бросимъ теперь общій взглядъ на взаимныя сношенія Державъ и политику тогдашняго времени.

Мы уже замѣтили, что въ XVIII столѣтіи преобладалъ духъ меркантилизма. Заключеніемъ Утрехтскаго мира не пресѣклись споры, бывшіе дотолѣ поводомъ

кровопролитныхъ войнъ. Европа пребывала въ состояніи колеблющемся, но война для всѣхъ казалась уже тягостнымъ средствомъ къ поддержанію тогдашней любимой мысли — политическаго равновѣсія. Правительства стали изыскивать способы, менѣе обременительные, къ упроченію своей значительности, къ огражденію своихъ выгодъ. Дипломатика представилась счастливою находкою — и слѣдствіемъ того былъ цѣлый рядъ конгрессовъ, союзовъ и противосоюзій, кои и составляютъ отличительный характеръ Исторіи XVIII столѣтія и кои соединили Европейскія Державы тѣснѣйшими узами въ одну политическую систему: потрясенія въ одномъ членѣ этого огромнаго тѣла возбуждали живѣйшее сочувствіе и въ другихъ. Взаимныя сношенія Государствъ стали тѣснѣе прежняго и особливо отъ образованія, даннаго посольствамъ. Обычай, сдѣлавшійся общимъ для главнѣйшихъ Державъ — содержать Пословъ и Агентовъ даже и у самыхъ мѣлкихъ владѣльцевъ, возбудилъ наконецъ, въ описываемый нами періодъ, и

послѣднихъ къ подражанію. [150] Сношенія сдѣлались быстрѣе, одушевленнѣе; переговоры во многихъ случаяхъ стали замѣнять силу. Посольства опредѣлили формы внѣшней политики и польза ихъ въ ѳтомъ отношеніи неоспорима, ибо въ соблюденіи условнаго этикета стали усматривать не простой церемоніалъ, а взаимное признаніе равенства и независимости Государствъ.

Но, и самое добро рѣдко бываетъ безъ примѣси зла: если посольства и облегчали сношенія, умѣрили раздоры и скрѣпили нить переговоровъ, за то обратнымъ слѣдствіемъ ихъ было вліяніе личности на политику. Весьма часто руководствовались лживыми донесеніями агентовъ, кои изъ самолюбивыхъ видовъ нерѣдко питали и даже возжигали войны; скоро потомъ стали дѣйствовать на политику вещи дотолѣ небывалыя: сочиненія разныхъ писателей, читаемыя съ любопытствомъ и довѣріемъ, особливо въ высшемъ кругу. Горизонтъ мышленія расширился, духъ нововведеній распространился по-

всюду и породилъ множество теорій или умозрительныхъ правилъ. Онѣ разительно противорѣчили и обычаю, по большой части руководствовавшему дотолѣ политикою и Государственнымъ устройствомъ, и всѣмъ учрежденіямъ, дотолѣ неприкосновеннымъ, и кои современники видѣли на опытѣ. Сначала теоріи сіи почитались просто произведеніями мышленія, развивавшагося по мѣрѣ распространенія просвѣщенія, и тѣмъ болѣе безвредными, что писатели, хотя иногда и принадлежавшіе къ высшему обществу, не засѣдали въ кабинетахъ, или, по крайней мѣрѣ не имѣли главнаго участія въ событіяхъ современныхъ. Но, оказалось, что новыя теоріи стали руководить мнѣніемъ общественнымъ, и *безусловная* свобода мышленія скоро принесла горькіе плоды.

Къ этому присоединилась еще страсть къ округленію (аквизиціи) или говоря точнѣе и простѣе, къ завоеванію сосѣдственныхъ земель для правильнѣйшаго очертанія собственныхъ границъ.

Наконецъ, въ заключеніе нашихъ замѣчаній о политикѣ XVIII столѣтія скажемъ, что никогда договоры, трактаты и союзы не имѣли основаній столь шаткихъ, какъ въ то время. Заключать и потомъ нарушать ихъ, въ слѣдствіе новооказавшихся личныхъ выгодъ, примѣняемыхъ къ ходу событій, было дѣломъ обыкновеннымъ.

И такъ вотъ отличительные признаки состоянія и причины нравственного повреждения политики XVIII вѣка. Только личныя преимущества характеровъ поддерживали нравственное достоинство оной. Мы увидимъ впослѣдствіи, сколь великимъ благомъ обязана Европа, въ этомъ отношеніи, Екатеринѣ II, Премудрой Императрицѣ Всероссійской.

Въ умственномъ отношеніи, въ отношеніи просвѣщенія, отличительный характеръ XVIII столѣтія составляетъ всеобщая наклонность къ Философіи и особливо въ высшемъ кругу общества. Эта наклонность проявилась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: что̀ не было из-

вѣдано, чтò не постигнуто, или по крайней мѣрѣ, чтò не считалось постигнутымъ? Духъ времени углублялся болѣе и болѣе въ теоріи, порождалъ желаніе все знать и обо всемъ разсуждать. Любознательные умы примѣняли успѣхи наукъ къ выгодамъ общежительности, углублялись въ полезныя изслѣдованія и успѣвали рѣшать многія задачи на благо людей. Просвѣщеніе, обращавшее вниманіе и на воспитаніе, представителей и различныхъ націй во всемъ уподобляло другъ другу. Изученіе чужестранныхъ языковъ облегчало сообщеніе мыслей; различіе вѣръ сдѣлалось терпимо и въ частной жизни. Образованные классы общества постепенно начали сближаться тѣснѣе прежняго: преграды, отдѣлявшія прежде Дворянство отъ гражданъ при различіи ихъ нравовъ и образѣ жизни, начали разрушаться съ тѣхъ поръ, какъ воспитаніе стало общимъ для всѣхъ удѣломъ и было равно всѣми цѣнимо. Ученые и писатели пріобрѣли себѣ отличное уваженіе, и тѣмъ болѣе, что даже люди Государственные и даже вѣнценосцы были сочинителями. [131]

Но говоря объ этихъ утѣшительныхъ событіяхъ, нельзя не сказать, что распространявшееся просвѣщеніе въ XVIII вѣкѣ было древомъ познанія добра и зла, которое принесло вмѣстѣ съ хорошими много и горькихъ плодовъ. Между тѣмъ, какъ истинные друзья просвѣщенія трудились въ тишинѣ кабинетовъ на пользу ближнихъ, нашлось много и такихъ, кои увлекшись умозрѣніями, стали во зло употреблять свое призваніе. Ихъ увлекательное краснорѣчіе, убѣдительность и мнимая искренность доводовъ при разсужденіяхъ о вещахъ неприкосновенныхъ, скрывали ядъ подъ обольстительною наружностію. Все носящее на себѣ отпечатокъ священнаго, истиннаго и мудраго стало подвергаться сужденіямъ слишкомъ вольнымъ и даже осмѣянію. Это зло возродилось въ томъ Государствѣ, которое считалось свѣтиломъ вкуса и просвѣщенія. И по мѣрѣ того, какъ значительность литтераторовъ во Франціи возрастала, когда они убѣдились во власти, пріобрѣтенной ими подъ мнѣніемъ общественнымъ, они соединялись въ об-

щества (какъ напр. энциклопедисты съ 1751 года) и стали взаимно поддерживать и распространять свое ученіе. Правда, имъ недоставало еще многаго, чтобы дѣйствовать на прочіе народы столь же сильно, какъ на своихъ единоземцевъ; однако нельзя отвергнуть, чтобы голосъ писателей этого рода, раздаваясь подобно грому въ горахъ съ множества разныхъ точекъ, не находилъ себѣ отзыва и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ странахъ. Для полнѣйшаго уразумѣнія этихъ злоупотребленій просвѣщенія, намъ остается замѣтить, что всѣ писатели, ополчавшіеся противъ непреложныхъ правилъ нравственности, добраго воспитанія и религіи, пользовались и въ своемъ отечествѣ и въ другихъ странахъ нелицемѣрнымъ уваженіемъ публики, и особливо высшаго класса общества, и что появленіе ихъ ядовитыхъ твореній всегда привѣтствовано было почти всеобщимъ громомъ рукоплесканій. [132]

Вотъ о[illegible]шины почти всего XVIII ст[illegible]ъ сомнѣнія не полный и несов[illegible] не имѣли въ виду

притязаній на совершенство); но, по нашему мнѣнію, достаточный для уразумѣнія относительного вліянія, которое духъ господствовавшихъ тогда въ Европѣ мнѣній могъ имѣть на наше Отечество, и того участія, которое принимала въ судьбѣ Европейскихъ Государствъ Россія въ достославное Царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II. Окончимъ наше *введеніе* нѣсколькими замѣчаніями о Россіи послѣ Петра Великаго до заключенія Губертсбургскаго мира въ 1762 году.

КНИГА II.

ГЛАВА XI.

Въ царствованіе Императора Петра Великаго Россія содѣлалась первенствующею Державою на Сѣверѣ; пріобрѣла вѣсъ и силу въ дѣлахъ юго западной Европы, обезпечила могущество своевластію надъ странами Балтійскими, явилась грозною для сосѣдей и твердыми стопами пошла по пути, пріуготованному ея Великимъ Преобразователемъ. Благоденствіе ея было несомнѣнно. Творецъ величія Россіи, Петръ I скончался въ Февралѣ мѣсяцѣ 1725 года, не сдѣлавъ точнаго распоря-

женія о наслѣдіи Престола. По кончинѣ его, хотя Отечество наше безпрерывно возвышалось подъ правленіемъ Монархическимъ, честолюбіе нѣсколькихъ временщиковъ, во зло употреблявшихъ довѣріе своихъ Повелителей, нерѣдко колебало Россію безпокойствами. Съ 1725 по 1762 годъ, до воцаренія Императрицы Екатерины II, на Всероссійскомъ Престолѣ возсѣдали три Императора и три Императрицы.

Послѣ Петра Великаго возпріяла Державу супруга Его Екатерина I. Въ Ея царствованіе мало принимаемо было участія въ дѣлахъ Европейской политики. Хотя въ 1726 году и заключенъ былъ договоръ съ Австріею, но онъ не имѣлъ никакихъ значительныхъ слѣдствій для Россіи. Возникшія было неудовольствія съ Англіею и Даніею, по поводу распрей Даніи съ Голштейн-Готторпскимъ домомъ, и съ Польшею, за Герцогство Курляндское, скоро прекратились. Руские ратовали только на берегахъ Каспійскаго моря. Грузинскій Царь Вахтангъ, угне-

шаемый Персіанами и лишенный ими Царства, вступилъ въ подданство Россіи. При кормилѣ Государства стоялъ Князь Меньшиковъ.

Императрица Екатерина скончалась въ Маѣ мѣсяцѣ 1727 года, сдѣлавъ не задолго предъ тѣмъ духовное завѣщаніе, [133] которымъ назначила себѣ преемника, Петра II, внука Великаго Преобразователя Россіи, и между прочимъ повелѣла своему Наслѣднику, по достиженіи совершеннолѣтія, сочетаться бракомъ съ одною изъ дочерей Князя Меньшикова. Повелѣнія, составлявшія содержаніе этого завѣщанія, не разъ были нарушаемы. Облагодѣтельствованный скончавшеюся Государынею Князь Меньшиковъ явился первымъ нарушителемъ ея духовной. Екатерина завѣщевала, чтобы дѣла въ Верховномъ Совѣтѣ, учрежденномъ Ею, рѣшались, по большинству голосовъ, засѣдавшими въ немъ опекунами малолѣтнаго Государя: Меньшиковъ уничтожилъ опеку, и для упроченія своего полновластія, перевезъ юнаго Монарха изъ Импера-

торскаго Дворца къ себѣ въ домъ. Но счастіе утомилось потворствовать своему любимцу: сосланный въ Сибирь, онъ передалъ власть свою другимъ. Долгорукіе стали на его мѣстѣ. Въ царствованіе юнаго Петра II совершенно не занимались дѣлами внѣшними и политикою Европы: дѣятельность Вельможъ, приближенныхъ къ Императору, ограничивалась ихъ семейнымъ честолюбіемъ. Петръ II былъ обрученъ съ дочерью Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, Княжною Екатериною; но въ день назначенный для бракосочетанія (29 Января 1730), Всевышній призвалъ Порфироноснаго жениха въ селенія горнія. [134]

Въ Февралѣ 1730 года вступила на Престолъ племянница Петра Великаго, Анна Іоанновна (завѣщаніе Императрицы Екатерины опять было забыто); подробности ея воцаренія извѣстны уже читателямъ: нѣкоторые Вельможи, преимущественно Долгорукіе, вознамѣрились было ограничить Монархическую Самодержавную власть — и не успѣли въ сво-

емъ намѣреніи. Долгорукіе пали, подобно Меньшикову.[185] Кормило Государственное вручено было — Бирону. Впрочемъ Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны ознаменовано было важными перемѣнами во внутреннемъ состояніи нашего Отечества и значительнымъ участіемъ въ событіяхъ заграничныхъ. Война съ Персіею, начатая еще Петромъ Великимъ, была прекращена и по Ганджскому миру возвращены Персіи всѣ провинціи завоеванныя у нея Руским. Союзъ съ Австріею возобновленъ; къ нему присоединилась и Данія.

Читателямъ извѣстно уже участіе принятое Россіею въ возведеніи на Польскій Престолъ Курфирста Саксонскаго Августа III: Россія способствовала воцаренію другаго уже Короля Польскаго.[186] Но въ слѣдующей части нашего сочиненія видно будетъ, что на Престолѣ Польскомъ возсядетъ Повелитель, *дарованный* Россіею Рѣчи Посполитой. Франція вступилась за тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго и объявила войну

Австріи; но вспомогательный корпусъ Русскихъ войскъ, высланный Императрицею Анною Іоанновною на Рейнъ, прекратилъ распри, и показалъ могущество Россіи. Запылала война съ Турціею, и побѣды Фельдмаршала Миниха изумили Европу, хотя и не могли еще быть причиною рѣшительнаго превосходства нашего Отечества: совершенное торжество Россіи надъ Портою совершилось въ Царствованіе Императрицы Екатерины II. При Аннѣ Іоанновнѣ (въ 1738 и 1739 г.) вступили въ подданство Россіи Малая и Средняя Киргизскія Орды. Во время Турецкой войны, скончался (1737) Курляндскій Герцогъ Фердинандъ, послѣдній владѣлецъ мужескаго колѣна изъ дома Кетлеровъ. Происходя отъ Польши, это Герцогство должно было присоединиться къ ней; но чины Государственные еще въ 1726 году, желая воспрепятствовать этому соединенію, избрали Графа Морица Саксонскаго преемникомъ Герцогу Фердинанду. Императрица же Анна Іоанновна вознамѣрилась утвердить Герцогомъ своего перваго Министра Бирона. Едва достигла до

Петербурга вѣсть о кончинѣ послѣдняго изъ Кетлеровъ, какъ Русскія войска, подъ начальствомъ Генерала Бисмарка явились въ Курляндіи, прежде нежели Морицъ успѣлъ утвердить права свои. Биронъ провозглашенъ былъ Герцогомъ 1 Іюня 1737 года.

Слишкомъ неограниченному въ желаніяхъ Бирону казалось мало Герцогской Короны. Въ 1739 году племянница Императрицы Анна Леопольдовна, дочь Герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны, сочеталась бракомъ съ Принцемъ Брауншвейг - Люнебургскимъ Антономъ Ульрихомъ. Въ 1740 году, Августа 12 у нихъ родился Принцъ Іоаннъ, котораго Императрица Анна Іоанновна, по настоянію Бирона, назначила своимъ преемникомъ (вопреки завѣщанію Екатерины I), и опеку надъ малолѣтнымъ, на случай своей кончины, вручила со всѣми неограниченными правами Регента—Герцогу Курляндскому и Семигальскому. Октября 17, 1740 года, дни Императрицы прекратились и на другой день Россія при-

сягнула въ вѣрности младенцу Императору Іоанну III, и Регенту Бирону. Биронъ—студентъ, выгнанный изъ Университета за дурное поведеніе и потомъ—Биронъ полновластный Регентъ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи: чего же ему больше; онъ вѣрилъ въ свое счастье, думалъ что оно не посмѣетъ отвратиться отъ него, зналъ что его ненавидятъ, и не уважалъ этой ненависти. Биронъ, сидѣвшій на ступеняхъ Императорскаго трона, грозный Биронъ, съ связанными руками, покрытый солдатскою шинелью повлачился въ Сибирь! Правительницею Россіи сдѣлалась родительница юнаго Іоанна III и первымъ Вельможею при ней Минихъ. На другой день сверженія Бирона, Минихъ раздавалъ награды первѣйшимъ сановникамъ, готовился располагать судьбами Россіи. Прошелъ годъ; тутъ вспомнили о завѣщаніи супруги Великаго Петра, вспомнили что есть въ Россіи законная наслѣдница ея Державы и что провосудный и милосердый Богъ не разъ напоминалъ Россіи

бѣдствіями о нарушеніи предсмертной воли Императрицы Екатерины I.

Іоаннъ III лишился короны. Родители его были арестованы; покоритель Данцига и Очакова, явился въ красномъ плащѣ на лобное мѣсто, окруженное нѣсколькими полками Гвардейцевъ, ласково привѣтствовалъ прежнихъ товарищей своей славы, неустрашимо выслушалъ смертный приговоръ, и, освобожденный отъ казни, равнодушно сошелъ съ эшафота и переселился въ Сибирь!

На престолъ Всероссійскій вступила дщерь Великаго Петра, Императрица Елизавета. Заграничныя сношенія Россіи раздѣлены были первоначально между ближайшимъ Совѣтникомъ Императрицы, Графомъ Лестокомъ и Канцлеромъ, Графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Но съ 1748 года, на цѣлыя десять лѣтъ, при кормилѣ Государства утвердился одинъ уже Бестужевъ. Перевѣсъ въ Швеціи партіи Гилленборговъ рѣшилъ

войну сей Державы съ Россіею. 4 Августа 1741 года Швеція объявила войну; въ слѣдующемъ году, армія ея была разбита подъ Вильманштрандомъ и Россія овладѣла всею Финляндіею. Въ 1743 году былъ заключенъ славный для Россіи Абовскій миръ. Скоро послѣ того Россія узнала въ Фридрихѣ II, опаснаго сосѣда, и приняла сторону его противниковъ, заключивъ въ 1757 году союзный договоръ съ Австріею и Саксоніею и субсидійный съ Англіею. Этотъ союзъ, къ великой радости Канцлера Бестужева-Рюмина, заставилъ Россію принять участіе въ Семилѣтней войнѣ. Рускія войска увѣнчались лаврами побѣдъ, завоевали почти всю Пруссію. Король Прусскій готовъ былъ пасть подъ ударами несчастій и бѣдствій войны, но кончина Императрицы спасла его. Императоръ Петръ III возвратилъ Фридриху всѣ завоеванныя у него провинціи и заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ. Чрезъ шесть мѣсяцевъ Петръ III скончался и воцарилась Императрица Екатерина II.

Со вступленіемъ Ея на Престолъ настала новая эпоха, какъ для Россіи такъ и для всего Сѣвера.

Правленіе каждаго изъ сихъ шести Вѣнценосцевъ отличается особою значительностію. Намъ слѣдовало бы теперь сдѣлать объ этомъ нѣсколько замѣчаній; но, ограничимся указаніемъ на источники, изъ которыхъ можно почерпнуть достаточныя свѣденія о характерѣ каждаго Царствованія: при Екатеринѣ I—Меншиковъ и Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ; при Петрѣ II—Долгорукіе; при Аннѣ Іоанновнѣ — Биронъ, любимецъ его Графъ Карлъ Левенвольдъ и воспитанники Петра Великаго, Минихъ и Остерманъ; при Правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ—Минихъ, Остерманъ, Графъ Михайла Гавриловичь Головкинъ, опять Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ и Саксонскій Министръ Графъ Линаръ; при Елизаветѣ Петровнѣ—Лестокъ, Бестужевъ-Рюминъ, Графъ Петръ Ивановичь Шуваловъ, Графъ Алексѣй Григорьевичь Разумовскій. Въ царствованіе Императора Петра III воз-

вращены были изъ ссылки Минихъ, Лестокъ, Биронъ и многія другія извѣстныя особы. Въ учрежденномъ Петромъ III Совѣтѣ присутствовали принцъ Голштейнъ-Бекскій, герцогъ Георгій, князья Трубецкой и Волконскій, графы Минихъ, Воронцовъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вилбоа, генералъ-поручикъ Мельгуновъ и тайный секретарь Волковъ. Всѣ исчисленные нами вельможи пользовались особою довѣренностью своихъ Монарховъ, управляли, часто почти съ неограниченною властію, какъ внутренними дѣлами, такъ и внѣшними сношеніями; внимательное чтеніе и сравненіе ихъ жизнеописаній можетъ удовлетворить и не одно простое любопытство. При изслѣдованіи замѣчательнѣйшихъ событій періода, заключающагося между 1725 и 1762 годами, хорошимъ руководствомъ могутъ служить сочиненія: Г. Вейдемейера — *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны* (3 части, С. П. бургъ, изд. 2-е. 1832) и продолженіе этой книги —

Царствованіе Елизаветы Петровны. Изъ иностранныхъ лучшія — записки: Манштейна (Memoires h. p. et m. sur la Russie, par le g. de Manstein), графа Линара (Ecrits politiques du comte de Lynar) и герцога Іакова Лиріа (duc de Berwick et de Lyria, бывшаго Испанскимъ посланникомъ при Императорско-Россійскомъ дворѣ, въ царствованія Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны), Memoires de Berwick, écrits par lui—meme, изданныя въ 1778 году сыномъ его герцогомъ Фицъ-Джемсомъ.

КНИГА II.

ГЛАВА XII.

Пространство занимаемое Россiею по кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича простиралось до 262,000 квадратныхъ миль. Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтiя начинается блестящiй перiодъ расширенiя границъ нашего Отечества. Прiобрѣтенiя, сдѣланныя Петромъ Великимъ, хотя и не составляли слишкомъ значительнаго количества квадратныхъ миль; но были выгодны для Россiи, какъ нельзя болѣе. Обладанiе моремъ Балтiйскимъ обезпечило успѣхи нашей торговли и утвердило сношенiя съ Евро-

вѣрными; но все могутъ свидѣтельствовать, что народонаселеніе было не значительно. Главною причиною этой незначительности было то, что до самыхъ временъ Екатерины II Великой не было принимаемо никакихъ особенныхъ мѣръ къ умноженію народонаселенія; постановленія Петра Великаго о раскольникахъ, заставили многихъ изъ нихъ переселиться изъ Россіи въ Литовскія и Польскія провинціи. Жестокости Бирона лишили Россію болѣе милліона обитателей, бѣжавшихъ изъ своего Отечества. [148]

Народонаселеніе мало соотвѣтствовало пространству Россіи; но доходы Государственные были еще менѣе пропорціональны и пространству и даже количеству обитателей. Въ послѣдніе годы Петра Великаго, пишетъ Манштейнъ, доходовъ собиралось не болѣе тринадцати милліоновъ рублей, равнявшихся тогда 65 милліонамъ Французскихъ ливровъ. Впрочемъ не смотря на эту незначительность доходовъ, ихъ

мѣста и острова, лежащіе при устьѣ Кюмени. Императрица Екатерина II вступила на престолъ Государства, лежавшаго на пространствѣ 320,550 квадратныхъ миль.

Народонаселеніе Россіи и теперь еще не соотвѣтствуетъ ея пространству; но во время Петра Великаго оно было еще незначительнѣе, не принимая даже въ соображеніе и того, что число родившихся (почти всегда превышающее число умершихъ) постепенно, съ каждымъ годомъ, или по крайней мѣрѣ, десятилѣтіемъ умножаетъ народонаселеніе. Послѣ первой ревизіи (начатой въ 1719 и оконченной въ 1723 году) общая масса жителей въ Россіи составляла не болѣе четырнадцати милліоновъ; къ 1742 году она возрасла до шестнадцати милліоновъ. Въ началѣ Царствованія Императрицы Екатерины II, послѣ третьей ревизіи, народонаселеніе увеличилось до девятнадцати милліоновъ жителей, обоихъ половъ. Эти показанія не могутъ назваться совершенно точными и досто-

внутреннія улучшенія и заграничныя предпріятія — доходовъ Государственныхъ доставало на всѣ потребности и Россія никогда не терпѣла такого явнаго недостатка въ деньгахъ, какъ многія другія Государства, въ то время. Финансы Россіи были незначительны только относительно къ ея пространству и народонаселенію и сравнительно съ доходами другихъ Державъ. Если вѣрить показаніямъ писателей Русскихъ и иностранныхъ, то предъ вступленіемъ на Престолъ Императрицы Екатерины II доходы Имперіи, по словамъ ихъ простирались до тридцати пяти милліоновъ рублей.

Государственное хозяйство въ Россіи со временъ Петра Великаго относительно находилось въ наилучшемъ состояніи: между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ Европы господствовали различныя теоріи, основанныя на заблужденіяхъ, появлявшіяся прежде опыта, вводимыя и поддерживаемыя потому только, что ихъ считали за истины непреложныя, наше Отечество руководствовалось единствен-

но узаконеніями, начертанными Геніемъ Петра, и разумъ этихъ узаконеній ограничивался лишь благодѣтельными мѣрами поощренія промышленности, какъ земледѣльческой такъ и торговой. Правда, въ Россіи были и таможни и тарифы, и пошлины, и монополіи; запрещали вывозить и серебро и золото и звонкую монету; нѣкоторыя статьи заграничной торговли составляли принадлежность казны; »утаиваемые товары« повелѣно было »конфисковать по примѣру тому, какъ оное дѣлается въ Голландіи и Англіи,« однимъ словомъ было почти все, что только ни предписывалось правилами меркантильной системы. [139] Но со всѣмъ тѣмъ Россія не замѣчала ни одного изъ тѣхъ гибельныхъ слѣдствій, какія купеческвенная система производила въ другихъ Государствахъ. Наше Отечество устояло противъ всѣхъ обольстительныхъ теорій и доказало собою, что Политическая экономія, какъ и всякая наука не точная, имѣетъ множество исключеній. Если подводить тогдашнее состояніе Россійскаго Государственнаго

внутреннія улучшенія и заграничныя предпріятія — доходовъ Государственныхъ доставало на всѣ потребности и Россія никогда не терпѣла такого явнаго недостатка въ деньгахъ, какъ многія другія Государства, въ то время. Финансы Россіи были незначительны только относительно къ ея пространству и народонаселенію и сравнительно съ доходами другихъ Державъ. Если вѣрить показаніямъ писателей Русскихъ и иностранныхъ, то предъ вступленіемъ на Престолъ Императрицы Екатерины II доходы Имперіи, по словамъ ихъ простирались до тридцати пяти милліоновъ рублей.

Государственное хозяйство въ Россіи со временъ Петра Великаго относительно находилось въ наилучшемъ состояніи: между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ Европы господствовали различныя теоріи, основанныя на заблужденіяхъ, появлявшіяся прежде опыта, вводимыя и поддерживаемыя потому только, что ихъ считали за истины непреложныя, наше Отечество руководствовалось единствен-

но узаконеніями, начертанными Геніемъ Петра, и разумъ этихъ узаконеній ограничивался лишь благодѣтельными мѣрами поощренія промышленности, какъ земледѣльческой такъ и торговой. Правда, въ Россіи были и таможни и тарифы, и пошлины, и монополіи; запрещали вывозить и серебро и золото и звонкую монету; нѣкоторыя статьи заграничной торговли составляли принадлежность казны; »утаиваемые товары« повелѣно было »конфисковать по примѣру тому, какъ оное дѣлается въ Голландіи и Англіи,« однимъ словомъ было почти все, что только ни предписывалось правилами меркантильной системы. [139] Но со всѣмъ тѣмъ Россія не замѣчала ни одного изъ тѣхъ гибельныхъ слѣдствій, какія купеческая система производила въ другихъ Государствахъ. Наше Отечество устояло противъ всѣхъ обольстительныхъ теорій и доказало собою, что Политическая экономія, какъ и всякая наука не точная, имѣетъ множество изъключеній. Если подводить тогдашнее состояніе Россійскаго Государственнаго

хозяйства подъ мѣрило меркантильной системы—торговый балансъ, то результаты не только каждаго десятилѣтія, но и каждаго года, оказываются благопріятными для Россіи. Перевѣсъ выпуска отечественныхъ товаровъ за границу всегда превышалъ привозъ иностранныхъ произведеній. И это происходило не въ слѣдствіе какихъ либо принужденій и мѣръ насильственныхъ, которыя не рѣдко употребляемы были въ другихъ Государствахъ при заграничной торговлѣ; но единственно оттого, что цѣнность ежегодныхъ произведеній Россіи, назначаемыхъ къ выпуску за границу, всегда превышала цѣнность привозимыхъ товаровъ, требовавшихся для внутренней торговли. Россія продавала иностранцамъ ленъ, пеньку, желѣзо, юфть, строевой и корабельный лѣсъ, поташъ, смолчугъ, сало, воскъ, масло конопляное, разный скотъ, соленыя мяса, щетину, хлѣбъ разный, мѣха, ревень, широкій холстъ и проч. Изъ за границы получала свинецъ, олово, кубовую краску, желѣзныя издѣлія, тонкія сукна, полотна, пряные коренья,

нѣкоторыя галантерейныя вещи, частію бриллiанты и »красный товаръ« т. е. шелковыя ткани и особливо парчи. Здѣсь кстати можно замѣтить, что привозъ послѣднихъ трехъ статей, т. е. предметовъ роскоши—былъ незначителенъ при Петрѣ Великомъ и частію запрещался, при Екатеринѣ I, (при разрѣшеніи) сдѣлался значительнѣе, при Аннѣ Іоанновнѣ увеличился до излишества и при Елизаветѣ Петровнѣ былъ совершенно запрещенъ. [140] Смольчугъ, поташъ и Сибирскій ревень составляли предметы, коими торговало исключительно Правительство. [141] Монополіи, начатыя при Петрѣ Великомъ, увеличились при Елизаветѣ Петровнѣ, и какъ видно будетъ въ послѣдствіи, всѣ прекращены при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Слава образованія регулярныхъ войскъ въ Россіи принадлежитъ Петру Великому. По кончинѣ его они состояли изъ двухъ полковъ гвардіи, изъ 120 полковъ напольныхъ пѣхотныхъ, 30 драгунскихъ и нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ Число всей арміи простиралось до двухъ сотъ тысячь че-

ловѣкъ. Въ Царствованіе Екатерины I и Петра II число войска оставалось безъ перемѣны. Императрица Анна Іоанновна умножила гвардію двумя полками Измайловскимъ и Конно-гвардейскимъ, увеличивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и прежнія войска нѣсколькими пѣхотными и конными (кирасирскими) полками, такъ что по кончинѣ ея сухопутныя военныя силы въ Россіи простирались уже до двухъ сотъ пятидесяти тысячь человѣкъ.[142] Въ Царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны это число было почти удвоено.

Славныя побѣды въ Царствованіе Петра, Анны и Елизаветы могутъ свидѣтельствовать о состояніи войска того времени. »Знатоки, видѣвшіе Русское войско, признаются что пѣхота его принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Европѣ,« говоритъ Манштейнъ. »Въ то время (1727—1744) Россія имѣла столько хорошихъ военачальниковъ, что не многія Европейскія Державы могли похвалиться не только числомъ, но даже и нѣсколькими подобными.« Кадетскій корпусъ,

учрежденный Императрицею Анною Іоанновною, доставлялъ арміи много хорошихъ Офицеровъ.

Не въ шакомъ хорошемъ состояніи находился флотъ Русскій, по кончинѣ своего Великаго Мастера. Во времена Екатерины I и Петра II не было нужды до флота, и только въ 1734 году вспомнила объ немъ Анна Іоанновна. Елизавета Петровна много стараній прилагала, если и не объ усовершенствованіи нашихъ морскихъ силъ, то по крайней мѣрѣ о поддержаніи ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ находились онѣ при Великомъ Творцѣ своемъ.

И просвѣщеніе въ первую половину XVIII столѣтія, было еще чужеземнымъ, рѣдкимъ растѣніемъ, плохо принимавшимся на Русской землѣ. Науки и изящныя художества, хотя и находили цѣнителей, воздѣлывателей и даже, иногда, покровителей, но все еще таились въ пышныхъ палатахъ Вельможъ или скромныхъ кабинетахъ немногихъ ученыхъ. Педагогическая часть была тогда почти исключи-

тельно въ рукахъ иностранцевъ. Петръ Великій посылалъ Дворянскихъ дѣтей за границу; и они возвращались оттуда съ хорошими успѣхами въ томъ »чему обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ, не могли они въ наукахъ упражняться.« [143] И такъ просвѣщеніе и вообще народное образованіе въ Россіи до временъ Императрицы Екатерины II находилось не на высокой степени: »много употреблено иждивенія на Академію и посылку Россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ, сказала Боговѣнчанная Жена въ 1764 году, но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было« [144]

И въ самомъ дѣлѣ, едва прошли какія нибудь двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Квиринъ Кульманъ былъ сожженъ въ Москвѣ за »мерзкія книги« т. е. за найденныя у него книги, на Латин-

скомъ языкѣ, какъ Великій Преобразователь возымѣлъ намѣреніе »сдѣлать Академію« и повелѣлъ »начать переводить книги Юриспруденціи« и потомъ спустя шесть лѣтъ подписалъ Указъ (1724 г.) объ учрежденіи Академіи »въ коей бы языкамъ учились, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ и книги переводили.« Намѣреніе Петра Великаго было учредить въ Россіи Академію, не въ собственномъ значеніи, не сословіе ученыхъ для изслѣдованія и усовершенствованія наукъ; а просто училище для образованія молодыхъ людей, которые, со временемъ, могли бы сообщать пріобрѣтенныя познанія другимъ; однимъ словомъ: Великій Петръ хотѣлъ *образовать въ Россіи сословіе учителей.* Доказательствомъ этому служитъ переписка его съ Лейбницомъ.

1724 года Января 20 подписанъ былъ уставъ Академіи, а 28 Января 1725 года не стало уже Великаго, и исполненіе его намѣреній приняла на себя его Супруга Императрица Екатерина I. Она возобновила повелѣнія, данныя Петромъ, Рус-

скимъ Министрамъ при Европейскихъ Дворахъ о пріисканіи ученыхъ, желающихъ поступить въ учреждавшуюся Академію. Вскорѣ по возшествіи ея на Престолъ прибыли въ Россію Гольдбахъ, Байеръ, братья Бернулли, Германъ, Эйлеръ, Делиль, Миллеръ, Буксбаумъ и другіе. 27 Декабря 1725 года Академія имѣла уже первое публичное засѣданіе и приступила къ своимъ дѣйствіямъ. Члены Академіи начали »науки совершать и производить,« читать публичныя лекціи; приступили къ изданію ученыхъ записокъ, которыхъ съ 1727 года до вступленія на Престолъ Императрицы Екатерины II, было издано болѣе тридцати томовъ. Труды многихъ Академиковъ достойно были оцѣнены въ Россіи и пріобрѣли Европейскую извѣстность. Императрица Елизавета Петровна въ 1747 году даровала Академіи новый Регламентъ, удвоила сумму на ея содержаніе, и новые блистательнѣйшіе подвиги на поприщѣ наукъ умозрительныхъ, историческихъ и наблюдательныхъ ознаменовали бытіе Академіи. [145] Но при существованіи нашей

Академіи, до самыхъ временъ Императрицы Екатерины II, въ Россіи не было училищь и для элементарнаго образованія; а потому томы ученыхъ диссертацій, написанныхъ на Латинскомъ языкѣ, достойными членами Академіи, пріобрѣтали лишь только имъ похвалы въ Европѣ, мало принося пользы Россіи, бѣдной тогда средствами къ первоначальному умственному воспитанію. Учебники сочиняемы были на Латинскомъ языкѣ, и переводъ ихъ на Русской предоставлялся волѣ и умѣнью желающихъ. Въ Академіи были и публичныя лекціи; но тоже на Латинскомъ языкѣ, тогда какъ во время уже Императрицы Елизаветы Петровны былъ изданъ Указъ, коимъ повелѣвалось подъ опасеніемъ штрафа (съ Шляхетства по 10, а съ прочихъ по 2 руб) »Дворянамъ и разнаго чина людямъ обучать дѣтей *съ младыхъ лѣтъ чтенію и писвму*.«

При такихъ обстоятельствахъ, очень естественно, что учащіеся въ Академіи, хотя и могли понимать языкъ, на которомъ тамъ разсуждали, но не имѣя перво-

начальныхъ понятій о предметахъ, трактуемыхъ Профессорами, мало пріобрѣтали пользы отъ посѣщенія лекцій. Слѣдовательно, не должно удивляться и замѣчанію Манштейна, что »при Академіи Наукъ, преподавателей иногда бывало болѣе слушателей.« Академики, по Уставу 1724 года должны были, сверхъ публичныхъ лекцій »каждый имѣть при себѣ одного или двухъ воспитанниковъ изъ Славянскаго народа и приготовлять ихъ въ учители для преподаванія первыхъ началъ.« Но еще при самомъ началѣ существованія Академіи направленіе, болѣе соотвѣтствовавшее ея собственному значенію, превозмогло предъ направленіемъ къ цѣли, составляющей удѣлъ высшихъ учебныхъ заведеній—образованію въ Россіи класса свѣдущихъ преподавателей. И Академія, какъ сословіе ученыхъ, обязанныхъ слѣдить ходъ наукъ и трудиться надъ усовершенствованіемъ знаній, нынѣ, при совершенно отдѣльной сферѣ отъ Университета, приносящая столько пользы Россіи, способствующая какъ нельзя болѣе успѣхамъ просвѣщенія въ

нашемъ Отечествѣ, была въ то время высокимъ, изящнымъ зданіемъ, неимѣвшимъ еще удобнаго входа.

Военно-учебныя заведенія, имѣющія цѣлію приготовленіе молодыхъ людей къ отдѣльной какой либо отрасли службы, по назначенію уже своему не могли способствовать народному образованію; Московскій Университетъ былъ учрежденъ только въ 1755 году, и отъ основанія его до вступленія на Престолъ Императрицы Екатерины II не прошло и десяти лѣтъ; а единственные тогда разсадники словесныхъ наукъ въ Россіи, семинаріи.... Воспользуемся опять сужденіями Екатерины Великой и помѣстимъ здѣсь отзывъ Ея о семинаріяхъ: »по сіе время (1762, Ноября 29, Маниф. о Церк. имѣніяхъ) семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ; и въ бѣдномъ содержаніи семинаристы нынѣшніе, обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обучаются Латинскому и Греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій,

какъ только самыя школьныя и первыя основанія Латинскаго языка, не обучаются ни наукъ Философскихъ и нравоучительныхъ, не знаютъ Исторіи Церковной, ни Гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ.«

И такъ Россія въ первой половинѣ XVIII столѣтія, бѣдная средствами къ народному образованію, не могла похвалиться значительными успѣхами на поприщѣ знаній. Но, какъ бы то ни было, храмъ просвѣщенія воздвигнутъ для всѣхъ и каждаго; всѣ, кому только указанъ будетъ путь въ этотъ храмъ, всѣ, какъ бы невольно, на колесницѣ времени, стремятся къ олтарю его. Препятствія могутъ лишь замедлить путь или совратить съ истиннаго, и вмѣсто кратчайшей дороги заставятъ избрать дальнѣйшую и болѣе тернистую. Геній Петра указалъ Россіи путь въ святилище просвѣщенія, и преобразованная, ознакомленная съ Государствами Европейскими, она пошла за ними по этому пути. Вначалѣ медленно, г[illegible]ло ея шествіе; длиннымъ, уто-

мительнымъ долженъ былъ казаться ей этотъ путь: другіе опередили ее на разстояніе нѣсколькихъ столѣтій; шли по пути усѣянному цвѣтами, мимоходомъ срывали ихъ, и беззаботные, не отличали часто и ядовитыхъ. Путь Россіи, пролегалъ, напротивъ того, по обширной пустынѣ, на которой она мало находила оазисовъ для утоленія жажды любознательности. Но, охраняемая вѣрою, подкрѣпляемая вѣрностію къ Престолу Монаршему, она не совращалась съ истиннаго пути, не вдавалась въ обманъ обольстительныхъ заблужденій. Творецъ міровъ милостивымъ окомъ воззрѣлъ на ея смиреніе и пламенную любовь ко благу: не болѣе какъ въ полвѣка миновала она безводную пустыню; явился благотворный геній, ниспосланный Всемогущимъ, Екатерина Великая. Она устлала для Россіи мягкимъ, зеленѣющимся дерномъ путь ко храму просвѣщенія. И съ того счастливого времени, шествіе Россіи по пути, указанному Петромъ Великимъ, сдѣлалось столь быстрымъ, столь изумительнымъ, что,

быть можетъ, вѣка грядущіе усумнятся, могло ли наше Отечество, менѣе нежели въ одно столѣтіе достигнуть тѣхъ успѣховъ въ области истинныхъ знаній, которые нынѣ знаменуютъ благоденственное Царствованіе Премудраго НИКОЛАЯ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ

ИМПЕРАТОРОВЪ, СУЛТАНОВЪ И КОРОЛЕЙ, ЦАРСТВОВАВШИХЪ ВЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

ИМПЕРАТОРЫ, СУЛТАНЫ И КОРОЛИ, ЦАРСТВОВАВШІЕ ВЪ ЕВРОПѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

ИМПЕРАТОРЫ ВСЕРОССІЙСКІЕ.

(ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ).

ПЕТРЪ I, Великій, до 26 Января 1725.

Сынъ Царя Алексѣя Михайловича, единодерж. съ 1696 и Импер. съ 1721.

ЕКАТЕРИНА I, до 6 Мая 1728.

Супруга Петра Великаго.

ПЕТРЪ II, до 29 Янв. 1730.

Внукъ Петра Великаго, сынъ Алексѣя Петровича.

АННА ІОАННОВНА, до 17 Окт. 1740.

Внука Царя Алексѣя Михайловича, дочь Іоанна Алексѣевича, племянница Петра Великаго.

ІОАННЪ III, до 25 Ноября 1741.

Внукъ дочери Іоанна Алексѣевича, Екатерины Іоановны, бывшей въ замужствѣ за Карломъ Леопольдомъ, Герцогомъ Мекленбургскимъ, и сынъ Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, Герцога Брауншвейгскаго.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА, до 25 Дек. 1761.

Дочь Петра Великаго.

ПЕТРЪ III, до 28 Іюня 1762.

Внукъ Петра Великаго, сынъ Анны Петровны, бывшей въ замужствѣ за Карломъ Фридрихомъ, Герцогомъ Голстейн-Готторпскимъ.

ЕКАТЕРИНА II, до 6 Ноября 1796.

Супруга Петра III, Принцесса Ангальтъ-Цербская.

ИМПЕРАТОРЫ ГЕРМАНСКІЕ.

(домъ габсбургскій).

Іосифъ I съ 1705 + 17 Апр. 1711.

Карлъ VI + 20 Окт. 1740.

Послѣ Карла VI, Императорскую корону должна была наслѣдовать дочь его Марія Терезія; но черезъ годъ и два мѣсяца Императоромъ провозглашенъ былъ Курфирстъ Баварскій, подъ именемъ Карла VII. Онъ умеръ въ 1745 году и наслѣдникъ его Іосифъ Максиміліанъ отказался отъ Императорской короны, которую воспріялъ

(домъ габсбургъ-лотарингскій).

Францъ I, супругъ (+ 18 Августа 1765) Маріи Терезіи (+ 29 Ноября 1780) и соправитель ея въ наслѣдственныхъ земляхъ.

Іосифъ II, съ 1765 г. + 1790 Февр. 20, соправитель Маріи Терезіи по смерти ея супруга и своего родителя и наслѣдникъ Австріи съ 1780 г.

Леопольдъ II, + 1792, Марта 1.

Францъ II, впослѣдствіи Императоръ Австрійскій.

СУЛТАНЫ ТУРЕЦКІЕ.

Мустафа II съ 1695, низложенъ 1730 Октября 2.

Мугамедъ V + 1754, Сент. 13.

Османъ III + 1657, Окт. 28.

Мустафа III + 1774, Янв. 21.

Абдулъ Гамидъ + 1789, Апр. 7.

Селимъ III, низложенный въ 1807.

КОРОЛИ ДАТСКІЕ.

(домъ ольденбургскій).

Фридрихъ IV съ 1690 до + 1730, Окт. 12.

Христіанъ VI + 1746, Сен. 15.

Фридрихъ V + 1766, Янв. 14.

Христіанъ VII + 1808, Мар. 13.

КОРОЛИ ШВЕДСКІЕ.

(домъ цвейбрюкскій, des deux ponts).

Карлъ XII съ 1697 — до + 1718, Дек. 11.
Ульрика Елеонора + 1741, Дек. 5.
Съ 1720 она взяла въ соправители своего супруга
Фридриха I, Гессен-Кассельскаго + 1751, Апрѣля 6.

(домъ голстейнъ-готторпскій).

Адольфъ Фридрихъ, Принцъ Голстейн-Эйшинскій + 1771, Февр. 12.
Густавъ III, + 1792, Марта 29.
Густавъ Адольфъ, отрекшійся въ 1809.

КОРОЛИ ПРУССКІЕ.

(домъ бранденбургскій).

Фридрихъ I + 1713, Февр. 25.
Фридрихъ-Вильгельмъ I + 1740, Мая 31.
Фридрихъ II, Великій + 1787, Авг. 17.

КОРОЛИ ПОЛЬСКІЕ.

(изъ курфирстовъ саксонскихъ).

Августъ II, окончательно избранный 23 Мая 1698; но 11 Сентября 1706 уступаетъ корону Станиславу Лещинскому, который и признанъ Королемъ отъ всѣхъ Европейскихъ Дворовъ, кромѣ Россійскаго. Августа 9, 1709, Августъ II объявилъ отрѣченіе свое недѣйствительнымъ, и по удаленіи Станислава Лещинскаго, вступилъ снова на Польскій Престолъ въ Октябрѣ 1709 года. Скончался Февраля 1, 1733 года, послѣ чего

МЕЖДОЦАРСТВІЕ

(съ 1 Февр. 1733 г. — 5 Мая 1736 года).

Августъ III, съ 5 Мая 1736 до + 5 Октября 1763 года; послѣ чего

МЕЖДОЦАРСТВІЕ

(съ 5 Октября 1763 до 7 Сентября 1764).

Станиславъ Августъ IV, Понятовскій (природный Полякъ); при немъ троякій раздѣлъ Польши. Отрѣкся отъ Престола въ 1795 году; скончался 2 Февр. 1798.

КОРОЛИ ВЕЛИКОБРИТАНСКІЕ.

Анна (изъ дома Стюартовъ), съ 1702 по + 1714, Августа 12.

(домъ ганноверскій).

Георгъ I	+	1727, Іюля 11.
Георгъ II	+	1760, Октября 25.
Георгъ III	+	1820, Января 29.

КОРОЛИ ФРАНЦУЗСКІЕ.

(домъ Бурбоновъ).

Людвигъ XIV съ 1643 по + 1715, Септ. 1.
Людвигъ XV + 1774, Мая 10.
Людвигъ XVI, лишенный жизни въ 1793.

КОРОЛИ ИСПАНСКІЕ.

(домъ Бурбоновъ).

Филиппъ V (Duc d'Anjou) съ 1700.
Отказывается отъ Престола въ пользу своего сына Людвига, 17 Января 1724. Людвигъ умеръ 31 Августа тогоже года и Филиппъ V опять вступаетъ на престолъ + 1746, Іюня 9.

Фердинандъ VI, бездѣтный + 1759, Авг. 10.

Карлъ III + 1788.

Карлъ IV, отрекшійся въ 1808 году.

КОРОЛИ ПОРТУГАЛЬСКІЕ.

(домъ браганскій).

Петръ II, Королемъ съ 1683 по + 1706, Дек. 9.

Іоаннъ V + 1750, Іюля 31.

Іосифъ Эммануилъ + 1777, Февр. 25.

Марія, бывшая въ супружествѣ за Петромъ III, не принимавшимъ участія въ правленіи, хотя онъ и былъ провозглашенъ Королемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ 1й ЧАСТИ.

---

1. Людовикъ, первоначально требовалъ Испанскій престолъ для своего сына, Людовика (Дофина), по женитьбѣ на Маріи Терезіи, старшей сестрѣ Карла II. Дѣйствительно ближайшимъ наслѣдникомъ Испанскаго Престола былъ Дофинъ; но родительница его, при выходѣ въ замужство, отреклась отъ всякихъ требованій на Испанскую Корону, какъ для себя, такъ и наслѣдниковъ своихъ. Леопольдъ I, Императоръ Германскій, имѣлъ право на Испанскую Корону по супружеству на младшей сестрѣ Карла II, Маріи Луизѣ.

2. Іосифъ Фердинандъ, внукъ Маріи Іозефы, сынъ Курфирста Баварскаго, скончался 6 Февраля 1699 г.

3. См. *Mémoires du C. de Harrach, publ. par M. de la Torre.*

4. Филиппъ Анжуйскій (duc d'Anjou), провозглашенный Королемъ Испанскимъ подъ именемъ Филиппа V, былъ второй сынъ Дофина Фр., Лудовика и Маріи Анны Баварской. Въ 1724 г. онъ отказался было отъ Испанскаго престола въ пользу сына своего Людовика, провозглашеннаго Королемъ 17 Янв. и скончавшагося 31 Августа того же года; послѣ смерти Людовика вступилъ на престолъ опять Филиппъ V.

5. Въ трехъ послѣднихъ столѣтіяхъ, и особливо въ 18 мъ, главною цѣлію всѣхъ войнъ, союзовъ и противосоюзій (по словамъ политическихъ ораторовъ

и многихъ историческихъ писателей, даже и новѣйшихъ) было соблюденіе политическаго равновѣсія или *такого соразмѣрного разпредѣленія силъ въ Государствахъ Европейскихъ, при которомъ онѣ не могли бы быть опасны одно другому.*

Но въ чемъ состоитъ, или должно состоять *соразмѣрное разпредѣленіе силъ въ государствѣ*, въ чемъ заключаются самыя силы Государства и какимъ образомъ можно *уравновѣсить* Государства до такой степени, что одно не будетъ въ состояніи вредить другому? Этого не рѣшили ни дипломаты, безпрестанно твердившіе о политическомъ равновѣсіи, ни писатели, вѣрившіе имъ на слово, что главною пружиною всѣхъ волненій въ Европѣ, въ три послѣднія и особливо въ 18 столѣтіи, было сохраненіе политическаго равновѣсія. И такъ этотъ вопросъ не рѣшенъ, да едвали можно и рѣшить его: организмъ Государствъ столь сложенъ, силы ихъ какъ матеріальныя, такъ и нравственныя столь разнообразны, непостоянны, что относительнаго вѣсу ихъ опредѣлить невозможно. Слѣдовательно и опредѣленіе, приведенное нами и заимствованное изъ *Руководства* Герена (Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien. Göttingen, 1822) не точно, неопредѣленно и противорѣчитъ логикѣ.

Быть можетъ подъ словомъ »политическое равновѣсіе« разумѣть должно всеобщее стремленіе Государствъ Европейскихъ къ поддержанію той свободы и того равновѣсія Государствъ, при которыхъ онѣ, не смотря на неравенство силъ своихъ, могутъ быть безопасны отъ всѣхъ *незаконныхъ покушеній* на ихъ цѣлость и неприкосновенность. Но и въ этомъ смы-

слѣ »политическаго равновѣсія« кажется не существовало ни въ одномъ изъ трехъ послѣднихъ столѣтій, т. е. до самого утвержденія (послѣ паденія Наполеона) Европейской системы Государствъ въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ существуетъ. Въ противномъ случаѣ, какимъ же образомъ допустили Европейскія Государства — Фридриха II овладѣть Силезіею? (указываю на нѣсколько изъ безчисленныхъ примѣровъ, какъ на поразительнѣйшіе) и когда же? въ періодъ новой Исторіи, названный Гереномъ — періодомъ *утвержденія политическаго равновѣсія*. Отчего же при господствовавшей »страсти« къ политическому равновѣсію Карлъ XII жилъ такъ долго въ Бендерахъ? Развѣ для политическаго равновѣсія нужно было, чтобъ Венгрія, Богемія, Шотландія и Ирландія лишились своей Государственной независимости? И наконецъ, какъ соединить мысль о политическомъ равновѣсіи съ мыслію объ (такъ называемыхъ) округленіяхъ въ последней половинѣ XVIII столѣтія?

Политического равновѣсія, въ какомъ бы значеніи ни принимали его, не существовало въ Государствахъ Европейскихъ до тѣхъ поръ, пока Александръ Благословенный не водворилъ прочнаго мира въ Европѣ. До тѣхъ поръ Государства объявляли войны, примирялись, мѣнялись владѣніями — не имѣя совершенно въ виду политического равновѣсія, но дѣйствуя единственно изъ собственныхъ выгодъ, сколько позволяли обстоятельства.

6. Голландія и Англія; послѣдняя вооружилась противъ Франціи за то, что Людовикъ XIV вопреки условій Ризвикскаго мира призналъ Англійскимъ Королемъ Іакова III, сына Іакова II.

7. Евгеній Савойскій, наиболѣе извѣстный подъ именемъ Принца Евгенія, былъ сынъ Евгенія Морица, (Герцога Кариньянскаго, Графа Суассонскаго) и Олимпіи Манчини, племянницы Кардинала Мазарина. Онъ родился въ Парижѣ 1663, умеръ въ 1736 г. въ Вѣнѣ. Неудовольствія по службѣ, сдѣланныя Военнымъ Министромъ Людовика XIV, Маркизомъ Лювуа, заставили Евгенія удалиться изъ Франціи. Онъ, по примѣру двухъ своихъ братьевъ, вступилъ въ Австрійскую службу. Нѣсколько лѣтъ Принцъ Евгеній былъ забытъ и Маркизомъ Лювуа и Людовикомъ XIV и Французами. Но въ Испанско-наслѣдную войну онъ напомнилъ о себѣ: блескъ оружія Людовика XIV, незнавшаго дотолѣ неудачъ, померкъ предъ славою Принца Евгенія.

8. Партія Торисовъ давно уже домогалась прекращенія войны съ Франціею, разорительной и не обѣщавшей, по видимому, ничего въ будущемъ для Великобританіи. Какъ скоро Сутерландъ и Годольфинъ, эти опоры партіи Вигсовъ были удалены (въ 1710), новая Министерія Торисовъ, главою коихъ были Гарлей, Графъ Оксфордскій и Станлей Джонъ, Виконтъ Болинбрукъ, завела сношенія съ Франціею, сначала чрезъ Аббата Готье, а послѣ чрезъ Пріора. Миръ былъ несомнителенъ. (Ужели и въ этой перемѣнѣ Министерства, рѣшившей окончаніе войны и, быть можетъ, спасшей Францію отъ конечной гибели, найдетъ кто нибудь отвлеченную мысль о политическомъ равновѣсіи? А между тѣмъ Испанско-наслѣдная война ведена была въ продолженіе періода называемаго періодомъ *утвержденія политическаго равновѣсія*).«

9. Мирныя прелиминаріи подписаны были Франціею и Англіею 6 Октяб. 1711 г. Онѣ состояли въ томъ, что 1, Анжуйскій домъ отрѣкается отъ Франціи, а династія царствовавшая во Франціи—отъ Испаніи. 2, Австрія и Франція должны, *по требованію Англіи*, заключить между собою договоръ объ очисткѣ Каталоніи и нейтралитетѣ Италіи.

10. Утрехтскій миръ составляетъ эпоху въ политической Исторіи Государствъ Европейскихъ: посредствомъ этаго мира возвысилась Англія, получивъ перевѣсъ предъ Франціею, бывшею первенствующею державою на Континентѣ. Утрехтскій конгрессъ, какъ мы уже замѣтили, открылся въ Январѣ 1712 года и состоялъ вначалѣ изъ пословъ—Французскаго (Маркизъ д'Уксиль), Англійскаго (Графъ Стаффордъ) и Савойскаго (Графъ Маффей); въ Февралѣ къ нимъ присоединились послы и прочихъ Державъ (отъ Императора Графъ Цинцендорфъ, отъ Голландіи фан-Буйсъ и фан-дер-Дюйсенъ). Ходъ всѣхъ переговоровъ зависѣлъ почти исключительно отъ Кабинетовъ Французскаго и Англійскаго, между которыми дѣятельно продолжались тайные переговоры. Наконецъ въ Утрехтѣ (въ началѣ 1713 г.) заключены были слѣдующіе мирные договоры: а) *Франціи съ Англіею:* 1, Франція признаетъ наслѣдство Англійскаго престола за Ганноверскимъ домомъ и обязуется удалить изъ владѣній своихъ Претендента (Іакова III). 2, Корона Французская никогда не должна соединяться съ Испанскою. 3, Дюнкирхенскій укрѣпленный портъ долженъ быть срытъ. 4, Франція уступаетъ Англіи Террнёвъ (удерживая за собою только Капъ-Бретонъ), Акадію, земли вокругъ Гудзонова залива и участокъ

свой на островѣ Св. Христофора. 4, Франція соглашается ограничить свою торговлю съ Испанскими колоніями и отказывается отъ пріобрѣтенія всѣхъ особенныхъ привиллегій въ этомъ случаѣ. Наконецъ Франція заключила съ Англіею особый торговый договоръ, совершенно уронившій Французскую торговлю и возвысившій и разпространившій Англійскую.

b) *Франціи съ Голландіею.* Франція обязалась опредѣлить пограничныя отношенія Нидерландъ, чрезъ Барьерный трактатъ и до заключенія его отдала Голландіи, въ видѣ залога, Нидерланды, которыя послѣ должны были поступить къ Австріи. Франція заключила съ Голландіею тоже отдѣльный торговый договоръ и столь же невыгодный какъ и съ Англіею.

c) *Франціи съ Савоіею.*

d) *Франціи съ Партугаліею.*

Савоія получила островъ Сицилію съ титломъ Королевства. Португалія пріобрѣла страну лежащую между рр. Мараньономъ и Оренокомъ, въ Южной Америкѣ.

e) *Франціи съ Пруссіею.* Франція признаетъ за Пруссіею Королевскій титулъ и получаетъ за то Прусскія наслѣдственныя права на Княжество Оранжское. Франція признала также Короля Прусскаго владѣльцемъ Графства Невшательскаго.

f) *Испаніи съ Англіею.* Испанія уступила Англіи Гибральтаръ и островъ Минорку, передала ей на 30 лѣтъ право (которымъ прежде пользовалась Франція) вывозить ежегодно въ Америку до 5000 Негровъ. Испанія обѣщала не давать никому привиллегій на торговлю въ Индіи и не укрѣплять ни за кѣмъ своихъ колоній. Англія получила также право торго-

вать съ Порто-Белло (San Felipe de Puerto Belo, нынѣ принадлежитъ Коломбійской республикѣ).

Испаніи сб Савоіею. Испанія отказывается отъ требованій на Сицилію и подтверждаетъ всѣ договоры между Савоіею и Франціею.

См. Histoire du Congrès de la paix d'Utrecht. 1716.

11. »Le prêt manque souvent au soldats; le pain même leur a manqué souvent plusieurs jours; il est presque tout d'avoine, mal cuit et plein d'ordures. Ces soldats mal nourris se battraient mal, selon les apparances. On les entend murmurer et dire des choses qui doivent alarmer pour une occasion.«

»Les officiers subalternes souffrent à proportion encore plus que les soldats. La pluspart après avoir épuisé tout le credit de leurs familles, mangent ce manvais pain de munition et boivent l'eau du camp. Jl y en a eu un très grand nombre qui n'ont pas eu de quoi revenir de leurs provinces. Beaucoup d'autres languissent à Paris, où ils demandent inutilement quelques secours au ministre de la guerre; les autres sont à l'armée dans un état de découragement et de désespoir qui fait tout craindre.

»Nos blessés manquent de bouillons, de linge et de médicamens; ils ne trouvent pas même de retraite, parce qu'on les envoie dans der hôpitaux qui sont accablés d'avances pour le Roi et sont pleins de soldats malades. On entend dire aux soldats, dans leur désespoir, que si les ennemis viénnent ils poseront les armes bas. On peut juger par là ce qu'on doit craindre d'une bataille qui déciderait du sort de la France.«

»On accable tout le pays par la demande des chariots; on tue tous les chevaux de paysans: c'est détruire le labourage pour les années prochaines et ne laisser aucune espérance pour faire vivre ni les peuples, ni les troupes. On doit juger par là combien la domination française devient odieuse à tout les pays. Les fonds de toute les villes sont épuisés; on en a pris

pour le Roi les revenus de dix ans d'avances; et on n'a point de honte de leur demander, avec menaces, d'autres avances nouvelles qui vont au double de celles qui sont déja faites. Tous les hôpitaux sont accablés; on en chasse les bourgeois, pour lesquels seuls ces maisons sont fondées, et on les remplit de soldats. On doit de très grandes sommes à ces hôpitaux, et au lieu de les payer, on les surcharge de plus en plus chaque jour.«

»La nation tombe dans l'opprobre; elle devient l'objet de la dérision publique. Jl n'y a plus dans nos peuples, dans nos soldats et dans nos officiers, ni affection, ni estime, ni confiance, ni espérance qu'on se relevera, ni crainte de l'autorité: chacun ne cherche qu'à éluder les regles, et qu'à attendre que la guerre finisse, à quelque prix que ce soit.»

Вотъ состояніе Франціи, въ какомъ находилась она предъ началомъ конгресса въ Утрехтѣ; извлеченіе, нами помѣщенное здѣсь, заимствовано изъ Memoire, ecrit de la main de Fénélon, напечатанной въ Запискахъ Боссе, (см. Mémoire du Cardinal de Bausset, M· re de l'Ac. Franç. 3-me édit. 1817).

12. Переговоры въ Гетруденбергѣ начались въ 1709 году. Главныя требованія непріятелей Людовика XIV были слѣдующія: 1, чтобы Франція отказалась совершенно отъ Испанской Монархіи въ пользу Австріи; 2, утвердила, для обезпеченія Голландіи, барьерный договоръ; сдала ей въ родѣ залога пограничныя крѣпости, возстановила тарифъ 1664 (невыгодный для Франціи). Англичане требовали, чтобы Франція признала законность правъ на ихъ престолъ Ганноверскаго дома и не противилась приращенію ихъ колоніальныхъ владѣній. Но главнымъ требованіемъ всѣхъ союзниковъ, вооружившихся противъ Людовика XIV, было то, чтобы Король Французскій самъ и одинъ лишилъ своего внука Короны!

13. См. Memoires de Mrs. de Sint Limon et de Bausset.

14. Корнелій Янсенъ (Cornelius Iansen) Епископъ Иперненскій, родился 1585 года. Во Франціи ученіе его (янсенизмъ) распространилось при Людвигѣ XIV. Булла Единородный (буллы Папскія получаютъ названіе отъ словъ, которыми начинаются; на пр. булла, о которой теперь говорится, начинается Unigenitus Dei filius, единородный Сынъ Божій); издана была Папою Климентомъ XI (8 Сент. 1713) противъ книги отца Кенеля (Quesnel); Réflexions morales du P. Quesnel sur le Nouveau-Testament. По выходѣ, эта книга была одобрена Людовикомъ XIV, который однакоже съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ и буллу Единородный (14 Февр. 1714 года), проклинавшую эту книгу. КардиналъНоайль (Noailles), одобрившій книгу Кенеля и позволившій напечатать это одобреніе въ предисловіи *Размышленій*, чрезъ три недѣли по выходѣ буллы Единородный обнародовалъ (28 Сентября 1713) «un mandemant par lequel il révoquait l'approbation q'uil avait autrefois donnée au livre du père Quesnel. *Jl en condamnait la doctrine, il en défendait la lecture à tous les fidèles de son diocèse.*«—Nous ne pouvons souffrir, писалъ Кардиналъ Ноайль въ концѣ своего посланія, que notre nom paraisse d'avantage à la tête d'un ouvrage que Sa Sainteté, le Pape, condamne!»

Эти противорѣчія Короля и Кардинала возбудили множество споровъ и преній и породили наконецъ пагубную вражду между Іезуитами и Янсенистами. — См. Anecdotes et memoires secrets sur la constitution *Unigenitus*. Utr. 1752.

15. André Hercule de Fleury, Кардиналъ и первый Министръ Людовика XV. Онъ родился въ Лодевѣ (Lodève), что въ Лангедокѣ 1653 г. и воспитывался первоначально во Іезуитскомъ Коллегіумѣ, вступилъ въ духовное званіе и сдѣланъ канонпкомъ въ Монпелье.— Людовикъ XIV далъ ему въ 1698 г. Епископство Фрежюсское (Frejus) и назначилъ наставникомъ своего внука, (впослѣдствіи Короля Людовика XV), не задолго до своей кончины. — Герцогъ Орлеанскій, Регентъ, далъ Флёри Архіепископство Реймское, а Папа Веніаминъ XIII прислалъ ему (1726) кардинальскую шапку. Вскорѣ послѣ этого Людовикъ XV, по достиженіи совершеннолѣтія, сдѣлалъ его своимъ первымъ Министромъ. Семидесятитрехлѣтній старецъ принялъ управленіе Государства, находившагося въ положеніи, слишкомъ незавидномъ: финансы были разстроены, торговля въ упадкѣ, кредитъ потерянъ, при дворѣ и вообще во Франціи господствовалъ упадокъ нравовъ, замѣтно было всеобщее уменьшеніе религіозныхъ чувствованій. Не столь надменный, какъ Ришелье, и не такъ самонадѣянный какъ Мазаринъ, Флёри врачевалъ однако же успѣшно раны своего отечества, по крайней мѣрѣ, сколько позволяли обстоятельства. Не смотря на то, что Франція вела войны въ министерство Флёри, политика этого достойнаго мужа всегда имѣла основаніемъ желаніе мира и спокойствія своему отечеству. Флёри скончался на 91 году, и по смерти этого достойнаго мужа министерство Французское не могло уже сохранить прежней самостоятельности своего характера, стало подвергаться вліянію личныхъ страстей, чужеземнымъ проискамъ, по крайней мѣрѣ въ заграничныхъ

сношеніяхъ, кои по кончинѣ Флёри приняла на себя Маркиза Помпадуръ! Послѣ отставки ея приверженца, Кардинала Берни (François Joachim de Pierres, Comte de Lyon et Cardinal de Bernis) въ Министерство иностранныхъ дѣлъ вступилъ Графъ де Шуазель Станвиль (съ 1757—1770 г.), вспомоществуемый (съ 1761) двоюроднымъ братомъ своимъ Шуазелемъ Праслeнемъ.

16. При заключеніи Утрехтскаго мира Австрія одними Нидерландами осталась недовольною; но прочіе союзники не только не расположены были къ дальнѣйшимъ уступкамъ, но напротивъ того предписывали Императору срокъ для изъявленія согласія на договоры, заключенные на Утрехтскомъ конгрессѣ.

17. Сношенія между Маршаломъ Вилларомъ, со стороны Франціи, и Принцемъ Евгеніемъ, со стороны Австріи, начались еще въ 1713 году; миръ Раштадскій заключенъ 7 Сентября 1714 года.

18. Голландія заключила съ Австріею барьерный трактатъ въ Антверпенѣ 16 Ноября 1765 года, при посредничествѣ Англіи.

19. Giulio Alberoni родился въ 1664 году, и былъ сынъ одного бѣднаго садовника. Отецъ назначалъ его въ духовное званіе и опредѣлилъ его звонаремъ въ Піаченскій соборъ. Необычайныя способности Алберони были скоро замѣчены Графомъ Ронковіери, Епископомъ Ст. Донеискимъ, и онъ въ непродолжительномъ времени сдѣланъ былъ каноникомъ и потомъ капелланомъ собора. Пронырливый и хитрый каноникъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ Герцогу Пармскому, который отправилъ его въ видѣ посланника, въ Мадритъ. Тамъ счастіе открыло ему дорогу къ поче-

стіямъ и онъ вступилъ въ службу Короля Филиппа и скоро сдѣлался первымъ и полновластнымъ его министромъ. Алберони хотѣлъ было вовлечь въ свои планы Швецію и даже Россію, и предлагалъ сначала Карлу XII, а потомъ и Петру Великому заключить съ Испаніею оборонительный и наступательный союзъ; намѣревался возжечь общую войну на твердой землѣ, запутавъ Австрію въ войну съ Портою и произведя мятежъ въ Венгріи. См. *Histoire du Cardinal Alberoni, par M. I. R. La Haye* 1720.

20. См. Memoires de S. Simon, часть 1-ю книгу 4.

21. Въ это время Австрія приняла участіе въ войнѣ, открывшейся (1716 г. въ Іюнѣ) между Портою и Венеціанами.—Въ эту войну Принцъ Евгеній увѣнчалъ себя лаврами блистательныхъ побѣдъ и заключилъ выгодный для Австріи миръ въ Пассаровицѣ, 21 Іюля 1718 года. Австрія получила Бѣлградъ, Темесваръ, Баннатъ, часть Сербіи и Валлахіи до рѣки Алуты.—Кромѣ того Австрія пришла въ возможность торговать со всѣми Турецкими землями.

22. Четверный союзъ заключенъ былъ 2 Августа 1718 года; главныя условія его были слѣдующія: a) Императоръ отказывается отъ всякихъ требованій на Испанію и Индію; а Испанскій Король отъ требованій на Италію и Нидерланды. b) Инфанту Дону Карлосу (сыну Королевы Елизаветы) уступается право на Тоскану, Парму и Піаченцу, въ видѣ Имперскихъ ленъ. c) Савойскій домъ долженъ промѣнять островъ Сицилію на Сардинію.

23. Планы Алберони, въ разсужденіи заграничной политики и ея связей, состояли преимущественно въ томъ, чтобы возвратить Испаніи ея прежнія Ита-

ліанскія провинціи. Кромѣ этого онъ намѣревался (посредствомъ Целламары) доставить Французское Регентство Испанскому Королю Филиппу V.

Антоній Гвидиче (Antonio Giudice), Герцогъ Джіовенаццо, Князь Целламаре служилъ при дворѣ Карла II, принималъ дѣятельное участіе въ Испанско-наслѣдной войнѣ и былъ посланникомъ отъ Испанскаго Правительства въ Вѣнѣ и оттуда перемѣщенъ (1715) въ Парижъ, въ качествѣ чрезвычайнаго Посла. Тутъ онъ сдѣлался сообщникомъ плановъ Алберони и рѣшился низложить Регента Французскаго. Но случайно открытая переписка съ заговорщиками обнаружила его замыслы и открыла главнѣйшихъ враговъ Регента. Целламара былъ арестованъ и подъ карауломъ вывезенъ въ Испанію. Мадритскій дворъ назначилъ Целламару Генералъ-Капитаномъ Кастильскимъ. Онъ умеръ въ 1733 г.

24. Декабря 20, 1720 года Алберони получилъ приказаніе выѣхать въ 24 часа изъ Мадрита и въ 5 дней изъ Испаніи. Тутъ Алберони испыталъ на себѣ всѣ бѣдствія опалы: ненавидимый вельможами и владѣтельными особами, онъ принужденъ былъ много терпѣть отъ ихъ мстительности; едва успѣлъ онъ приблизиться къ границамъ Королевства, какъ нѣсколько человѣкъ напали на его карету, убили одного изъ его слугъ, и только одно поспѣшное бѣгство спасло жизнь Кардинала. Переодѣвшись въ крестьянское платье, онъ долго блуждалъ не зная гдѣ преклонить голову. Въ Римъ онъ не осмѣливался ѣхать, боясь обманутаго имъ Папы Климента XI. Алберони добрался до Генуи и думалъ поселиться тамъ подъ чужимъ именемъ; но его скоро узнали, и по требо-

стіямъ и онъ вступилъ въ службу Короля Филиппа и скоро сдѣлался первымъ и полновластнымъ его министромъ. Алберони хотѣлъ было вовлечь въ свои планы Швецію и даже Россію, и предлагалъ сначала Карлу XII, а потомъ и Петру Великому заключить съ Испаніею оборонительный и наступательный союзъ; намѣревался возжечь общую войну на твердой землѣ, запутавъ Австрію въ войну съ Портою и произведя мятежъ въ Венгріи. См. *Histoire du Cardinal Alberoni, par M. I. R. La Haye* 1720.

20. См. Memoires de S. Simon, часть 1-ю книгу 4.

21. Въ это время Австрія приняла участіе въ войнѣ, открывшейся (1716 г. въ Іюнѣ) между Портою и Венеціанами.—Въ эту войну Принцъ Евгеній увѣнчалъ себя лаврами блистательныхъ побѣдъ и заключилъ выгодный для Австріи миръ въ Пассаровицѣ, 21 Іюля 1718 года. Австрія получила Бѣлградъ, Темесваръ, Баннатъ, часть Сербіи и Валлахіи до рѣки Алуты.—Кромѣ того Австрія пришла въ возможность торговать со всѣми Турецкими землями.

22. Четверный союзъ заключенъ былъ 2 Августа 1718 года; главныя условія его были слѣдующія: а) Императоръ отказывается отъ всякихъ требованій на Испанію и Индію; а Испанскій Король отъ требованій на Италію и Нидерланды. b) Инфанту Дону Карлосу (сыну Королевы Елизаветы) уступается право на Тоскану, Парму и Піаченцу, въ видѣ Имперскихъ ленъ, с) Савойскій домъ долженъ промѣнять островъ Сицилію на Сардинію.

23. Планы Алберони, въ разсужденіи заграничной политики и ея связей, состояли преимущественно въ томъ, чтобы возвратить Испаніи ея прежнія Ита-

ліанскія провинціи. Кромѣ этого онъ намѣревался (посредствомъ Целламары) доставить Французское Регентство Испанскому Королю Филиппу V.

Антоній Гвидиче (Antonio Giudice), Герцогъ Джіовенаццо, Князь Целламаре служилъ при дворѣ Карла II, принималъ дѣятельное участіе въ Испанско-наслѣдной войнѣ и былъ посланникомъ отъ Испанскаго Правительства въ Вѣнѣ и оттуда перемѣщенъ (1715) въ Парижъ, въ качествѣ чрезвычайнаго Посла. Тутъ онъ сдѣлался сообщникомъ плановъ Алберони и рѣшился низложить Регента Французскаго. Но случайно открытая переписка съ заговорщиками обнаружила его замыслы и открыла главнѣйшихъ враговъ Регента. Целламара былъ арестованъ и подъ карауломъ вывезенъ въ Испанію. Мадритскій дворъ назначилъ Целламару Генералъ-Капитаномъ Кастильскимъ. Онъ умеръ въ 1733 г.

24. Декабря 20, 1720 года Алберони получилъ приказаніе выѣхать въ 24 часа изъ Мадрита и въ 5 дней изъ Испаніи. Тутъ Алберони испыталъ на себѣ всѣ бѣдствія опалы: ненавидимый вельможами и владѣтельными особами, онъ принужденъ былъ много терпѣть отъ ихъ мстительности; едва успѣлъ онъ приблизиться къ границамъ Королевства, какъ нѣсколько человѣкъ напали на его карету, убили одного изъ его слугъ, и только одно поспѣшное бѣгство спасло жизнь Кардинала. Переодѣвшись въ крестьянское платье, онъ долго блуждалъ не зная гдѣ преклонить голову. Въ Римъ онъ не осмѣливался ѣхать, боясь обманутаго имъ Папы Климента XI. Алберони добрался до Генуи и думалъ поселиться тамъ подъ чужимъ именемъ; но его скоро узнали, и по требо-

ванію Папы и *Короля Испанскаго* посадили въ тюрьму. Однако Генуезцы его освободили, а смерть Климента XI доставила ему возможность жить покойнѣе. Папа Иннокентій XIII возвратилъ прежнему Испанскому министру права Кординальства и доставилъ ему средства окончить дни, хотя не съ прежнимъ блескомъ, но по крайней мѣрѣ, въ довольствѣ. Алберони умеръ въ 1752 году, 87 лѣтъ отъ роду.

25. Карлъ VI издалъ прагматическую санкцію еще въ 1713 году; но родовыя земли Австрійскаго дома и всѣ дворы Европейскіе признали ее не прежде исхода 1720 года.

26. Ост-Индская купеческая компанія, основанная Карломъ VI въ городѣ Остендѣ и получившая привиллегію на производство торговли съ обѣими Индіями, была сочтена морскими державами за нарушеніе правъ ихъ, не сообразное съ условіями Вестфальскаго мира.

27. Конгрессъ въ Калмарѣ открылся въ 1721 году; на этомъ конгрессѣ не было ничего рѣшено окончательно.

28. Помолвленная за Людовика XV мололѣтная Инфантина, дочь Королевы Елизаветы, обратно отослана изъ Парижа въ Апрѣлѣ 1724 года, потому что новый Регентъ, Дюкъ де Бурбонъ, рѣшился немедленно женить Короля. Обрученіе Людовика XV съ Маріею Лещинскою послѣдовало 16 Августа 1725 года.

Испанія заключила миръ и союзъ съ Австріею 30 Апрѣля 1725 года. Испанія признала Ост-Индскую компанію учрежденную Карломъ VI (см. примѣч. 26) и заключила договоръ о взаимномъ вспомоществованіи, въ случаѣ чьего либо нападенія.

29. Францiя заключила союзъ съ Англiею *въ Гернгаузенѣ* 3 Сентября 1725 года. Голландiя приступила къ этому союзу въ Августѣ 1726 года; примѣру ея послѣдовали (въ 1727) Данiя, Швецiя, Гессен-Кассель и Вольфенбиттель, соглашенные на участiе вспомогательными суммами. Пруссiя, сначала тоже приступила было къ Гернгаузенскому союзу, но увлекаемая частными видами, отступила отъ него и присоединилась къ Австрiи, заключивъ тайный договоръ (12 Августа 1726) съ Императоромъ въ Вестергаузенѣ. Карлъ VI, кромѣ нѣкоторыхъ Германскихъ Князей успѣлъ расположить въ свою пользу и Россiю, заключивъ договоръ съ Императрицею Екатериною 1 Августа 6, 1726 года.

30. Сиръ Робертъ Вальполь, Графъ Оксфордскiй и Перъ Великобританiи, родился въ 1674 и скончался 1745 году. Вальполь принадлежалъ къ партiи Виговъ. Въ 1700 году онъ уже занималъ значительное мѣсто въ Англiйскомъ Парламентѣ, и въ 1708 году получилъ мѣсто въ Военномъ Министерствѣ. Но когда въ 1712 году партiя Виговъ упала (см. примѣч. 8), Вальполь былъ отставленъ и не прежде 1714 года возвратилъ свою прежнюю значительность. Въ 1721 году онъ достигъ степени перваго Министра и былъ сдѣланъ Канцлеромъ казначейства. Министерство Вальполя составляетъ замѣчательнѣйшую эпоху въ лѣтописяхъ Великобританскаго правительства. Не смотря на огромныя субсидiи, которыми Англiя дѣйствовала на континентальную политику, государственный долгъ при Вальполѣ не возрасталъ такъ быстро, какъ при его преемникахъ.

См. Memoirs of the life and Administration of S. R. Walpole, изданные Коксомъ (Will. Coxe) 1798 года.

31. *См.* сей части страницы 82—88.

22. Война Императору была объявлена 13 Марта 1734 года. Мало по малу были отняты у Австріи всѣ ея владѣнія въ Испаніи и наконецъ она принуждена была заключить мирныя прилиминаріи съ Франціею 1735 года, Октября 3, кои были одобрены Сардиніею (1 Маія) и Испаніею (15 Ноября 1736), и состояли въ томъ что: a) Австрія оставляетъ за Испаніею въ пользу Инфанта Дон-Карлоса—Неаполь, Сицилію, островъ Эльбу и Stato degli presidi, какъ земли принадлежавшія младшей линіи ея дома. b) Франція получаетъ права на Лотарингію и Баръ, кои отдаются Станиславу Лещинскому, отрѣкшемуся отъ Польской Короны. c) Герцогъ Лотарингскій, Францъ Стефанъ получаетъ право на владѣніе Герцогствомъ Тосканскимъ, а Сардинія нѣкоторыя округи изъ Медіоланскихъ владѣній. Императору за все это обѣщаны Парма съ Піаченцею и невѣрное ручательство въ обезпеченіе Прагматической Санкціи. Окончательный миръ Императоръ принужденъ былъ заключить 18 Ноября 1738. (Ужели и тутъ можно найти хотя что нибудь похожее на стараніе сохранить политическое равновѣсіе)!

33. См. Leben Carl's des Zwölften, von G. Adlerfeld.—Блестящіе успѣхи Короля Шведскаго въ началѣ XVIII столѣтія внушилъ Адлерфельду, бывшему Камерюнкеромъ при дворѣ Карла XII, описать дѣянія этаго героя. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII, велѣлъ своему Штабу и всѣмъ Шведскимъ Генераламъ сообщать Адлерфельду официіальныя свѣденія обо всѣхъ

военныхъ дѣйствіяхъ. Дневникъ Адлерфельда доведенъ до самой Полтавской битвы, гдѣ Историкъ Карла XII убитъ ядромъ близь носилокъ своего Героя. Рукопись на Шведскомъ языкѣ досталась Русскимъ и послѣ перешла къ сыну Адлерфельда, который приведя ее въ порядокъ, издалъ на Французскомъ языкѣ (Histoire militaire de Charle XII); но Нѣмецкій переводъ, обогащенный примѣчаніями лучше. Сочиненіе Адлерфельда можетъ дать полное понятіе о Шведскомъ героѣ.

34. Сѣверная война начата была Датчанами, которые въ Апрѣлѣ 1700 года напали на Шлезвигъ и осадили Тонингтонъ. Въ Іюлѣ тогоже года Карлъ XII сдѣлалъ высадку въ Зеландію и принудилъ Данію къ заключенію Травендальскаго мира (18 Августа), по которому Данія обязывалась не предпринимать ничего ко вреду Швеціи.

35. Въ этомъ посольствѣ находился самъ Петръ Великій.

36. Петръ Великій во время перваго путешествія за границу, на обратномъ пути изъ Вѣны, имѣлъ свиданіе съ Августомъ II, Королемъ Польскимъ, въ Равѣ, Іюня 22, 1698 года; тогда еще, какъ кажется, предположили они завоевать у Швеціи Ливонію и Ингрію, первую для Польши, а вторую для Россіи. Во второй разъ Петръ Великій видѣлся съ Августомъ II въ Биржѣ и заключилъ съ нимъ (26 Февр. 1700) оборонительный и наступательный союзъ.

Августъ II, увѣренный Паткулемъ, что Ливонское Дворянство, недовольное Шведскимъ Правительствомъ, охотно передастся Польшѣ, напалъ съ Саксонскою арміею на Лифляндію, осадилъ Ригу и—безуспѣшно. Увѣренія Паткуля не сбылись и Ливонское Дворянство

сохранило вѣрность къ Шведамъ. Петръ Великій, въ качествѣ союзника Августа II, объявилъ также войну Швеціи и осадилъ Нарву.

37. Въ 1701 и 1702 годахъ Русскіе истребивъ Шведскія войска, оставленныя Карломъ XII въ Лифляндіи и Ингерманландіи, овладѣли Нотенбургомъ, 1 Октября 1702, и Нейшанцемъ 1 Марта 1703 года. Въ томъ же году Петръ Великій заложилъ Санктпетербургъ, а въ 1704 году овладѣлъ окончательно Лифляндіею и взялъ сильнымъ штурмомъ укрѣпленную Нарву.

Не столь счастливо велъ войну съ Шведами Августъ II: побѣда одержанная Карломъ XII подъ Клишовымъ (19 Іюня 1702) распространила пламя войны на всю Польшу и ввергла Краковъ въ руки побѣдителя, который рѣшился даже лишить Августа II Польскаго Престола. Видя, что Литва волнуется безпокойствами, что Августъ II не пользуется любовію Поляковъ и что Саксонскія войска ненавидимы въ Польшѣ, Король Шведскій предложилъ Примасу Радзѣевскому объявить междоцарствіе и избрать на мѣсто Августа II другаго Короля. Въ 1704 году воеводства Познанское и Калишское предводимые партіею Сапѣги соединились, желая возпрепятствовать продолженію войны, и заключили союзъ съ Карломъ XII. Къ этой партіи присталъ и Примасъ Королевства Радзѣевскій и объявилъ 2 Маія 1705 года междоцарствіе. Іюля 12 того же года избранъ былъ въ Варшавѣ на Польскій Престолъ *Станиславъ* Лещинскій, Познанскій Воевода. Карлъ XII заключилъ съ нимъ миръ и союзъ. Между тѣмъ война въ Польшѣ и Литвѣ продолжалась, ибо большая часть Польши

оставалась еще вѣрною Августу II. Король Шведскій вторгнулся въ Саксонію (16 Февр. 1705) и принудилъ Августа II, въ Альтранштадтѣ, близъ Лейпцига, къ миру, по которому Августъ II отрекся отъ Польской Короны, призналъ Станислава Лещинскаго Королемъ Польскимъ и обязался дать Шведамъ зимнія квартиры въ Саксоніи и продовольствовать своихъ побѣдителей жалованьемъ и припасами.

38. Карлъ XII выступилъ изъ Саксоніи въ Сентябрѣ 1707 года, перешелъ Польшу и велѣлъ Генералу Левенгаупту соединиться съ нимъ въ Курляндіи. Августа 11-го перешелъ онъ черезъ Днѣпръ и вступилъ въ Малороссію. Но въ это время Русскіе остановили Левенгаупта и разбили его подъ Лѣснымъ.

39. Карлъ XII убѣжавъ въ Турцію съ Мазепою (который отравился тамъ 22 Сентября 1709) основалъ свое пребываніе въ Бендерахъ и пробылъ въ этомъ городѣ до 11 Февраля 1713 года. Въ Декабрѣ 1710 года Турція объявила войну Россіи.

40. Въ Апрѣлѣ 1711 года Петръ Великій заключилъ союзъ съ Дмитріемъ Кантемиромъ, Господаремъ Молдавскимъ и въ Іюнѣ слѣдующаго года перешелъ Днѣстръ и соединился съ Кантемиромъ въ Яссахъ. Турки окружили Русскую армію у Прута. Въ это время Екатерина предложила своему супругу начать отъ лица Ея переговоры съ Великимъ Визиремъ, который былъ худо расположенъ къ Карлу XII. Переговоры были успѣшны и *миръ на Прутѣ* заключенъ 21 Іюля 1711 года, на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ возвращается Турціи; крѣпости вновь построенныя на Турецкой границѣ и Таганрогъ, должны быть срыты; Шведскій Король можетъ безопасно про-

ѣхать въ свое Государство. Узнавши объ этомъ мирѣ Карлъ XII тотчасъ отправился изъ Бендеръ къ Верховному Визирю и—увидалъ Русскую армію спокойно выходящую изъ засады, гдѣ онъ считалъ ее погибшею. Выведенный изъ себя этимъ неожиданнымъ событіемъ Король Шведскій кинулся къ Мустафѣ съ жалобою на Верховнаго Визиря и успѣлъ выхлопотать новое объявленіе войны съ Россіею. Но Англія и Данія отвратили дальнѣйшія распри Порты съ нашимъ Отечествомъ, заключивъ договоръ съ Швеціею, по которому къ условіямъ Прутскаго мира прибавлено было еще, чтобы Русскія войска оставили Польшу. Карлъ XII былъ силою вывезенъ изъ Бендеръ въ Демотику.

41. Послѣ Полтавскаго пораженія остатки Шведской арміи отступили въ Померанію и Нѣмецкія земли и готовились тамъ къ оборонѣ; оказалось, что Сѣверная война должна была слиться съ войною за Испанское наслѣдство. Но Россія, Саксонія, Данія и Германія, при посредствѣ мореходныхъ властей и Императора заключили (31 Марта 1710 года) Гагскую конвенцію, объявивъ оною Шведскія провинціи въ Германіи, Герцогство Шлезвигское и Готландію—нейтральными. За неприкосновенность этихъ земель поручились Пруссія, Ганноверъ и мореходныя власти. Но Карлъ XII протестовалъ противъ сей конвенціи тогоже года, 30 Ноября, и это имѣло слѣдствія чрезвычайныя для всего Сѣвера. Нѣмецкія провинціи Короля Шведскаго обратили на себя вниманіе союзниковъ и Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма I. Датчане и Поляки вступили въ Померанію, первые сначала овладѣли Бременомъ и Верденомъ, а Король Августъ II

занялъ Герцогство Голштейн-Готторпское. Фридрихъ Вильгельмъ осадилъ Штетинъ. Изъ всѣхъ посторонних владѣній Карла XII за нимъ остался (въ половинѣ 1714 года) одинъ только Стральзундъ.

Покупка Ганноверомъ у Короля Датскаго завоеванныхъ симъ послѣднимъ городовъ Бремена и Висмара и строгіе эдикты, объявленные Карломъ противъ нейтральнаго плаванія, заставляютъ Ганноверъ и Англію принять дѣятельнѣйшее участіе въ Сѣверной войнѣ. Карлъ XII возвратился въ Стральзундъ 22 Ноября 1714 года; но и эта крѣпость сдалась союзнымъ войскамъ, ее осадившимъ, чрезъ нѣсколько часовъ по выѣздѣ Короля.

42. Герцъ былъ посланникомъ при Дворѣ Голстейн-Готторпскомъ. По возвращеніи въ Швецію Карлъ, убѣжденный наконецъ совѣтами Герца, согласился что успѣхъ войны не всегда зависитъ отъ одной силы оружія. Герой Сѣвера предался совершенно вліянію Барона Герца, сдѣлалъ его главою Правительства и не обманулся въ своемъ выборѣ. Въ короткое время кредитъ Швеціи былъ возстановленъ и властитель ея могъ имѣть средства къ продолженію войны. Герцъ совѣтовалъ не препятствовать Русскому Царю наслаждаться своими побѣдами, оставаться въ добромъ согласіи съ могущественнѣйшими врагами Королевства и стараться поразить слабѣйшихъ. Баронъ Герцъ завелъ сношенія со всѣми Европейскими Дворами: онъ договаривался и съ Кардиналомъ Алберони и съ Претендентомъ противъ Георга I; старался вооружить Францію противъ Англіи и велъ дѣятельно тайные переговоры съ Россіею. Швеція могла уже надѣяться на времена счастливѣйшія; но слѣпая

зависть нѣкоторыхъ ея Вельможъ наградила усердіе великаго мужа, обѣщавшаго спасеніе Королевству, эшафотомъ! *См.* Leben von Karl XII., von Nordberg. 1745.

43. Ништадскому миру предшествовали договоры, заключенные Швеціею, послѣ казни Герца: а) *съ Англіею* (19 Ноября 1719), по которому Швеція уступила ей Бременъ и Висмаръ, за 1,000,000 рейсхталеровъ; б) *съ Пруссіею* (1 Февраля 1720 года). Пруссія получила Штетинъ и часть Помераніи, острова Вольгастъ и Уздомъ за два милліона экю; в) *съ Даніею* (14 Іюля 1720). Данія возвратила Швеціи все отнятое ею во время войны, получила 600,000 экю и право взимать пошлину на Зундѣ.

(Вѣроятно Швеція лишилась своихъ владѣній по симъ договорамъ и Ништадскому миру для утвержденія политическаго равновѣсія).

44. См. сей части главу XI.

45. Требованія Пруссіи на отдѣльныя части Силезіи были слѣдующія: 1) *Княжество Эгерндорфъ*, принадлежало нѣкогда младшей отрасли Бранденбургскаго дома; но въ 1623 году было отнято Императоромъ Фердинандомъ II, у тогдашняго владѣльца, Герцога Іоанна, подвергшагося опалѣ за сообщество въ возмущеніи Палатина, Курфирста Фридерика V. 2) Требованія на Княжества *Лигницъ, Брюге и Велау* Король Прусскій основывалъ на договорѣ (заключенномъ въ 1537) о взаимномъ правѣ наслѣдства между тогдашнимъ Герцогомъ и Курфирстомъ Іоакимомъ II, не признававшими также своей зависимости отъ Фердинанда I, какъ Короля Богемскаго и Оберъ-Ландсгера. Въ 1675 году по прекращеніи Герцогскаго дома завладѣла ими Австрія, а въ 1687 Курфирстъ Фрид-

рихъ Вильгельмъ утвердилъ ихъ за нею формально, по договору, въ обмѣнъ за Швабахскій округъ. См. Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Kolonien. 2 Bde.

Франція вооружалась противъ Маріи Терезіи, рѣшительно не основываясь ни на какихъ *собственныхъ* требованіяхъ. Даже первенствующіе Министры противились объявленію войны, которую намѣревалась возжечь одна придворная партія, управляемая Маршаломъ Белилемъ съ братомъ, желавшими возвыситься.

См. Memoires pour servir à l'histoire de l'Europe, depuis 1740 jusqu'en 1748. par Spohn. 1752.

46. Требованія Баваріи основывались на завѣщаніи Императара Фердинанда I, которое содержало впрочемъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ разумѣть Курфирстъ Карлъ Албертъ. Испанія ссылалась, по какой-то непонятой генеалогіи, на договоръ Карла V съ братомъ его Фердинандомъ, при уступкѣ ему Германскихъ земель и на обязательство Филиппа III, при отреченіи его, въ 1617 году отъ Австрійскаго наслѣдства. Саксонія вступалась въ наслѣдство Карла VI, потому, что Августъ III былъ женатъ на старшей дочери Императора Іосифа I.

47. О положеніи Австріи по смерти Карла VI до прекращенія войны за Австрійское наслѣдство см. Adelung's pragmatische Staatengeschichte Europas, von dem Ableben Kaiser Karl's VI. 1800.

48. Съ Баварскою арміею соединилась и Французская въ Сентября 1741. Прагою овладѣли онѣ при помощи Саксонцевъ.

49. Вспомогательный трактатъ между Англіею и Австріею заключенъ былъ Января 1742. Британская армія соединилась съ Австрійскою въ Нидерландахъ.

50. Бреславскій миръ между Австріею и Пруссіею заключенъ былъ 11 Іюня и утвержденъ въ Берлинѣ 28 числа тогоже мѣсяца 1742 года. По этому миру Марія Терезія уступила навсегда Фридриху II Верхнюю и Нижнюю Силезію съ Графствомъ Глацъ. За Австріею осталось только нѣсколько округовъ Восточной Силезіи. Едва только Фридрихъ II заключилъ Бреславскій миръ, и союзъ противъ Австріи уничтожился. Примѣру Пруссіи Саксонія первая послѣдовала.

51. Франція и Англія участвовали въ войнѣ за Австрійское наслѣдство единственно въ видѣ державъ вспомогательныхъ; но по заключеніи Бреславскаго мира Англо-Германская армія одержала блистательную побѣду при Детлингенѣ и оттѣснила Французовъ за Рейнъ. Послѣ этого Франція рѣшилась дѣйствовать уже собственно отъ себя, а Англія напротивъ того желала прекращенія войны, и не видя миролюбивыхъ разположеній со стороны Франціи, разбила ея флотъ, (соединившійся съ Испанскимъ) при Тулонѣ. Это событіе послужило Франціи поводомъ заключить союзъ съ Испаніею и объявить отъ лица своего войну Англія (15 Марта) и Австріи (25 Октября) въ 1743 году.

52. Франція и ея союзники способствовали сыну Претендента, Карлу Эударду сдѣлать высадку въ Шотландіи. Покушеніе Принца Эдуарда казалось обѣщало успѣхъ; но Колуденское сраженіе, выигранное Герцогомъ Кумберландскимъ, сокрушило всѣ надежды Стюартовъ.

53. Тридцатисеми тысячный корпусъ Русскихъ войскъ, высланный Императрицею Елизаветою Петровною на помощь Австріи, находился подъ начальствомъ Князя Василія Аникитича Репнина. Русскія войска не вступали ни въ одно сраженіе, но между тѣмъ споспѣшествовали скорѣйшему заключенію Ахенскаго мира. Князь Василій Аникитичь не дождался окончанія Ахенскаго конгресса: апоплексическій ударъ пресѣкъ дни полководца Императрицы Елизаветы 21 Іюля, 1748 года, въ лагерѣ при Кулмбахѣ.

54. Ахенскій конгрессъ открылся въ Апрѣлѣ 1748 года. Главные посланники на немъ были—отъ Великобританіи Графъ Сандвичь, отъ Франціи Графъ Суверэнь и Ла Портъ дю Тель, отъ Австріи Графъ Кауницъ Фон-Ритбергъ, отъ Голландіи Фан-Беттингъ и Фан-Вассенаръ, отъ Испаніи Донъ Оссоріо.

Прилиминаріи подписаны были Франціею и Мореходными Державами 30 Апрѣля; Австрія приняла ихъ 25 Маія; но когда Русскія войска удалились, то переговоры продлились до Октября мѣсяца. Наконецъ былъ заключенъ и дефинитивный миръ подписанный въ Ахенѣ 18 Октября 1748 года. Главныя условія этого мира заключались въ томъ, что 1) Франція и Англія возвращаютъ съ обѣихъ сторонъ сдѣланныя ими завоеванія, 2) Парма, Піаченца и Гвастала уступлены въ пользу Дона Филиппа (сына Испанской Королевы Елизаветы) и его мужскаго потомства. 3) Сардинія получила часть Медіоланскихъ земель, коими она завладѣла еще въ 1743 году. 4) Англія обезпечена на счетъ наслѣдства престола и Германскихъ земель за домомъ Ганноверскимъ. 5) Всѣ

49. Вспомогательный трактатъ между Англіею и Австріею заключенъ былъ Января 1742. Британская армія соединилась съ Австрійскою въ Нидерландахъ.

50. Бреславскій миръ между Австріею и Пруссіею заключенъ былъ 11 Іюня и утвержденъ въ Берлинѣ 28 числа тогоже мѣсяца 1742 года. По этому миру Марія Терезія уступила навсегда Фридриху II Верхнюю и Нижнюю Силезію съ Графствомъ Глацъ. За Австріею осталось только нѣсколько округовъ Восточной Силезіи. Едва только Фридрихъ II заключилъ Бреславскій миръ, и союзъ противъ Австріи уничтожился. Примѣру Пруссіи Саксонія первая послѣдовала.

51. Франція и Англія участвовали въ войнѣ за Австрійское наслѣдство единственно въ видѣ державъ вспомогательныхъ; но по заключеніи Бреславскаго мира Англо-Германская армія одержала блистательную побѣду при Деттингенѣ и оттѣснила Французовъ за Рейнъ. Послѣ этого Франція рѣшилась дѣйствовать уже собственно отъ себя, а Англія напротивъ того желала прекращенія войны, и не видя миролюбивыхъ расположеній со стороны Франціи, разбила ея флотъ, (соединившійся съ Испанскимъ) при Тулонѣ. Это событіе послужило Франціи поводомъ заключить союзъ съ Испаніею и объявить отъ лица своего войну Англія (15 Марта) и Австріи (25 Октября) въ 1743 году.

52. Франція и ея союзники способствовали сыну Претендента, Карлу Эударду сдѣлать высадку въ Шотландіи. Покушеніе Принца Эдуарда казалось обѣщало успѣхъ; но Колуденское сраженіе, выигранное Герцогомъ Кумберландскимъ, сокрушило всѣ надежды Стюартовъ.

53. Тридцатисеми тысячный корпусъ Русскихъ войскъ, высланный Императрицею Елизаветою Петровною на помощь Австріи, находился подъ начальствомъ Князя Василія Аникитича Репнина. Русскія войска не вступали ни въ одно сраженіе, но между тѣмъ способствовали скорѣйшему заключенію Ахенскаго мира. Князь Василій Аникитичъ не дождался окончанія Ахенскаго конгресса: апоплексическій ударъ пресѣкъ дни полководца Императрицы Елизаветы 21 Іюля, 1748 года, въ лагерѣ при Кулмбахѣ.

54. Ахенскій конгрессъ открылся въ Апрѣлѣ 1748 года. Главные посланники на немъ были—отъ Великобританіи Графъ Сандвичъ, отъ Франціи Графъ Суверэнь и Ла Портъ дю Тель, отъ Австріи Графъ Кауницъ Фон-Ритбергъ, отъ Голландіи Фан-Беттингъ и Фан-Вассенаръ, отъ Испаніи Донъ Оссоріо.

Прилиминаріи подписаны были Франціею и Мореходными Державами 30 Апрѣля; Австрія приняла ихъ 25 Маія; но когда Русскія войска удалились, то переговоры продлились до Октября мѣсяца. Наконецъ былъ заключенъ и дефинитивный миръ подписанный въ Ахенѣ 18 Октября 1748 года. Главныя условія этого мира заключались въ томъ, что 1) Франція и Англія возвращаютъ съ обѣихъ сторонъ сдѣланныя ими завоеванія, 2) Парма, Піаченца и Гвастала уступлены въ пользу Дона Филиппа (сына Испанской Королевы Елизаветы) и его мужскаго потомства. 3) Сардинія получила часть Медіоланскихъ земель, коими она завладѣла еще въ 1743 году. 4) Англія обезпечена на счетъ наслѣдства престола и Германскихъ земель за домомъ Ганноверскимъ. 5) Всѣ

Фальшивая тревога привела въ движеніе Прусское войско: оно выступило изъ лѣса, приготовилось къ бою; но Левальдъ счелъ нужнымъ отложить сраженіе до другаго дня и занялъ прежній лагерь. Тогда Фельдмаршалъ Апраксинъ перемѣнилъ положеніе ввѣренной ему арміи, чѣмъ совершенно уничтожилъ планъ своего противника, рѣшившагося напасть на лѣвое крыло наше: 19 Августа Пруссаки открыли сраженіе, когда Русскіе не успѣли еще выстроиться. Побѣда долго колебалась; среди битвы вторая Прусская линія стрѣляла по своей первой, не могши разпознать сего по причинѣ дымившихся двухъ деревень, Русскими зажженныхъ. Тщетно непріятель старался прорваться въ ряды наши, надѣясь обхватить крылья: вторая линія, предводимая Румянцовымъ, встрѣтила Пруссаковъ съ примкнутыми штыками въ лѣсу, на лѣвомъ флангѣ и обратила ихъ въ бѣгство. *Сіе рѣшило побѣду*—по словамъ Апраксина. Потеря непріятеля убитыми, ранеными и въ плѣнъ доставшимися простиралась до десяти тысясь человѣкъ; нашихъ убито восемь сотъ шестьдесятъ два человѣка. Двадцать девять орудій увеличили трофеи Русскаго полководца. Ожидали, что Апраксинъ покоритъ все Королевство, и вмѣсто того, онъ переправился обратно за Прегель (27 Августа) съ неимовѣрною поспѣшностью, съ такимъ безпоярдкомъ, какъ бы потерпѣлъ совершенное пораженіе. Различнымъ образомъ объясняютъ сей неожиданный переворотъ: Фельдмаршалъ сложилъ вину на недостатокъ въ продовольствіи; иные писатели говорятъ, что Канцлеръ Графъ Бестужевъ-Рюминъ приказалъ ему отступить въ угодность Великому Князю Петру Ѳеодоровичу;

но повѣствованіе Бишинга основательнѣе. Бестужевъ, ненавидимый Великимъ Княземъ, отважился содѣйствовать къ возведенію на престолъ сына его, Цесаревича Павла Петровича, подъ опекунствомъ Екатерины. Тяжкая болѣзнь Императрицы представила ему случай исполнить отважное намѣреніе: полагая, что Елизавета находится на смертномъ одрѣ, онъ отозвалъ своего друга, Фельдмаршала Апраксина, къ предѣламъ Россіи, чтобы имѣть въ своемъ разпоряженіи армію его. Императрица освободилась отъ болѣзни, удалила Канцлера въ деревню, гдѣ онъ оставался и въ государствованіе Императора Петра III. Исполнитель воли перваго Министра, лишившійся плодовъ своей побѣды, былъ также потребованъ къ отвѣту; три года томился подъ судомъ и скончался внезапно 26 Августа, 1760 года. Современники увѣряютъ, будто бы дочь Степана Ѳедоровича Апраксина, Княгиня Елена Степановна Куракина, избавила отца своего отъ тяжкаго наказанія, посредствомъ Графа Петра Ивановича Шувалова. Она скончалась въ 1768 году, на 34 отъ рожденія. *Заимствовано изъ Словаря достопамятныхъ людей, составл. Г. Бантышъ-Каменскимъ. Москва 1836 года. Ч. I. стр. 60—62.*

58. Послѣ Фельдмаршала Апраксина, главное начальство надъ Русскою арміею, дѣйствовавшею противъ Пруссіи, ввѣрено было Генералъ-Аншефу Графу Вилиму Вилимовичу Фермору, ученику Миниха въ военномъ искуствѣ. Ему приказано было вторгнуться въ Пруссію и возобновить наступательныя дѣйствія. Прусская армія послѣ неожиданнаго отступленія Фельдмаршала Апраксина, обращена была противъ

Шведовъ, а потому Ферморъ, не имѣя предъ собою препятствій, овладѣлъ въ концѣ Января 1758 года Кенигсбергомъ и почти всѣмъ Прусскимъ Королевствомъ. Русскіе взяли Эльбингъ и Торнъ, два военные города, находившіеся подъ покровительствомъ Польши. Ферморъ хотѣлъ покорить и Данцигъ, но жители его, равно какъ и Поляки, упорно защищали этотъ городъ. По плану, начертанному Вѣнскимъ Дворомъ, положено было перенести театръ войны въ Силезію, а потому Ферморъ рѣшился овладѣть обоими берегами Варты, чтобы удобнѣе пройти чрезъ Новую Мархію къ Одеру; онъ завладѣлъ и Познанью. Успѣхи Русскаго оружія понудили Фридриха поспѣшить на оборону своего Государства. Соединившись съ корпусомъ Графа Доны, онъ составилъ сорока тысячную армію, и переправясь чрезъ Одеръ, явился у Дармицеля, чтобы съ тыла напасть на Русскихъ, находившихся подъ Кистриномъ. Между Дармицелемъ и Цорндорфомъ Король сталъ въ боевой порядокъ и приготовился къ рѣшительному сраженію. Намѣреваясь не только разбить Русскихъ, но и совершенно ихъ истребить, онъ отдалъ приказъ не дѣлать имъ пощады. Сраженіе началось 14 Августа. Число Русскихъ простиралось до 60,000 человѣкъ (дивизія Генералъ-Поручика Графа Румянцова не могла соединиться съ главною арміею). Передовое Прусское войско подъ начальствомъ Мантейфеля начало атаку, но не бывъ подкрѣплено лѣвымъ крыломъ, подвинулось слишкомъ впередъ и обнаружило Русскимъ свой лѣвый флангъ, не имѣвшій никакой подпоры. Генералъ Ферморъ замѣтивъ эту ошибку, выслалъ конницу, которая такъ быстро ударила на Пруссаковъ, что

они принуждены были отступать до самаго Цорндорфа. Въ полдень съ обѣихъ сторонъ послѣдавалъ отдыхъ; но вскорѣ сраженіе загорѣлось опять. Ферморъ увидя, что Прусскія батареи, устроенныя предъ обоими крылами непріятельской арміи, были слишкомъ далеко поставлены отъ первой линіи, и были подкрѣпляемы однимъ баталіономъ, послалъ противъ онаго конницу, которая съ чрезвычайною быстротою окружила его, частію изрубила, а остальныхъ взяла въ плѣнъ и овладѣла орудіями. Ободренная первымъ успѣхомъ, конница Русская бросилась на правое крыло, но пушечный огонь Пруссаковъ принудилъ ее отступить. Однако въ тоже время другой отрядъ Русской конницы напалъ на батарею лѣваго крыла и съ такою быстротою, что повсемѣстный ужасъ разпространился между Пруссаками. Ни просьбы, ни угрозы Офицеровъ не могли удержать ихъ въ порядкѣ и они оставили мѣсто сраженія. Однако Прусскій Генералъ Зейдлицъ успѣлъ поправить разстройство Прусской арміи и съ ожесточеніемъ напалъ на Русскихъ: обѣ противныя арміи были утомлены и оттого пришли въ безпорядокъ; но Пруссаки, пріученные къ быстрымъ оборотамъ, скоро вступили въ линіи, и не смотря на упорное сопротивленіе Русскихъ, опрокинули ихъ. Наши отступая, бросились къ р. Мицелю; но мосты на этой рѣкѣ были заранѣе истреблены, по приказанію Фридриха, чтобы отрѣзать отступленіе Русскимъ; однакоже сіе средство, употребленное Королемъ для истребленія Русской арміи, спасло ее. Русскіе, не найдя мостовъ на Мицелѣ, увидѣли, что имъ остается или защищать себя до послѣдней крайности или погибнуть въ рѣкѣ. Избрано было первое — и Русскіе явили на

Цорндорфскихъ поляхъ чудеса храбрости. Ферморъ былъ раненъ. »Цорндорфское сраженіе, говоритъ Рецовъ, въ своихъ новыхъ историческихъ запискахъ о Семилѣтней войнѣ, было изъ всѣхъ самое кровопролитнѣйшее, Король потерялъ лучшій цвѣтъ своей пѣхоты. Отличное мужество прекрасныхъ Прусскихъ войскъ, искуснѣйшіе маневры ихъ не могли восторжествовать надъ Русскими, которые твердою грудью защищали поле битвы, сопротивлялись на всѣхъ пунктахъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ предпочитали смерть постыдному бѣгству. Послѣ сего сраженія Фридрихъ произнесъ съ удивленіемъ: *Легче сихъ людей побить, нежели побѣдить.*«

59. По окончаніи Цорндорфской битвы Генералъ Ферморъ отступилъ къ Польскимъ границамъ, на зимнія квартиры. Тамъ онъ просилъ Императрицу объ увольненіи его отъ главнаго начальства. Вслѣдствіе этого прошенія преемникомъ Фермору назначенъ былъ Генералъ-Аншефъ Графъ Петръ Семеновичь Салтыковъ, прибывшій къ ввѣренной ему арміи 18 Іюня 1759. Графъ Салтыковъ повелъ войска отъ береговъ Варты чрезъ Тарновъ, Пневъ, Львовскъ, Заморжи, Суморжи, Бобровку, Збонтинъ, Бабимостъ и Голценъ, къ берегамъ Одера, гдѣ Русскіе должны были соединиться съ Австрійцами. Непріятель всегда находился въ сторонѣ и Русскіе вездѣ его предупреждали; но руководствуясь осторожностію, Графъ Салтыковъ избѣгалъ сраженія, желая усилить армію свою союзниками. Однако Прусскій Генералъ Ведель напалъ на Русскихъ отдѣльными бригадами при деревнѣ Пальцигѣ (12 Іюля) и сначала привелъ ихъ въ разстройство; но былъ опрокинутъ нашею артил-

лерію. Графъ Салтыковъ составилъ между тѣмъ большую линію и обойдя непріятельскія бригады, разбилъ ихъ по одиначкѣ. Руские не преслѣдовали непріятеля, обращеннаго въ бѣгство.

Во Франкфуртѣ на Одерѣ Графъ Салтыковъ соединился съ вспомогательнымъ Австрійскимъ корпусомъ, коимъ предводительствовалъ Генералъ-Поручикъ Баронъ Лаудонъ. Войска сіи состояли изъ 18,000 человѣкъ. Вскоръ Фридрихъ Великій двинулся къ Кунерсдорфу тремя колоннами, намѣреваясь съ тыла напасть на Салтыкова. Армія Короля состояла съ небольшимъ изъ 50,000 человѣкъ; Рускихъ и Австрійцевъ было 70,000 ч. Хотя Король имѣлъ твердое намѣреніе отмстить за Пальцигское сраженіе, но зналъ, что мщеніе это будетъ дорого стоить: Цорндорфская битва доказала ему, до какой степени можетъ простираться мужество и храбрость Рускихъ. Волнуемый горестными предчувствіями, Фридрихъ, отправляясь противъ Руской арміи, сдѣлалъ духовное завѣщаніе, назначилъ Принца Генриха опекуномъ малолѣтнаго Наслѣдника Прусскаго Престола и Правителемъ Государства. Въ этомъ завѣщаніи, онъ между прочимъ писалъ: »въ случаѣ кончины моей или плѣна, непремѣнно требую и приказываю, чтобы обстоятельство сіе не преклонило Принца къ заключенію мира, постыднаго для Бранденбургскаго дома.«

Графъ Салтыковъ съ Барономъ Лаудономъ сдѣлали нужныя распоряженія къ битвѣ. Русская армія была расположена между Франкфуртомъ и деревнею Кунерсдорфомъ. Правымъ крыломъ начальствовалъ Графъ Ферморъ; лѣвымъ Генералъ-Поручикъ Князь Александръ Михайловичь Голицынъ, бывшій потомъ Фельдмар-

шаломъ; центромъ Графъ П. А. Румянцовъ (впослѣдствіи Задунайскій), а передовымъ войскомъ Генералъ-Поручикъ Вильбоа. 1-го Августа Фридрихъ открылъ сильный перекрестный огонь изъ своихъ батарей на высоту, гдѣ расположенъ былъ лѣвый флангъ, предводимый Княземъ Голицынымъ; не взирая на выстрѣлы изъ ста орудій, Пруссаки пошли въ атаку, вытѣснили Рускихъ изъ окоповъ, отняли у нихъ семдесять пушекъ, обратили въ бѣгство лѣвое крыло. Тогда Графъ Салтыковъ приказалъ Генералъ-Поручику Петру Ивановичу Панину подкрѣпить ослабѣвавшихъ: это приказаніе было исполнено съ удивительною быстротой, искуствомъ и отличною храбростью. Король сообразно этому распоряженію и самъ сдѣлалъ перемѣну въ нападеніи; онъ придвинулъ правое крыло на Мюлбергъ и приказалъ ему идти на непріятеля. Между тѣмъ Румянцевъ и Баронъ Лаудонъ, предводительствуя союзною кавалерій, опрокинули Прусскую. Тщетно покушался Фридрихъ провести одну свою колонну позади второй нашей линіи: Генералъ-Маіоръ Бергъ, встрѣтивъ оную, совершенно разбилъ и разсѣялъ, при пособіи соединенной артиллеріи. Тогда Генералъ-Поручики Вильбоа и Князь В. М. Долгорукій (впослѣдствіи Крымскій) ударили на Пруссаковъ во флангъ, обратили въ бѣгство, стремительно гнали, отняли обратно свои орудія и взяли еще болѣе ста Прусскихъ. Фридрихъ, подвергая ежеминутно жизнь опасности, употреблялъ всѣ усилія, чтобы остановить нѣкоторые изъ своихъ батальоновъ; но утомленное войско его было объято такимъ страхомъ, что не внимало болѣе его повелѣніямъ. Видя себя оставленнымъ своими воинами, въ сопровожденіи только

нѣсколькихъ адъютантовъ, онъ все оставался на полѣ сраженія и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ огонь Русской артиллеріи наиболѣе причинялъ вреда. Тщетно окружавшіе просили его подумать о своей безопасности; но, казалось, онъ не хотѣлъ пережить своего несчастія, и въ отчаяніи воскликнулъ: *ужели ни одно непріятельское ядро не поразитъ меня?* Подъ нимъ были убиты двѣ лошади, мундиръ прострѣленъ пулею и наконецъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ Рускими: адъютанты схватили его лошадь за поводья и увели съ поля сраженія. Прусская армія, на голову разбитая, бѣжала къ Одеру. Вначалѣ Кунерсдорфскаго сраженія Фридрихъ послалъ было въ Берлинъ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ Рускими; но къ концу битвы, считая себя безвозвратно погибшимъ, писалъ къ Государственному Министру Графу Финкенштейну: *все потеряно; спасайте Дворъ и Архивы!*

Послѣ Кунерсдорфскаго сраженія Графъ Салтыковъ оставался въ лагерѣ при Лоссовѣ, лежащемъ на одну милю отъ Франкфурта, и ожидалъ чтобы Графъ Даунъ, находившійся въ Лузаціи, содѣйствовалъ ему въ общемъ дѣлѣ; но Вѣнскій кабинетъ щадилъ свою армію и убѣждалъ Русскаго полководца простирать далѣе завоеванія, угрожая, что онъ будетъ смѣненъ и другой пожнетъ плоды трудовъ его. Салтыковъ отвѣчалъ »если Графъ Даунъ не станетъ дѣйствовать наступательно, то Русская армія непремѣнно пойдетъ обратно въ Познань.« Между обоими военачальниками возникло несогласіе; недостатокъ въ продовольствіи заставилъ Графа Салтыкова переправиться обратно за Одеръ. Онъ готовился уже расположить войска свои на зимнихъ квартирахъ; но полу-

чивъ приказаніе отъ Двора, двинулся къ Генштадту, обратилъ въ пепелъ этотъ городъ, и узнавъ, что Даунъ намѣревается итти въ Богемію, выступилъ немедленно въ Польшу. 19 Февраля 1760 Графъ Салтыковъ, пожалованный за Кунерсдорфское дѣло въ Фельдмаршалы, прибылъ въ Санктпетербургъ и былъ милостиво принятъ Императрицею. Чрезъ три мѣсяца онъ возвратился къ ввѣренной ему арміи, осаждалъ Бреславль, и вскорѣ потомъ опасно занемогъ. Между тѣмъ Русская армія, предводимая Графомъ Ферморомъ, которому Салтыковъ сдалъ начальство, продолжала слѣдовать вдоль Одера до Франкфурта. 9 Октября 1760 года Рускіе взяли Берлинъ.

Послѣ Графа Салтыкова главное начальство надъ Русскою арміею, дѣйствовавшею противъ Пруссаковъ поручено было Графу Александру Борисовичу Бутурлину. »Когда откланивался онъ Государынѣ, пишетъ Г. Порошинъ, то Великій Князь Павелъ Петровичь, которому минуло въ тотъ день шесть лѣтъ, сказалъ предстоявшимъ »*Петръ Семеновичь* (Салтыковъ) *поѣхалъ миръ дѣлать и мира не сдѣлалъ; а этотъ теперь, конечно, ни мира, ни войны не сдѣлаетъ!*« Въ самомъ дѣлѣ Графъ Александръ Борисовичь, отличаясь дѣятельностію и усердіемъ къ службѣ, занималъ почетное мѣсто болѣе между царедворцами и градодержателями, нежели полководцами. Онъ не прославилъ оружія своего на ратномъ полѣ и предсказаніе Великаго Князя сбылось. Время проведенное Графомъ Бутурлинымъ при арміи прошло единственно въ размолвкахъ или совѣщаніяхъ съ Барономъ Лаудономъ, о планѣ предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Въ Помераніи Русское оружіе было дѣятельнѣе: для завоє-

ванія Колберга былъ отряженъ 10,000 корпусъ подъ начальствомъ Графа Румянцова, изготовлялась эскадра изъ Русскихъ и Шведскихъ судовъ, и Колбергъ сдался Рускимъ на капитуляцію 4 Декабря 1761 года. 25 Дек. 1761 года. Императрица Елизавета скончалась, а наслѣдникъ ея, Императоръ Петръ III, заключилъ миръ съ Королемъ Прусскимъ, имъ уважаемымъ. См. *Новыя Истор. записки о Семилѣтней войнѣ, Г. Рецова* и Histoire de la guerre de sept ans, *въ* Oeuvres posthumes de Frédéric II. — *Также* Hist. de la guerre de 7 ans, par Tempelhoff.

60. Въ Сѣверной Америкѣ продолжались въ началѣ Семилѣтней войны только прежніе набѣги и грабежи; но вскорѣ формальное нападеніе Англичанъ на Канаду лишило Французовъ этой страны. Важнѣйшія владѣнія послѣднихъ въ Америкѣ и Африкѣ тоже стали добычею Британцевъ, кои завоевали и Пондишери; въ Іюнѣ 1758 года завоеванъ былъ Капъ Бретонъ; а съ 1759, послѣ знаменитой побѣды подъ Квебекомъ, и вся Канада. 20 Нолбря того же года былъ разбитъ Французскій флотъ у Бреста. Въ Вестъ Индіи Англичане завоевали острова Гваделупу, Мартинику, Гренаду, С. Люціи и С. Винцентъ. На Африканскихъ берегахъ Сенегалъ и Горею.

61. Слова Фридриха Великаго. См. его Oeuvres posthumes, томъ 3-й.

62. Первоначально заключено было перемиріе, а потомъ и самый миръ. Двадцатитысячный корпусъ Русской арміи подъ начальствомъ Графа З. Г. Чернышева присоединился къ Прусской, для дѣйствованія противъ Австрійцевъ.

63. Фамильный договоръ былъ втайнѣ подписанъ сначала Франціею и Испаніею въ надеждѣ на присту-

пленіе къ нимъ Короля Неаполитанскаго и Герцога Пармскаго. Условія онаго состояли во взаимной гарантіи ихъ владѣній и въ заключеніи союза оборонительнаго и наступательнаго. Однако этотъ договоръ съ трудомъ могъ остановить среди побѣдъ и завоеваній такую державу, какова была тогда Англія: Испанія ей дорого поплатилась.

64. Прилиминаріи этого мира были подписаны уполномоченными со стороны Англіи, Франціи и Испаніи въ Фонтенебло, 3 Ноября 1762 года, а дифинитивный миръ заключенъ въ Парижѣ 10 Февраля 1763 года. По этому миру *Франція* отказалась отъ требованій на Новую Шотландію и уступила Англіи всю Канаду, вмѣстѣ съ Капъ Бретономъ, Гренаду, Сенегалъ и Минорку. Англія обѣщалась содѣйствовать нейтралитету въ войнѣ Австріи съ Пруссіею. За Франціею остались С. Винцентъ, Доминико, Табаго, Горея, Пондишери и всѣ владѣнія, кои состояли за нею до 1749 года. Испанія уступила Англіи Флориду.

65. Губертсбургскій миръ заключенъ былъ Пруссіею (15 Февраля 1763) а) *съ Австріею:* обѣ стороны отказались взаимно отъ требованій своихъ на владѣнія другой (см. примѣч. 51); Бреславскій и Дрезденскій миры, по коимъ Пруссіи уступлены были Верхняя и Нижняя Саксонія съ Графствомъ Глацъ, подтверждены во всей силѣ. Пруссія обѣщалась содѣйствовать Австріи въ требованіяхъ ея на Любекъ. б) Съ *Саксоніею* возстановлены прежнія отношенія.

66. Знаменитый Княжескій союзъ (Fürstenbund) заключенъ былъ сначала для взаимной поддержки Германской конституціи только между Королемъ Прусскимъ и Курфирстами Саксонскимъ и Виртемберг-

скимъ. Вскорѣ присоединились къ нимъ Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, потомъ боковыя линіи Княжескихъ домовъ Мекленбургская, Гессенъ-Кассельская и Лихтенбергская; а наконецъ приняла участіе въ семъ союзѣ и Англія. См. Darstellung des Fürstenbundes, von Müller, и Heeren's historische Werke, томы 1 и 2, 1805.

67. »Императоръ Петръ I-й постановленіемъ, коимъ предоставилъ себѣ и послѣдующимъ за нимъ Россійскимъ Монархомъ избирать преемниковъ по личнымъ ихъ способностямъ къ управленію Государствомъ, уничтожилъ порядокъ наслѣдованія престола, издревле въ Россіи существовавшій; но къ большему удивленію не назначилъ себѣ преемника. Среди нерѣшимости, въ коей находился онъ предъ столь важнымъ избраніемъ, смерть постигла его ранѣе, нежели онъ могъ ожидать. Голстинскій Министръ Графъ Бассевичъ и Князь Меншиковъ рѣшились возвести на Престолъ супругу его Екатерину I. На ихъ сторонѣ были Герцогъ Голстинскій, Графъ Толстой, всѣ иностранные Генералы и Офицеры, находившіеся въ Русской службѣ, Сvнодъ, Гвардія и Флотъ. Другіе, какъ то—Голицыны, Трубецкіе, Долгоруковы, Куракины, Репнинъ, Апраксины, Лопухины, Головкины, Нарышкины, Салтыковы и ихъ приверженцы желали воцаренія Великаго Князя Петра Алексѣевича. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ Вельможъ хотѣли ввести Шведскій образъ правленія, то есть, чтобы Монархическая власть была ограничена властію Государственныхъ Чиновъ и Сената; другіе изъ нихъ хотѣли возстановить старые обычаи, уничтоженные Преобразователемъ Россіи. Нѣкоторые иностранные писатели (Веберъ, Гордонъ и др.) утверждаютъ, что

Петръ Великій не задолго до своей кончины назначилъ себѣ преемницею свою Супругу; но еслибы это было справедливо, о томъ было бы упомянуто въ Манифестѣ, изданномъ по случаю его кончины, и въ которомъ принято за главное основаніе, что Екатерина въ 1724 году въ награду мужественныхъ подвиговъ, совершенныхъ ею для пользы Россіи, была коронована своимъ Супругомъ.« См. *Вейдемейера*, обзоръ главныхъ произшествій въ Россіи съ кончины Петра I. Часть I-я.

68. »Вотъ содержаніе этого достопамятнаго актa, состоящаго изъ 16 статей.

1-е. Хотя по материнской Нашей любви, дочери Наши, Герцогиня Голстинская Анна Петровна и Цесаревна Елизавета Петровна могли бы быть преимущественно назначены Нашими преемницами; но принимая въ уваженіе, что лицу мужескаго пола удобнѣе перенесть тягость управленія столь обширнымъ Государствомъ, Мы назначаемъ Себѣ преемникомъ Великаго Князя Петра Алексѣевича.

2-е. Царствовать ему съ такою же властію, какая Намъ присвоена.

3-е. Ежели кончина постигнетъ Насъ во время его несовершеннолѣтія, то хотя онъ и преемникъ Нашъ, но самъ собою безъ опеки начнетъ управлять, когда минетъ ему 16 лѣтъ.

4 е. Назначаемъ ему опекунами и Правителями Имперіи: дочерей Нашихъ Анну Петровну и Елизавету Петровну, зятя Нашего Герцога Голстинскаго Карла Фридриха, Принца Голстинскаго, Епископа Любскаго и Членовъ Верховнаго Совѣта, коихъ должно быть всегда числомъ 9.

5-е. Всѣ важнѣйшія Государственныя дѣла должны рѣшаться въ Верховномъ Совѣтѣ, который однако же не можетъ перемѣнить порядка наслѣдованія Престола, изложеннаго въ первой статьѣ сего завѣщанія.

6-е. Въ Верховномъ Совѣтѣ всѣ дѣла должны рѣшаться по большинству голосовъ.

7-е. Великій Князь можетъ присутствовать въ Верховномъ Совѣтѣ и во время своего малолѣтства, для пріобрѣтенія опыта въ дѣлахъ; но не долженъ уничтожать постановленій, которыя будутъ сдѣланы Опекою.

8-е. Ежели Великій Князь скончается безъ наслѣдниковъ, то послѣ него вступаетъ на Престолъ Герцогиня Голстинская Анна Петровна, потомъ Цесаревна Елисавета Петровна, и наконецъ Великая Княжна Наталія Алексѣевна съ ихъ потомствами, такъ однако, чтобы мужеское колѣно имѣло преимущество предъ женскимъ; если же не останется никого изъ потомковъ Фамиліи Нашей, то наслѣдовать Престолъ долженъ ближайшій и старѣйшій родственникъ нынѣ Царствующей въ Россіи Фамиліи, мужескаго пола, но ни одна изъ Царствующихъ уже гдѣ либо особъ, или неисповѣдующихъ Грекороссійскій законъ, не можетъ быть на Престолѣ Россійскомъ.

9-е. Такъ какъ обѣ Наши дочери уступаютъ свое право на Престолъ Великому Князю, то должно выдать каждой изъ нихъ, кромѣ приданаго, состоящаго изъ трехъ сотъ тысячь рублей, по милліону рублей, которые выплатить, если не вдругъ, то въ продолженіи малолѣтства Великаго Князя. Деньги сіи, равно какъ и приданое, ни подъ какимъ предлогомъ, ни отъ нихъ, ни отъ ихъ супруговъ или дѣтей не требовать; также

послѣ Нашей кончины обѣ дочери Наши наслѣдуютъ бриллiантовыми вещами, золотомъ, серебромъ, мебелями, экипажами, лично Намъ принадлежащими. Что касается до деревень, Нашу собственность составляющихъ, то онѣ должны быть раздѣлены между ближайшими Нашими родственниками.

10-е. Во время пребыванiя обѣихъ Нашихъ дочерей въ Россiи, кромѣ назначенныхъ имъ въ предъидущей 9-й статьѣ денегъ, выдавать имъ ежегодно по сту тысячь рублей.

11-е. Дочь Наша Цесаревна Елисавета Петровна имѣетъ сочетаться бракомъ съ Голстинскимъ Герцогомъ и Епископомъ Любскимъ, на что Мы даемъ наше материнское благословенiе.

12-е. За отличныя услуги, оказанныя покойному Супругу Нашему и Намъ самимъ, Княземъ Меншиковымъ, Мы не можемъ явить большаго доказательства Нашей къ нему милости, какъ возводя на Престолъ Россiйскiй одну изъ его дочерей, и потому приказываемъ какъ дочерямъ Нашимъ, такъ и главнѣйшимъ Нашимъ вельможамъ, содѣйствовать къ обрученiю Великаго Князя съ одною изъ дочерей Князя Меншикова, и коль скоро достигнутъ они совершеннолѣтiя, къ сочетанiю ихъ бракомъ.

13-е. Приказываемъ Великому Князю выполнить всѣ обязательства, принятыя покойнымъ Нашимъ Супругомъ съ Герцогомъ Голстинскимъ и въ пользу его заключенные Нами союзы съ другими Державами, касательно возвращенiя ему Шлезвига и наслѣдiя Шведскаго Престола. Все то, чѣмъ пользовался Герцогъ Голстинскiй, ни подъ какимъ предлогомъ отъ него назадъ не требовать и въ счетъ не ставить.

14-е. Желаемъ, чтобы всегда было согласіе въ Фамиліи Нашей, и надѣемся, что Великій Князь употребитъ на то все стараніе свое; что онъ будетъ искать ручательства Римскаго Императора въ исполненіи сего завѣщанія, останется съ нимъ въ самомъ дружественномъ сношеніи и постоянно пребудетъ вѣрнымъ заключенному съ нимъ союзу. Въ противномъ же случаѣ лишаемъ его Нашего благословенія.

15-е. Пока въ Голстинскомъ домѣ будетъ оставаться которая либо изъ Нашихъ Великихъ Княженъ, или отъ нихъ наслѣдники, быть съ ними въ тѣсной дружбѣ и всѣми силами защищать ихъ права.

16-е. Ежели Наши дочери съ ихъ супругами захотятъ выѣхать изъ Россіи въ свои владѣнія, то при отъѣздѣ оказать имъ всѣ соотвѣтствующія сану ихъ почести, относя издержки на счетъ казны; также купить домъ въ С. Петербургѣ для всегдашняго жительства Голстинскаго Посла, и освободивъ оный отъ всякихъ податей, отдать Герцогу.

Заимствовано изъ соч. Г. Вейдемейера, Обзоръ главн. произшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго. Ч. I. стр. 45—49.

69. Членами Верховнаго Совѣта были тогда: а) первенствующимъ — Графъ Гавріилъ Ивановичь Головкинъ, Великій Канцлеръ (съ 16 Іюля 1709), знаменитый Вельможа при Петрѣ Великомъ, пользовавшійся его особенною довѣренностію. б) Князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ (старшій сынъ Боярина Князя Михайлы Андреевича и родной братъ славнаго полководца временъ Петра Великаво) Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ. в) Князь Михайла Михайловичь Голицынъ, братъ предыдущаго, знаменитый пол-

ководецъ Петра Великаго и пожалованный Екатериною I ю Генералъ-Фельдмаршаломъ. г) Князья, Василій Лукичь, Василій Владимировичь, Михайла Владимировичь и Алексѣй Григорьевичь Долгоруковы и д) Баронъ Андрей Ивановичь Остерманъ.

Вторымъ Членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ Графъ Өедоръ Матвѣевичь Апраксинъ,-Генералъ Адмиралъ; но по кончинѣ его, послѣдовавшей въ 1728 году, мѣсто его оставалось незамѣщеннымъ.

70. Избрать на Императорскій Всероссійскій Престолъ Анну Іоанновну первый предложилъ Князь Василій Лукичь Долгорукій, доказывая: »что Престолъ принадлежитъ ей, какъ дщери старшаго брата Петра Великаго; что сестра ея, Герцогиня Мекленбургская имѣетъ супруга, между тѣмъ какъ Герцогиня Курляндская вдовствуетъ, слѣдовательно иностранный Принцъ не будетъ участвовать съ нею въ управленіи Государствомъ.« Когда это предложеніе было принято единодушно, то Князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ, въ свою очередь замѣтилъ »что надобно постановить условія, которымъ Обладатели Государства Россійскаго должны впредь руководствоваться при вступленіи на Престолъ.«

Условія, составленныя для предложенія Аннѣ Іоанновнѣ, были слѣдующія:

1) Чтобы она управляла Государствомъ по опредѣленіямъ Верховнаго Совѣта.

2) Чтобы сама собою не объявляла войны и не заключала мира.

3) Чтобы не налагала новыхъ податей и не раздавала бы важнѣйшихъ Государственныхъ должностей.

4) Чтобы не наказывала никого изъ Дворянъ безъ яснаго уличенія въ преступленіи.

5) Чтобы ни у кого не отписывала пѣніи въ казну.

6) Чтобы не располагала и не жаловала Государственными имѣніями.

7) Чтобы не вступала въ супружество и не избирала себѣ Преемника безъ согласія Верховнаго Совѣта.

71. Для возвѣщенія Аннѣ Іоанновнѣ объ избраніи ея на Всероссійскій Престолъ и для предложенія ей условій составленныхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, были посланы къ ней Князья Василій Лукичь Долгорукій, Михайла Михайловичь Голицынъ и Генералъ-Маіоръ Михайла Ивановичь Леонтьевъ. Прежде нежели Депутаты отправились, Верховный Совѣтъ запретилъ подъ смертною казнію, увѣдомлять Императрицу о происходившихъ совѣщаніяхъ. Хотѣли, чтобы она узнала о своемъ избраніи и объ условіяхъ онаго отъ однихъ только Депутатовъ, которые, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, отправились въ путь съ такою скоростію, что, »на разставленныхъ подводахъ казалось, летѣли, нежели ѣхали.« Однако между первѣйшими сановниками нѣкоторые не одобрили дерзкаго предпріятія своихъ сочленовъ и Анна Іоанновна узнала о совѣщаніяхъ Верховнаго Совѣта, когда Депутаты находились еще въ дорогѣ: Графъ Ягушинскій отправилъ ночью въ Митаву своего Адъютанта Сумарокова съ письмомъ о всемъ произходившемъ и о томъ, что все можетъ окончиться вопреки желаній Членовъ Верховнаго Совѣта. Трудно было выѣхать Сумарокову изъ столицы, потому что на всѣхъ дорогахъ была поставлена стража. Одно только переодѣванье помогло ему. Члены Верховнаго Совѣта успѣли также рас-

порядиться, чтобы и въ Курляндію никто не былъ впущенъ изъ Россіи прежде Депутатовъ. Однако послѣ большихъ объѣздовъ Сумароковъ успѣлъ проникнуть и въ Митаву.

Между тѣмъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, бывшій тогда Камергеромъ при Россійскомъ Дворѣ, тоже отправилъ нарочнаго для увѣдомленія Анны Іоанновны о совѣщаніяхъ Верховнаго Совѣта; но посланный имъ долженъ былъ доставить письмо брату Левенвольда, Графу Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи. Посланный былъ скороходъ, переодѣтый въ крестьянское платье; вышедъ пѣшкомъ за заставу, онъ сѣлъ въ приготовленныя для него сани и удачно прибылъ въ Лифляндію. Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, тотчасъ по полученіи письма отъ брата, поскакалъ въ Митаву и донесъ Аннѣ Іоанновнѣ о распоряженіяхъ Тайнаго Совѣта, прежде Депутатовъ и Сумарокова. Такой опытъ приверженности Левенвольдовъ пріобрѣлъ имъ полную довѣренность Императрицы: Графъ Карлъ Густавъ пожалованъ былъ Генералъ-Поручикомъ, Генералъ-Адъютантомъ, Полковникомъ Гвардіи Измайловскаго полка, наконецъ Оберъ-Шталмейстеромъ и Кавалеромъ ордена Св. Андрея. Графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ съ неограниченнымъ честолюбіемъ, съ особеннымъ искуствомъ въ дѣлахъ дипломатическихъ, а еще болѣе съ умѣньемъ угождать сильнымъ—получилъ бы навѣрно первѣйшее мѣсто въ Государствѣ нашемъ, еслибъ смерть не разрушила надеждъ его, въ 1735 году. Онъ былъ открытый врагъ славнаго Миниха, и не только подчиненные, но даже самъ Биронъ боялся Графа Карла Левенвольда и во всѣхъ случаяхъ совѣщался съ нимъ.

Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ былъ пожалованъ Императрицею Анною Іоанновною въ достоинство Оберъ-Гофмаршала и получилъ подобно брату, Андреевскую ленту.

Депутаты отъ Верховнаго Совѣта прибыли въ Митаву 25 Января; Анна Іоанновна приняла ихъ и согласилась безъ затрудненія на предложенныя ей условія касательно ограниченія власти. 28 числа, Государыня подписала Рескриптъ къ Членамъ Совѣта, сочиненный и писанный Княземъ В. Л. Долгорукимъ наскоро, со многими ошибками, свидѣтельствующими о его замѣшательствѣ (на пр. К. В. Л. Долгорукій пропустилъ собственное свое званіе *Члена Тайнаго Верховнаго Совѣта*; вмѣсто Петра *втораго*, написалъ было *перваго*; и проч.). Между тѣмъ Князь Василій Лукичь Долгорукій какъ-то узналъ, что посланный изъ Москвы имѣлъ свиданіе съ Анною Іоанновною прежде Депутатовъ. За нимъ послана была погоня и его настигли на дорогѣ, послѣ жестокихъ побоевъ заковали въ желѣза и отвезли въ Москву. Тамъ онъ, равно какъ и Ягушинскій содержался подъ строгимъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока Императрица Анна Іоанновна въ 26 день Февраля 1730 года соизволила принять Самодержавіе, уничтоживъ условія, подписанныя ею въ Митавѣ. »Удивительно, замѣчаетъ Г. Вейдемейеръ въ своемъ *Обзорѣ*, что во все Царствованіе Анны Іоанновны Сумароковъ не былъ употребленъ на службу и даже жилъ въ большой бѣдности.«

72. »Императрица по прибытіи въ Москву, поступками своими заставляла думать Членовъ Совѣта и Сенаторовъ, что она совершенно одобряетъ новый

образъ правленія. Но оказывая наружно согласіе, она тайнымъ образомъ дѣйствовала для пріобрѣтенія Самодержавной власти. Въ семъ важномъ дѣлѣ руководителемъ ея былъ Баронъ Остерманъ« (Остерманъ не подписалъ пригласительнаго акта къ Герцогинѣ Курляндской, отозвавшись, что съ нимъ вуругъ случился жестокій припадокъ хирагры въ правой рукѣ, не позволявшій держать пера). »Графъ Головкинъ хотя и подписалъ условія, но по пріѣздѣ Императрицы въ Москву присоединился къ Остерману. Приверженцы сихъ двухъ Вельможъ сходились въ домахъ Князей И. Ю. Трубецкаго и А. М. Черкасскаго и просили ихъ предшествовать имъ для поднесеніи Монархинѣ прошенія, дабы Она благоволила царствовать самодержавно, по примѣру высокихъ своихъ предмѣстниковъ. Такъ какъ Долгорукіе тщательно надзирали за поступками Императрицы и доступъ къ ней былъ затруднителенъ, то Князья Трубецкій и Черкасскій извѣстили ее о существованіи партіи, противной Верховному Совѣту, чрезъ свояченицу К. Черкасскаго, племянницу К. Трубецкаго, дѣвицу Салтыкову, которая имѣла свободный входъ къ Государынѣ. 23 Февраля недовольные дѣйствіями Членовъ Верховнаго Совѣта собрались въ домѣ Генералъ-Поручика, Князя Ивана Ѳедоровича Барятинскаго и тутъ рѣшительно положили просить Императрицу о принятіи неограниченнаго самодержавія. Съ симъ рѣшеніемъ Василій Никитичъ Татищевъ (писавшій Россійскую Исторію) былъ отправленъ къ Князю А. М. Черкасскому, у котораго, послѣ нѣкотораго сужденія между находившимися тамъ Дворянами, Князь А. Д. Кантемиръ написалъ прошеніе, которое В. Н. Татищевъ въ первомъ часу пополуночи привезъ

въ домъ Князя Барятинскаго: тамъ 74 человѣка его подписали и съ онымъ всѣ они прибыли опять въ домъ Князя А. М. Черкасскаго, гдѣ 93 человѣка Генераловъ и Гвардейскихъ Офицеровъ, тоже подписали прошеніе; да чрезъ посланныхъ въ Гвардейскіе полки, Графа Θедора Матвѣевича Апраксина и Князя А. Д. Кантемира подписали оное же 58 Офицеровъ и 51 кавалергардовъ, бывшихъ у гроба Петра II. Въ тотъ же день поздно вечеромъ сіе прошеніе доставлено къ Императрицѣ чрезъ Прасковью Юрьевну Салтыкову. На другой день, въ 8 часовъ утра собравшееся Дворянство, отпѣвъ малебенъ, пріѣхало во Дворецъ и послало Князя Черкасскаго просить Государыню допустить ихъ къ себѣ. Государыня повелѣла впустить пріѣхавшихъ Дворянъ. Между тѣмъ Подполковнику Гвардіи Семену Андреевичу Салтыкову приказано было поставить караулъ у всѣхъ выходовъ дворца и на всѣхъ улицахъ; у солдатъ ружья были заряжены.« *Заимствовано изъ соч. Г. Вейдемейера* »Обзоръ Главнѣйшихъ Произш. въ Россіи.« *Часть I. стр. 123—125.*

Уныніе, робость овладѣли сердцами Вельможъ, не задолго мечтавшихъ владычествовать надъ Имперіею: одинъ только Князь Д. М. Голицынъ сохранилъ съ свойственнымъ ему упорствомъ важную осанку, гордый видъ, сказавъ друзьямъ своимъ: »Господа! пиръ былъ изготовленъ, гости позваны; никто не явился. Чувствую, что бѣда обрушится на главѣ моей; но она посѣдѣла на службѣ Отечеству, наклонилась уже къ послѣднему своему жилищу. Не долго мнѣ проливать слезы; участь виновниковъ моего бѣдствія будетъ еще плачевнѣе.«

Графъ Матвѣевъ, именемъ всѣхъ сословій, просилъ Императрицу принять власть Самодержавную, искони принадлежавшую Обладателямъ Россіи; умолялъ избавить Дворянство и народъ отъ тяжкой подчиненности Членамъ Верховнаго Совѣта. »Развѣ условія, подписанныя мною въ Митавѣ—спросила Императрица съ удивленіемъ — не были основаны на волѣ народа?« Всѣ присутствовавшіе отвѣчали отрицательно. »И такъ ты меня обманулъ, Князь Василій Лукичь?« сказала она Долгорукому и потомъ повелѣла Князю Черкасскому принести Митавскій актъ и опредѣленіе по сему предмету Верховнаго Совѣта. Эти бумаги при Императрицѣ же С. А. Салтыковъ наддралъ и бросилъ. Долгорукіе были лишены должностей и чиновъ и сосланы въ отдаленные города и деревни. Голицыны опредѣлены на службу въ Сибири. Князь Василій Лукичь, ненавидимый Бирономъ, подвергся вторично суду и былъ казненъ смертію въ 1739 году, подъ Новгородомъ. *См. Словарь Достопам. Людей. Т. II. стр. 77 и 271.*

Тайный Верховный Совѣтъ былъ уничтоженъ, а на мѣсто его учрежденъ (въ 1731) Кабинетъ, въ коемъ засѣдали первоначально три Члена: Великій Канцелеръ Графъ Головкинъ, Вице-Канцлеръ Графъ Остерманъ (выздоровѣвшій, какъ скоро Императрица приняла Самодержавіе) и Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Черкасскій; впослѣдствіи засѣдалъ въ Кабинетѣ и Графъ Минихъ.

73. Происходя отъ Польши, Герцогство Курляндское должно было присоединиться къ Польшѣ, по прекращеніи дома Кетлеровъ. Но Государственные Чины противились этому соединенію, и Курляндія оставалась въ

распоряженіи Россіи со времени кончины (въ 1711 г.) Герцога Фридриха Вильгельма, супруга Анны Іоанновны. Въ Царствованіе Императрицы Екатерины I Герцогской Курляндской короны домогался Меншиковъ, а въ Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны получилъ ее Биронъ.

74. Графъ Минихъ имѣлъ много враговъ и недовольныхъ имъ людей по большому числу занимаемыхъ имъ мѣстъ. До крайности честолюбивый и неутомимый, онъ не отказывался ни отъ какой должности на него возлагаемой. Въ одно и то же время былъ онъ Членомъ Кабинета, Президентомъ Военной Коллегіи, Генералъ - Фельдцейхмейстеромъ, Генералъ - Директоромъ надъ фортификаціями, Главнымъ Директоромъ Ладожскаго канала и Генералъ-Полицмейстеромъ. Возможно ли было ему угодить на всѣхъ при отправленіи столь многихъ и различныхъ обязанностей? Но особенную зависть возбуждалъ онъ въ Баронѣ Остерманѣ и Графѣ Левенвольдѣ, которые старались внушить Бирону, дотолѣ уважавшему славнаго Фельдмаршала, »что Минихъ для нихъ весьма опасенъ; что онъ вмѣшивается во всѣ дѣла; вездѣ умѣетъ сдѣлать себя нужнымъ; что очевидно старается пріобрѣсти исключительную довѣренность Монархини, и что сей честолюбецъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается первымъ Вельможею въ Государствѣ.« Скоро Миниху, подъ предлогомъ помѣщенія Мекленбургской Принцессы Анны велѣно очистить комнаты, кои онъ занималъ въ казенномъ домѣ, имѣвшемъ непосредственное сообщеніе съ Дворцемъ, подаренъ Миниху домъ, купленный у Графа Остермана; подписанъ союзный договоръ съ Вѣнскимъ Дворомъ скрытнымъ образомъ отъ Ми-

ниха и начальство надъ войсками назначенными въ Польшу, въ обиду Фельдмаршалу, поручено Генералъ-Аншефу Ласси. Послѣ этого Минихъ добровольно перестаалъ ѣздить въ Собраніе Кабенета, устранилъ себя отъ Государственныхъ дѣлъ. Это не только не сочтено было предосудительнымъ, но напротивъ того Биронъ радовался поступку Миниха и какъ бы на замѣчалъ удаленія этого Вельможи. Впрочемъ слова современника Миниха, что Ласси назначенъ былъ Главнокомандующимъ »въ обиду Фельдмаршалу« справедливы: во первыхъ потому, что съ средствами, какія получилъ Ласси, нельзя ему было выполнить возложенныхъ на него порученій; требованія же его оставались безъ вниманія; а во вторыхъ потому, что при Дворѣ всѣ желали удалить Миниха и слѣдовательно непремѣнно воспользовались бы случаемъ, который представляли Польскія дѣла. Минихъ понималъ интриги Остермана, Левенвольда и Бирона; но великодушно, съ свойственнымъ ему упорствомъ выжидалъ минуты, въ которую должно было обнаружиться само собою — какъ былъ необходимъ Минихъ. Ласси присылалъ въ Петербургъ донесенія о томъ, что съ ввѣренными ему средствами нельзя усмирить Поляковъ и особливо овладѣть Данцигомъ (къ которому онъ подступилъ 10 Февр. 1734); но эти донесенія были оставлены безъ вниманія—и Ласси былъ обвиненъ въ медленности. Биронъ предложилъ принять начальство надъ дѣйствовавшею арміею Графу Миниху и герой съ восхищеніемъ обнажилъ мечь, двадцать два года остававшійся безъ дѣла, отправился изъ Петербурга на скоро, ночью и весьма тайно, 25 Февраля, подъ прикрытіемъ Прусскаго отряда при-

былъ онъ къ Данцигу. Прежде всего счелъ онъ нужнымъ усилить свои войска нѣсколькими полками оставаршимися въ Польшѣ; сдѣлалъ воззваніе къ жителямъ Данцига и грозилъ имъ »въ случаѣ упорства, раззорить городъ до основанія.« Въ Данцигѣ смѣялись надъ такими угрозами, полагаясь на собственный сильный гарнизонъ, на Польскую армію и на Французскій вспомогательный корпусъ, котораго ожидали со дня на день. (См. Hempel's Lebensbeschreibung Münich's. S. 220—222). Но Польская двѣнадцатитысячная армія разбита (20 Апр.) при Вуйцечинѣ отрядомъ Русскихъ, состоявшимъ изъ четырехъ тысячь двухъ сотъ человѣкъ. Прибытіе Французскаго дессантнаго войска и его число были еще неизвѣстны. Между тѣмъ городъ храбро сопротивлялся: Русскія бомбы и потеря нѣсколькихъ шанцовъ были для него незначительны. Приступъ къ Гагельсбергу, который могъ рѣшить завоеваніе Данцига, обдуманный и расположенный съ великою смѣлостію, произведенный съ невѣроятнымъ мужествомъ — окончился неудачно. 3000 чел. отряженные для взятія Гагельсберга, явились въ назначенномъ мѣстѣ въ самую глубокую полночь, сохраняя наивозможную тишину. 5000 приготовлены были для ихъ подкрѣпленія. Приступъ начался съ неимовѣрнымъ мужествомъ; осаждающіе взошли на батареи въ семи мѣстахъ. Но, по какому-то непонятному случаю, Офицеры были почти всѣ или убиты или ранены съ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Это обстоятельство произвело въ солдатахъ сильное замѣшательство или лучше сказать остолбенѣніе. Храбрые, презирающіе смерть Русскіе воины оставленные самимъ себѣ, *неподвижно стояли*

три часа среди отнятыхъ окоповъ, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, пожиравшимъ ихъ цѣлыми сотнями! Нѣсколько Адъютантовъ приносили имъ приказы—отступить немедленно; но Русскіе, послушные лишь голосу самаго начальника, оставались неподвижными; наконецъ явился Ласси, присланный отъ Графа Миниха и привелъ ихъ въ лагерь. Изъ трехъ тысячь—слишкомъ двѣ тысячи остались въ окопахъ Гагельсбергскихъ жертвою примѣрнаго, непоколебимаго повиновенія.

75. Французскія вспомогательныя войска прибыли къ Данцигскому рейду 24 Мая. Ихъ было съ небольшимъ 2500 человѣкъ. Кардиналъ Флёри вѣроятно этотъ отрядъ считалъ достаточнымъ для возведенія тестя своего Короля на Польскій Престолъ! Въ тоже время подошли и Русскія войска изъ Варшавы, также восемь баталіоновъ и двадцать два эскадрона Саксонскихъ подъ начальствомъ Герцога Вейсенфельдскаго. Флотилія Французская узнавъ о приближеніи 16 Русскихъ кораблей, удалилась въ туже минуту, оставя на жертву дессантныя войска. Послѣ напрасныхъ усилій овладѣть нашимъ ретраншаментомъ, Французскія войска вступили въ переговоры съ Фельдмаршаломъ, вышли изъ своего лагеря со всѣми военными почестями, посажены на Русскіе корабли, гдѣ обязались сложить оружіе и отправлены въ Кронштадтъ.« Между тѣмъ осада Данцига продолжалась успѣшно. Важное укрѣпленіе Вексельмюндъ сдалось Русскимъ 12 Іюня, а 16 Магистратъ Данцигскій выслалъ къ Миниху Депутатовъ, которые объявили желаніе сдаться на капитуляцію.

76. Фельдмаршалъ Минихъ соглашался вступить въ переговоры съ тѣмъ только условіемъ, если ему

прежде всего, выдадутъ Короля Станислава, Примаса Королевства и Маркиза де Монти, Французскаго Посланника. Но Станиславъ за день предъ тѣмъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, успѣлъ скрыться изъ города. Минихъ, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ Данцигскаго Магистрата, пришелъ въ такой гнѣвъ, что въ первомъ жару велѣлъ снова бросать бомбы въ городъ. Однако капитуляція совершилась. Многіе изъ плѣнныхъ, бывшіе на сторонѣ бѣжавшаго Короля, получили свободу. Только Примасъ Королевства, Графъ Понятовскій и Французскій Посланникъ Маркизъ де Монти были взяты подъ стражу. Изъ двухъ милліоновъ талеровъ, которые Данцигъ долженъ былъ заплатить Россіи, Императрица простила ему половину, приказавъ въ замѣнъ оной выдать только 30,000 червонныхъ Генераламъ и войскамъ, бывшимъ при осадѣ города. Lebensbeschreibung des K. G. Münich, von Halem. S. 60—72.

Взятіе подъ стражу Маркиза де Монти привело въ движеніе перья всѣхъ Французскихъ политическихъ писателей того времени. Въ опроверженіе ихъ жалобъ, на нарушеніе будто бы такимъ поступкомъ Народнаго права, издана была отъ Русскаго Двора пространная декларація (она напечатана въ Cabinet großer Herren. II. S. 1255, въ Hempel's Lebensbeschr. Münichs. S. 360 и въ Materialien zur Russischen Geschichte, von Schmidt-Phiseldek. II. S. 544), въ которой сказано, что »Маркизъ де Монти никогда не былъ аккредитованъ при Россійскомъ Дворѣ въ качествѣ Французскаго Министра, и никогда не былъ принятъ въ Россіи въ этомъ достоинствѣ; что его нельзя было почитать Посланникомъ и при Польской Республикѣ, потому что онъ по кончинѣ

Августа II, не получилъ новой кредитивы; что онъ съ этого времени велъ себя болѣе, какъ служитель Лещинскаго, нежели какъ Французскій Посланникъ; ибо онъ принималъ участіе въ пасквилахъ, набралъ полкъ солдатъ противъ Россіи, командовалъ оным, возбуждалъ жителей Данцига къ безразсудному упорству, способствовалъ уйти С. Лещинскому и писалъ къ Фельдмаршалу Миниху самое неблагопристойное и колкое письмо, въ которомъ просилъ его не трудиться помѣщать объ немъ какую либо статью въ капитуляціи, ибо онъ самъ готовъ отправиться въ собственномъ экипажѣ, со всѣми служителями, въ Русскій лагерь и вытерпѣть все, что будетъ тамъ для него приготовлено.«

77. Генералъ-Лейтенантъ Михайло Ивановичъ Леонтьевъ, двоюродный племянникъ Царицы Наталіи Кириловны. Онъ находился въ числѣ Депутатовъ, отправленныхъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Митаву (см. примѣч. 71). Въ 1735 году ему поручено было начальство надъ арміею, отправленною въ Крымъ. Къ назначенному первоначально двадцати-тысячному корпусу прибавлено было еще восемь тысячъ. Леонтьевъ выступилъ въ походъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, въ самую распутицу; ему предписано было предать весь полуостровъ огню и мечу; освободить Русскихъ, находившихся тамъ въ плѣну и истребить Нагайскихъ Татаръ, обитавшихъ въ степяхъ, между Украйною и Крымомъ. Онъ умертвилъ болѣе четырехъ тысячъ Нагайцевъ, получилъ въ добычу множество скота; но по причинѣ наступившаго холода и совершеннаго недостатка въ пастбищахъ, самъ понесъ значительную потерю въ людяхъ и лошадяхъ и принужденнымъ нашелся возвра-

питься въ Украйну, потерявъ въ походѣ болѣе девяти тысячь человѣкъ. Кончина Графа Вейсбаха и болѣзнь Генералъ-Лейтенанта Графа Дугласа, долженствовавшихъ совершить этотъ походъ, замедлили оный, отъ чего и произошла неудача. Военный совѣтъ, уваживъ справедливыя объясненія Леонтьева, оправдалъ его.

78. Война противъ Турокъ, подъ главнымъ начальствомъ Фельдмаршала Миниха, открылась въ 1736году. Распоряженія къ открытію похода производились съ величайшею дѣятельностію. Минихъ укрѣпилъ Воронежескую верфь, заложилъ новую въ Брянскѣ, осмотрѣлъ Украинскую линію, велѣлъ ее поправить. Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ перевелъ часть своихъ войскъ за Донъ, началъ осаду Азова и поручилъ окончить оную Графу Ласси, поспѣшивъ самъ къ главной арміи находившейся при Царицынѣ. Минихъ выступилъ въ походъ съ припасами только на два мѣсяца (тогда нужные припасы возили съ собою; у Миниха при арміи въ этотъ походъ было около восьмидесяти тысячь повозокъ, тогда какъ войска было не болѣе шестидесяти тысячь), надѣясь на плодородіе Крыма. Скоро достигъ онъ линій, выстроенныхъ Татарами для защиты Крыма. Перешеекъ, соединяющій полуостровъ съ твердою землею, былъ перерытъ рвомъ въ семь верстъ длиною, въ двѣнадцать сажень шириною и семь глубиною. За рвомъ возвышался брустверъ въ десять саженъ. Шесть каменныхъ башенъ, довольно хорошо укрѣпленныхъ и вооруженныхъ, прикрывали эту линію. Наконецъ главною защитою линіи была крѣпость Перекопская. Восемьдесятъ тысячь вооруженныхъ Татаръ и тысяча Янычаръ защи-

щали Перекопскія укрѣпленія, около ста тысячь Татаръ готовы были на подкрѣпленіе. Но Миниха не устрашили препятствія и онъ немедленно приступилъ къ дѣлу. 1-го Іюля Минихъ обратилъ вниманіе непріятеля на правый его флангъ, сдѣлавъ на оный фальшивую атаку, а главныя свои силы устремилъ на лѣвый. Русскіе бросились въ глубокій ровъ; съ пособіемъ пикъ и штыковъ (приготовленныя лѣстницы оказались короткими) взлезли на другую сторону онаго въ то время, какъ артиллерія наша безпрерывно обстрѣливала брустверъ. Татары обратились въ бѣгство. Чрезъ два дни потомъ сдался и Перекопъ. Въ числѣ шестидесяти пушекъ, взятыхъ въ этой крѣпости, нѣкоторыя были съ Россійскими клеймами, отнятыя Татарами въ XVII столѣтіи у Князя Василія Васильевича Голицына. Минихъ оставивъ гарнизонъ въ Перекопѣ, отправился въ дальнѣйшій походъ. Козловъ, Бакчисарай, Ахмечеть, превращенные въ пепелъ и Кинбурнъ, покорились Русскому оружію; но болѣзни, недостатокъ воды (колодцы и фонтаны вездѣ были испорчены Татарами) и чрезвычайные жары принудили Миниха возвратиться къ Перекопу. Онъ оставилъ эту крѣпость 16 Августа, подорвавъ стѣны, засыпавъ ровъ, разрушивъ брустверъ и башни, находившіеся на линіи. Такимъ образомъ кончилась эта кампанія, безъ всякой существенной пользы для Россіи, ибо опустошенія не прекратили набѣговъ Татаръ.

Вѣнскій Дворъ объявивъ также войну Портѣ, желалъ, чтобы Россія отправила вспомогательный корпусъ въ Венгрію, для усиленія Австрійской арміи. Но Минихъ по-

читалъ невыгоднымъ ослаблять свое войско, и не уважая непримиримой ненависти со стороны Вѣнскаго Двора, настоялъ въ своемъ мнѣніи. Въ Февралѣ 1737 года Минихъ возвратился къ своему войску (по окончаніи похода въ 1736 г. онъ ѣздилъ въ С. Петербургъ, гдѣ завистники славы Миниха едва не подвергли его военному суду по поводу письма Принца Гессена-Гомбургскаго, писаннаго къ Бирону). Русская армія, усиленная до 70,000 чел, собралась при Переволочной, и 6 Мая, безъ всякаго препятствія переправилась въ трехъ колоннахъ чрезъ Днѣпръ и чрезъ три недѣли достигла Буга. 30 Іюня Русскіе находились уже въ виду Очакова. Во время похода 1736 г. доставка припасовъ для арміи возложена была на Генерала Кригсъ-Комиссара Князя Никиту Юрьевича Трубецкаго. Манштейнъ осуждаетъ Князя въ медленномъ снабженіи транспортовъ необходимою упряжью и въ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ; но въ другомъ мѣстѣ, говоря объ этомъ же обстоятельствѣ, замѣчаетъ, что это произошло отъ того, что Фельдмаршалъ Минихъ »поспѣшилъ двумя мѣсяцами открытіемъ военныхъ дѣйствій.« Но какъ бы то ни было, не виня одного и не оправдывая другаго, нельзя не замѣтить, что когда открылась кампанія 1737 года и когда Минихъ двинулся къ устью Днѣпра, Князю Трубецкому, тоже исправлявшему въ арміи должность Генер. Кригсъ-Коммисара, велѣно было плыть внизъ по Днѣпру, на плоскодонныхъ судахъ съ частію тяжелыхъ орудій и огромнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Но и въ этомъ году, когда войско пришло къ Очакову — Трубецкой опять не исполнилъ ожиданій Фельдмаршала. Флотъ съ припасами не показывался и при-

къ безсмертной славѣ Миниха, благоразумными распоряженіями его опустошительная чума не проникла въ Малороссію. Турки торжествовали отъ радости, приписывая удаленіе Русскихъ изъ Очакова приближенію Сераскира Бендерскаго. Счастіе, дававшее имъ перевѣсъ въ этомъ году надъ Австрійцами, еще болѣе умножало ихъ кичливость.

Въ началѣ 1739 года, въ отсутствіе Фельдмаршала Миниха, который каждую зиму ѣздилъ въ Петербургъ, главное начальство надъ дѣйствовавшею арміею принялъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ и отразилъ (14 Февр.) двадцати-тысячный Турецкій корпусъ, намѣревавшійся подъ командою Бѣлградскаго Сераскира переправиться чрезъ Днѣпръ ниже Кременчуга, у мѣстечка Городища. Минихъ прибылъ къ арміи въ концѣ Марта и выступилъ опять противъ Турокъ. Русскій Дворъ, не смотря на жалобы Поляковъ, рѣшился приказать арміи пройти чрезъ Польшу: этимъ сокращена была дорога къ Днѣстру и доставлены войску значительныя удобства. Послѣ незначительныхъ препятствій со стороны Турокъ, безпрерывно отступавшихъ, Русскіе остановились близь мѣстечка Ставучанъ. Турецкій лагерь разположенъ былъ на возвышенности, въ разстояніи на пушечный выстрѣлъ отъ Русскихъ. И такъ Минихъ въ это время прибылъ въ страну, гдѣ за двадцать восемь лѣтъ предъ тѣмъ Великій Петръ потерпѣлъ неудачу. Миниховъ соперникъ былъ Сераскиръ Вели Паша, повелѣвавшій почти стотысячною арміею. Русскихъ было около шестидесяти пяти тысячъ. Намѣреніе Турецкаго военачальника было—далѣе [redacted]. Русскихъ во внутренность Государства ихъ доставленіе

Извѣстіе о взятіи Очакова произвело сильное движеніе въ Диванѣ: Великій Визирь былъ отставленъ, а на мѣсто его назначенъ Бендерскій Сераскиръ, которому дано было предписаніе, во что бы ни стало возвратить потерянную крѣпость. Узнавъ объ этомъ и видя дѣятельныя приготовленія со стороны Турокъ, Минихъ отказался отъ дальнѣйщихъ предпріятій. Фельдмаршалъ расположился съ своею арміею не вдалекѣ отъ Буга и занялся между тѣмъ возобновленіемъ разрушенныхъ укрѣпленій Очакова. По окончаніи работъ, Минихъ оставивъ въ крѣпости Коммендантомъ Генералъ-Маіора Христофора Ѳедоровича Штофельна, возвратился въ Украйну, гдѣ соединился съ нимъ и Ласси послѣ вторичнаго опустошительнаго похода въ Крымъ. Въ концѣ Октября Штофельнъ увидѣлъ себя окруженнымъ Турецкою арміею. Минихъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ отправилъ къ Очакову подкрѣпленіе сухимъ путемъ и водою. Но прежде нежели оно достигло цѣли своего назначенія, Турки были разбиты и принуждены снять осаду. »Еще нѣсколько десятковъ тысячь, пишетъ Галемъ, умножили страшное число труповъ, павшихъ въ жертву свирѣпому богу войны! Нельзя вообразить безъ ужаса, что малое пространство на берегу Чернаго моря, въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ сдѣлалась гробомъ болѣе нежели шестидесяти тысячь человѣкъ!«

Походъ, предпринятый Минихомъ къ Днѣстру въ 1738 году, не ознаменованъ никакимъ важнымъ подвигомъ: Фельдмаршалъ имѣлъ только случай оказать личное свое мужество, выручивъ съ отрядомъ кирасиръ окруженнаго многочисленнымъ отрядомъ Бригадира Шипова. Тогда по причинѣ усилившейся моровой язвы, были срыты крѣпости Кинбурнъ и Очаковъ. По,

къ безсмертной славѣ Миниха, благоразумными распоряженіями его опустошительная чума не проникла въ Малороссію. Турки торжествовали отъ радости, приписывая удаленіе Русскихъ изъ Очакова приближенію Сераскира Бендерскаго. Счастіе, дававшее имъ перевѣсъ въ этомъ году надъ Австрійцами, еще болѣе умножало ихъ кичливость.

Въ началѣ 1739 года, въ отсутствіе Фельдмаршала Миниха, который каждую зиму ѣздилъ въ Петербургъ, главное начальство надъ дѣйствовавшею арміею принялъ Александръ Ивановичь Румянцовъ и отразилъ (14 Февр.) двадцати-тысячный Турецкій корпусъ, намѣревавшійся подъ командою Бѣлградскаго Сераскира переправиться чрезъ Днѣпръ ниже Кременчуга, у мѣстечка Городища. Минихъ прибылъ къ арміи въ концѣ Марта и выступилъ опять противъ Турокъ. Русскій Дворъ, не смотря на жалобы Поляковъ, рѣшился приказать арміи пройти чрезъ Польшу: этимъ сокращена была дорога къ Днѣстру и доставлены войску значительныя удобства. Послѣ незначительныхъ препятствій со стороны Турокъ, безпрерывно отступавшихъ, Русскіе остановились близь мѣстечка Ставучанъ. Турецкій лагерь расположенъ былъ на возвышенности, въ разстояніи на пушечный выстрѣлъ отъ Русскихъ. И такъ Минихъ въ это время прибылъ въ страну, гдѣ за двадцать восемь лѣтъ предъ тѣмъ Великій Петръ потерпѣлъ неудачу. Миниховъ соперникъ былъ Сераскиръ Вели Паша, повелѣвавшій почти стотысячною арміею. Русскихъ было около шестидесяти пяти тысячь. Намѣреніе Турецкаго военачальника было—далѣе заманить Русскихъ во внутренность Государства; отрѣзать имъ доставленіе

припасовъ, и потомъ нападая малыми отрядами, истребить Русское войско, безъ главнаго сраженія Увѣренный въ превосходствѣ своего плана, Вели Паша радовался, что успѣлъ заманить Русскихъ въ сѣти, сдѣлалъ распоряженія, чтобы окружить нашихъ со всѣхъ сторонъ. По мнѣнію Турокъ, Минихъ находился въ положеніи Петра Великаго. Но они рѣшились не допускать его выйти изъ опасности подобно Петру. Въ самомъ дѣлѣ положеніе Миниха было не выгодно: противъ фронта Русской арміи стоялъ самъ Сераскиръ на возвышеніи, подъ защитою сильныхъ батттарей; противъ лѣваго нашего крыла расположены были войска Паши Кольчака, Губернатора Хотинскаго, примыкавшія къ непроходимымъ горамъ и лѣсамъ. Другой сильный корпусъ, защищаемый горами, къ коимъ примыкался онъ лѣвымъ флангомъ, грозилъ правому крылу арміи Миниха. Съ тылу, готовы были напасть на Русскихъ Татарскія орды. Послѣ такихъ распоряженій Турки считали запертыми Русскихъ со всѣхъ сторонъ и превозносили мудрость своего Сераскира, который не препятствовалъ непріятелю пройти сквозь дефилеи (близь Перекопа и Чернанца, гдѣ десять тысячь легко могли бы остановить стотысячную армію) они думали, что изъ Русскихъ не спасется ни одинъ человѣкъ.

Однако *Соколъ-Минихъ* видѣлъ дальше Сераскира Вели-Паши. Онъ обратилъ особенное вниманіе на лѣвое непріятельское крыло, гдѣ Турецкій лагерь не былъ укрѣпленъ окопами. Турки были увѣрены, что рѣка Шуланецъ и широкія болота ее облегавшія, защитятъ ихъ лагерь лучше всякихъ шанцевъ. Минихъ положилъ открыть себѣ путь съ этой стороны. 28 Ав-

густа, на разсвѣтѣ Русскіе стали подъ ружье, чтобы отвлечь непріятеля отъ настоящей точки нападенія; нѣсколько нашихъ полковъ, съ пятидесятью четырьмя орудіями устремились на правое Турецкое крыло. Турки, обманутые этимъ движеніемъ, всѣ столпились на правый флангъ. Мало вредившій Русскій огонь продолжилъ ихъ ослѣпленіе. Между тѣмъ около полудня Русскіе бросились къ лѣвому крылу. Паша Кольчакъ, не постигая этого движенія, вскричалъ въ восторгѣ »они бѣгутъ, отступаютъ!» и послалъ курьера съ радостною вѣстью въ Хотинъ. Но скоро самъ онъ долженъ былъ удалиться туда—и съ печальными вѣстями, вмѣсто радостныхъ.

Поздно догадался онъ, что предпринимаютъ Русскіе: непроходимыя болота были наполнены кучами шанцкорбовъ и покрыты досками; двадцать семь мостовъ прикрывали Шуланецъ; Русскіе были уже у подошвы горы, на которой расположился Турецкій лагерь. Наконецъ прискакала Турецкая конница. Русскимъ оставалось не болѣе версты до вершины горы. Гдѣ лошади не могли везти тяжелыхъ орудій, тамъ солдаты втаскивали пушки на гору. Уже Русскіе принудили замолчать Турецкія баттареи, какъ вдругъ прискакали двадцать тысячь Янычаръ. Но и они не могли отнять у Русскихъ побѣды.

Наши получили богатую дабычу: болѣе тысячи палатокъ, со всемъ багажемъ, сорокъ восемь орудій и множество знаменъ достались въ руки побѣдителей. На другой день знаменитой Ставучанской побѣды Фельдмаршалъ Минихъ пошелъ къ Хотину и взялъ эту крѣпость, почти безъ выстрѣла; потомъ преслѣдовалъ непріятеля до Прута; переправился чрез эту рѣку;

соорудилъ крѣпостцы на ея берегахъ, выгналъ Господаря Молдавскаго за Дунай; собралъ контрибуцію и намѣревался уже взять Бендеры — какъ вдругъ предположенія отважнаго Русскаго Полководца разрушены были миромъ, заключеннымъ между Портою и Австрей въ Бѣлградѣ.

Въ донесеніи Императрицѣ о Ставучанской побѣдѣ Графъ Минихъ между прочимъ писалъ, что »Прутъ сдѣлался опять славнымъ.«

См. Журналъ Миниха. Жизнеописанія Фельдмаршала, составленныя его сыномъ, также Галемомъ, Гемпелемъ; Магазинъ Бишинга 3 часть. Обзоръ Гл. Произ. въ Россіи, Г. Вейдемейера, ч. 2.

79. »Главнѣйшею побудительною причиною заключить миръ съ Портою (7 Сент. 1739 г.) было дурное къ ней расположеніе Швеціи, которая съ самаго начала Турецкой войны внушала ей опасенія своими военными приготовленіями; она тайно дѣйствовала противъ Россіи, просила денежныхъ пособій отъ Порты, чтобы учинить нападеніе на границы Россійскія и тѣмъ сдѣлать диверсію въ пользу Турціи. Швеція посылала даже въ Константинополь оружія. Боялись, чтобы ея войска не напали вдругъ со стороны Финляндіи въ то время, какъ Россійскія дѣйствовали противъ Турокъ и Татаръ. Справедливыя опасенія на счетъ Швеціи увеличивались и разнесшимся слухомъ, о новомъ союзѣ, заключенномъ между сею державою и Портою. Россійскій въ Стокгольмѣ Министръ Бестужевъ увѣдомилъ, что Маіоръ Сенклеръ послалъ въ Константинополь за ратификацією сего трактата. По сему случаю предписано было Графу Миниху отправить нѣсколько избранныхъ Офицеровъ съ нижними

густа, на разсвѣтѣ Русскіе стали подъ ружье, чтобы отвлечь непріятеля отъ настоящей точки нападенія; нѣсколько нашихъ полковъ, съ пятидесятью четырьмя орудіями устремились на правое Турецкое крыло. Турки, обманутые этимъ движеніемъ, всѣ столпились на правый флангъ. Мало вредившій Русскій огонь продолжилъ ихъ ослѣпленіе. Между тѣмъ около полудня Русскіе бросились къ лѣвому крылу. Паша Кольчакъ, не постигая этого движенія, вскричалъ въ восторгѣ »они бѣгутъ, отступаютъ!» и послалъ курьера съ радостною вѣстью въ Хотинъ. Но скоро самъ онъ долженъ былъ удалиться туда—и съ печальными вѣстями, вмѣсто радостныхъ.

Поздно догадался онъ, что предпринимаютъ Русскіе: непроходимыя болота были наполнены кучами шанцкорбовъ и покрыты досками; двадцать семь мостовъ прикрывали Шуланецъ; Русскіе были уже у подошвы горы, на которой расположился Турецкій лагерь. Наконецъ прискакала Турецкая конница. Русскимъ оставалось не болѣе версты до вершины горы. Гдѣ лошади не могли везти тяжелыхъ орудій, тамъ солдаты втаскивали пушки на гору. Уже Русскіе принудили замолчать Турецкія баттареи, какъ вдругъ прискакали двадцать тысячь Янычаръ. Но и они не могли отнять у Русскихъ побѣды.

Наши получили богатую дабычу: болѣе тысячи палатокъ, со всемъ багажемъ, сорокъ восемь орудій и множество знаменъ достались въ руки побѣдителей. На другой день знаменитой Ставучанской побѣды Фельдмаршалъ Минихъ пошелъ къ Хотину и взялъ эту крѣпость, почти безъ выстрѣла; потомъ преслѣдовалъ непріятеля до Прута; переправился чрез эту рѣку;

соорудилъ крѣпостцы на ея берегахъ, выгналъ Господаря Молдавскаго за Дунай; собралъ контрибуцію и намѣревался уже взять Бендеры—какъ вдругъ предположенія отважнаго Русскаго Полководца разрушены были миромъ, заключеннымъ между Портою и Австрей въ Бѣлградѣ.

Въ донесеніи Императрицѣ о Ставучанской побѣдѣ Графъ Минихъ между прочимъ писалъ, что »Прутъ сдѣлался опять славнымъ.«

См. Журналъ Миниха. Жизнеописанія Фельдмаршала, составленныя его сыномъ, также Галемомъ, Гемпелемъ; Магазинъ Бишинга 3 часть. Обзоръ Гл. Произ. въ Россіи, Г. Вейдемейера, ч. 2.

79. »Главнѣйшею побудительною причиною заключить миръ съ Портою (7 Септ. 1739 г.) было дурное къ ней расположеніе Швеціи, которая съ самаго начала Турецкой войны внушала ей опасенія своими военными приготовленіями; она тайно дѣйствовала противъ Россіи, просила денежныхъ пособій отъ Порты, чтобы учинить нападеніе на границы Россійскія и тѣмъ сдѣлать диверсію въ пользу Турціи. Швеція посылала даже въ Константинополь оружія. Боялись, чтобы ея войска не напали вдругъ со стороны Финляндіи въ то время, какъ Россійскія дѣйствовали противъ Турокъ и Татаръ. Справедливыя опасенія на счетъ Швеціи увеличивались и разнесшимся слухомъ, о новомъ союзѣ, заключенномъ между сею державою и Портою. Россійскій въ Стокгольмѣ Министръ Бестужевъ увѣдомилъ, что Маіоръ Сенклеръ послалъ въ Константинополь за ратификацiею сего трактата. По сему случаю предписано было Графу Миниху отправить нѣсколько избранныхъ Офицеровъ съ нижними

чинами въ Польшу, чтобы захватить у Сенклера бумаги. Они получили отъ Петербургскаго Министерства инструкцію для исполненія сего предпріятія; но преступивъ данныя имъ приказанія, умертвили Сенклера. Въ бумагахъ его не найдено ничего важного. Императрица приказала чрезъ своихъ Министровъ объявить при Иностранныхъ Дворахъ, что злодѣйство сіе учинено противъ ея воли. Виновники получили достойное наказаніе и сосланы въ Сибирь.« — *Извлеченіе изъ Соч. Г. Вейдемейера, Обзоръ Гл. Происш. въ Россіи*, часть 2. стр. 93 и 94.

Ратификація мирнаго договора Россіи съ Портою, учиненная въ Константинополѣ въ Январѣ 1740 года, привезена въ Петербургъ въ началѣ Февраля. Миръ былъ празднованъ съ такимъ великолѣпіемъ, какого въ Россіи до тѣхъ поръ не бывало. Войска, возвратившіяся изъ похода противъ Турокъ, имѣли торжественный входъ въ Санкпетербргъ, подъ предводительствомъ Густава Бирона, съ музыкою, съ распущенными знаменами. Шляпы у рядовыхъ были украшены дубовыми, а у Офицеровъ лавровыми вѣтвями. 15 Февраля два Герольда, при звукѣ трубъ и литавръ, объявили въ главнѣйшихъ улицахъ о заключеніи мира, кидая въ народъ золотые и серебреные жетоны.

Обыкновенный подушный сборъ сложенъ былъ за первые шесть мѣсяцевъ 1740 года. Многіе осыпаны были наградами въ день торжества. Главнѣйшія получили— Биронъ, большой золотой, осыпанный брилліантами бокалъ, въ коемъ находился Указъ о выдачѣ ему 500,000 руб. Супруга его орденъ Св. Екатерины, а два сына

ордена Св. Андрея Первозваннаго. Графъ Минихъ назначенъ Подполковникомъ Преображенскаго полка получилъ шпагу, осыпанную брилліантами, орденъ Св. Андрея Первозваннаго и пенсіонъ въ 5000 руб. Графу Ласси пожалована шпага съ брилліантами и 3000 руб. пенсіона. Александръ Ивановичь Румянцевъ получилъ осыпанную брилліантами шпагу и достоинство Украинскаго Статгальтера.

На другой день Императрица собственноручно раздавала первѣйшимъ вельможамъ золотыя медали и повелѣла бросать народу залотые и серебреные жетоны.

80. Фридрихъ Великій, въ своихъ сочиненіяхъ, во многихъ мѣстахъ называетъ Миниха: Prince Eugene du Nord; Prince Eugene des Moscowites.

81. »Анна Леопольдовна, была дочь сестры Анны Іоанновны Герцогини Мекленбургской; мать привезла ее въ Россію четырехъ лѣтъ. Анна Іоанновна приняла племянницу вмѣсто дочери, имѣла къ ней величайшую привязанность; наставила ее въ Греческомъ законѣ и назвала ее своимъ именемъ.«

»Антонъ Ульрихъ былъ призванъ въ Россію въ 1733 году, будучи 19 лѣтъ, и произведенъ въ Полковники Кирасирскаго полка. Онъ былъ наилучшаго характера и превосходнѣйшихъ качествъ. Повелительная власть Герцога Курляндскаго сдѣлала его въ Государственныхъ дѣлахъ робкимъ.«

82. »Эрнстъ Іоганъ Биронъ, изъ Г-на Бирена или Бюрена, какъ собственно называлась его фамилія, изъ Курляндскаго мѣщанскаго сына, сдѣлался Курляндскимъ Герцогомъ. Дѣдъ его былъ егеремъ въ одномъ дворянскомъ помѣстьѣ въ Курляндіи; а отецъ его въ Польской службѣ дослужился до Поручика. По другимъ извѣстіямъ, Бироновъ дѣдъ былъ у Курляндскаго Герцога Якова III Оберъ-Шталмейстеромъ и получилъ за вѣрную свою службу отъ Государя небольшой подмызокъ. Сынъ его будучи Поручикомъ, ѣздилъ съ младшимъ Принцомъ Герцога Александра, въ должности Шталмейстера, въ Венгрію, въ походъ противъ Турокъ. Молодой Принцъ въ 1686 году убитъ былъ подъ Будою; а спутникъ его Биронъ возвратился въ Курляндію и былъ пожалованъ въ Оберъ-Егермейстеры. Сынъ его, Эрнстъ Іоганъ родился въ 1689 году, и былъ записанъ въ Кенигсбергскій Университетъ, который по юношескимъ распутствамъ принужденъ былъ прежде времени и противъ своей воли, оставить. Въ 1714 году онъ явился въ Петербургъ и домогался у Принцессы Шарлоты, супруги Царевича Алексѣя Петровича, пажеской должности; но получивъ отказъ, поѣхалъ обратно въ свое отечество, и посредствомъ Оберъ-Гофмейстера, Графа Бестужева (Петра Михайловича, отца знаменитаго Вельможи при Дворѣ Императрицы Елизаветы Петровны Алексѣя Петровича) достигъ до того, что его приняли въ пажи ко вдовствовавшей Герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которая имѣла свое пребываніе въ Митавѣ. Это былъ первый шагъ къ будущему его возвышенію; сдѣлавшись пажемъ, принялъ онъ фамилію *Фон-Бирона*. Плѣняющій нравъ и умные поступки пажа понрави-

лись Аннѣ Іоанновнѣ. Она въ 1722 году сочетала его бракомъ съ фрейлиною Фон-Трейденъ и скоро потомъ пожаловала Камеръ-Юнкеромъ. Въ семъ чинѣ отправила его въ 1725 году Посланникомъ въ Петербургъ къ Императрицѣ Екатеринѣ I, съ поздравленіемъ о возшествіи ея на престолъ; каковое посольство доставило ему Каммергерскій ключь. Въ 1730 году Анна Іоанновна избрана была Императрицею. Перемѣна эта составила счастіе Г-ну Бирону. Онъ прямо во время коронаціи изъ Каммергеровъ пожалованъ былъ кавалеромъ и Оберъ-Каммергеромъ. Императоръ Карлъ VI, дабы пріобрѣсть Австрійскому Двору благосклонность новой Императрицы, пожаловалъ Бирона въ Графское достоинство Римской Имперіи. Онъ былъ принятъ и въ Курляндское рыцарство, и въ 1737 году, милостію Императрицы Анны объявленъ Курляндскимъ Герцогомъ, въ качествѣ коего онъ жилъ по большой части въ Петербургѣ, гдѣ съ нимъ обходились какъ съ Принцемъ крови. Великая довѣренность Государыни къ Бирону, духъ его склонный къ интригамъ и чрезмѣрная гордость были всѣмъ извѣстны и страшны. Дерзость, съ каковою онъ часто обходился даже съ своею повелительницею, неимовѣрна; жестокости его не слыханны. При вступленіи но престолъ Императрицы Анны было Государственныхъ податей въ недоимкѣ нѣсколько милліоновъ. Биронъ примысливъ сими деньгами безъ огласки воспользоваться, коварно Государынѣ представилъ, чтобъ ту недоимку собрать особно, не мѣшая съ прочими Государственными доходами. Послѣдовало повелѣніе учредить для сего особыя правленія, подъ именемъ Доимочнаго Приказа и Секретной Казенной, и первому дана великая

власть. Посредствомъ всевозможныхъ понужденій взыскано недоимки въ первый годъ болѣе половины, да на платежъ процентовъ немалая сумма: А какъ за взысканіемъ недоимки настоящихъ податей нашлись многіе заплатить не въ силахъ: то и сіи, по прошествіи года, причислены къ прежней же недоимкѣ, въ вѣдомство того же Доимочнаго Приказа. И такъ каждый годъ доходы въ Приказъ сей прибавлялись; а онъ, взыскивая, отсылалъ въ Секретную Казну, гдѣ кромѣ казначея о числѣ денегъ никто не вѣдалъ, и какъ о приходѣ, такъ и разходѣ подъ смертною казнію объявлять было запрещено. Большею частію казны сей воспользовался Биронъ; однакожъ такъ искусно, что ниже имени его во взятьѣ не воспоминается; но всѣ писаны въ расходъ на особу *Ея Императорскаго Величества*. Между тѣмъ годовыя подати, расположенныя на содержаніе арміи, явились недостаточными. Сенатъ принужденъ былъ лошадей и провіантъ для арміи, сверхъ настоящаго оклада на кресшьянъ разкладывать и новую тягость на рамена ихъ возлагать. Сею хитростію доставилъ себѣ Биронъ многіе милліоны рублей, а Государство въ конецъ разорилъ. Недоимка взыскивана была съ крайнею строгостію и безъ малѣйшей пощады; отъ чего изъ пограничныхъ провинцій нѣсколько сотъ тысячь крестьянъ за границы разбѣжались и множество селеній остались пустыми.

Нѣсколько лѣтъ сряду былъ неурожай хлѣбный почти во всей Россіи. Народъ пришелъ въ несостояніе не только Государственныхъ податей платить, но и семью свою прокормить. Правительство, не взирая

на донесенія отъ воеводъ о крайнемъ неимуществѣ народа, насылало строжайшіе Указы о неослабномъ взысканіи недоимокъ; но не видя и за тѣмъ успѣховъ, разосланы были по городамъ нарочные Гвардіи Офицеры, которымъ велѣно было держать Воеводъ и Товарищей ихъ скованныхъ до тѣхъ поръ, пока взыскана будетъ вся недоимка. Отъ Воеводъ посланные съ командами солдаты, для понужденія къ платежу, боясь и сами быть истязанными, употребляли ужасныя безчеловѣчія съ крестьянами. Все, что находили у нихъ въ домахъ, яко хлѣбъ, скотъ и всякую рухлядь, продавали, лучшихъ людей забирая подъ караулъ, и каждый день поставляя всѣхъ рядомъ разутыми ногами на снѣгъ, били по щиколадкамъ и по пятамъ палками: и сіе повторяли дѣлать ежедневно, пока выплатятъ всю недоимку. Помѣщиковъ и старостъ отвозили въ городъ, гдѣ ихъ содержали многіе мѣсяцы въ тюрьмѣ, изъ коихъ большая часть съ голоду, а паче отъ тѣсноты померли. По деревнямъ повсюду слышанъ былъ стукъ ударeній палочныхъ по ногамъ, крикъ сихъ мучимыхъ, вопль и плачь женъ ихъ и дѣтей, гладомъ томимыхъ. Въ городахъ бряцанія кандаловъ, жалобные гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ, воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, бѣжавъ съ женами и съ дѣтьми, поселилися въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи. Непомѣрной строгости сего взысканія главною причиною былъ Биронъ. Извѣстіе о семъ разнеслось по всему Государству, и началомъ было общей всѣхъ ненависти къ нему. Жалобы, неудовольствія и ропотъ дошли до ушей его; желая оное пресѣчь, употребилъ онъ средства, сродныя его природѣ: средства прещенія

и казни. Повсюду разосланы были лазутчики, кои днемъ и почью подслушивали разговаривающихъ между собою, идущихъ по улицамъ и сѣдящихъ въ домахъ. Въ столицахъ не смѣлъ никто, сошедшися съ пріятелемъ своимъ, остановиться на нѣсколько минутъ и поговорить, страшася, чтобъ не сочли разговоръ ихъ подозрительнымъ, и не взяли бы обоихъ подъ караулъ. Опасался мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью промолвить о бѣдственномъ состояніи своемъ, чтобъ изъ домашнихъ кто, подслушавъ, не донесъ. Прощаяся между собою, родственники, или пріятели, отходя каждый въ свой домъ, не иначе другъ о другѣ думали, что прощаются на вѣчность: ибо никто не былъ увѣренъ, что проснется на той же постелѣ, на которой съ вечера легъ. Рѣдкая ночь проходила, чтобъ, кто ни есть изъ живущихъ въ городѣ, не пропалъ безвѣстно, да и не смѣли спрашивать, куда онъ дѣвался. На всѣхъ лицахъ изображенъ былъ страхъ, уныніе, отчаяніе; ни одинъ человѣкъ не былъ удостовѣренъ о свободѣ, о безопасности, о жизни своей ни на одинъ часъ. Слыша, какъ безчеловѣчно мучимъ былъ Волынской, и многіе другіе прежде и послѣ его безвинно пострадавшіе, отъ ужаса волосы дыбомъ станутъ, сердце отъ жалости стѣснится, кровь отъ ярости и досады закипитъ, какимъ подлымъ тираномъ, каковъ былъ Биронъ, чрезъ столько лѣтъ Россія была томима! колико честныхъ и добродѣтельныхъ людей имъ перепытано; въ ссылкѣ, въ бѣдности и страданіи поморено, казнено, и оставшихъ ихъ семействъ ограблено и посрамлено! *Тамъ же, отъ стр. 468, до 470.*

83. Содержаніе этого акта слѣдующее: »По случаю того, что назначенный Императрицею преемникъ, Внукъ ея Іоаннъ Антоновичъ, можетъ вступить на Престолъ въ такомъ возрастѣ, который не позволитъ ему еще управлять Государствомъ, то до того времени, какъ минетъ ему 17 й годъ, Государыня назначаетъ Регентомъ Герцога Курляндскаго и Семигальскаго Ернеста Іоанна Бирона, и даетъ ему полную власть управлять во время его Регентства, какъ всѣми внутренними, такъ и внѣшними дѣлами Россійской Имперіи, слѣдуя въ точности законамъ и указамъ Петра Великаго и Ея Императрицы Анны Іоанновны; что Регентъ долженъ имѣть попеченіе о воспитаніи малолѣтнаго Монарха; всѣ договоры и союзы, которые онъ заключитъ съ какою либо Державою, должны имѣть ту же силу, какъ бы заключенные при самой Государынѣ, и преемникъ ея обязанъ ихъ наблюдать свято. Отъ Регента будетъ зависѣть, въ слѣдствіе ввѣренной ему власти, дѣлать распоряженія, какія онъ найдетъ полезными для Россійской Имперіи касательно содержанія Сухопутнаго и Морскаго войска, управленія Государственною казною, раздачи наградъ за оказанныя Отечеству услуги и вообще по всѣмъ Государственнымъ дѣламъ. Въ случаѣ, если Іоаннъ Антоновичъ скончается до совершеннолѣтія и послѣ него не будетъ законныхъ наслѣдниковъ, преемниками его будутъ по первородству родные его братья, рожденные отъ Принцессы Анны, въ малолѣтство коихъ также будетъ править Государствомъ Герцогъ Курляндскій; но если бъ случилось, что не только Великій Князь Іоаннъ Антоновичъ, но и его братья скончались, не оставя по себѣ законныхъ наслѣ-

дниковъ, то для постояннаго блага Россійской Имперіи, Регентъ съ первѣйшими сановниками Государства, по общему ихъ согласію, долженъ избрать наслѣдника Россійскаго Престола; каковое избраніе должно быть принято какъ бы самою Императрицею сдѣланное. Государыня не сомнѣвается, что назначенный ею Регентъ, оказывавшій ей въ теченіе многихъ лѣтъ свое усердіе и вѣрность, будетъ имѣть къ оставшейся Императорской Фамиліи должное уваженіе и прилагать попеченіе о производствѣ приличнаго сану ея содержанія; но такъ какъ Герцогъ Курляндскій рѣшился принять бремя правленія изъ приверженности къ Императрицѣ и любви къ Ея подданнымъ, то и Государыня съ своей стороны соглашается, чтобы въ случаѣ, ежели онъ по особымъ причинамъ или по тяжести сего бремени, захочетъ отъ него отказаться, учредилось по общему совѣщанію и согласію первѣйшихъ Государственныхъ сановниковъ правленіе, которое бы для пользы Россіи существовало до вышеозначеннаго совершеннолѣтія Ея преемника. Тогда будетъ въ волѣ Регента остаться въ Россіи или возвратиться въ свое Государство; при чемъ помянутые сановники обязаны оказать ему всякое вспомоществованіе.»

Заимствовано изъ сочиненія Г. Вейдемейера: *Обзоръ Главн. Произшеств. въ Россіи,* Часть II, стр. 122—125.

84. Родители Императора, Вельможи, Дворянство, Гвардія, всѣ были недовольны Регентомъ. Замѣчая это Биронъ однажды увидавшись съ Герцогомъ Антономъ Ульрихомъ, замѣтилъ ему, что вѣроятно онъ

не будетъ никогда врагомъ его, но что онъ надѣется отъ Родителя Императора вспомоществованія къ прекращенію безпорядковъ и волненій. Герцогъ Антонъ Ульрихъ отвѣчалъ ему только »будьте увѣрены, что я не былъ и не буду зачинщикомъ; впрочемъ я ни чѣмъ пособить не могу.« Изумленный Регентъ поѣхалъ обратно въ свой дворецъ и велѣлъ немедленно собрать Министровъ и лучшихъ придворныхъ особъ, также Фельдмаршала Миниха, Принца Гессен-Гомбургскаго и проч. Онъ пересказалъ имъ о своемъ разговорѣ съ родителемъ Императора и велѣлъ внести объ этомъ въ протоколъ. Брауншвейгскій Министръ былъ свидѣтелемъ. Скоро пріѣхала къ Регенту Анна Леопольдовна. Онъ разсказалъ ей о своемъ разговорѣ съ ея супругомъ. Она приняла на себя видъ, будто сожалѣетъ о поступкѣ своего супруга и увѣрила Регента, что ничего важнаго не знаетъ. Однако чрезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора, Принцъ Антонъ Ульрихъ явился въ собраніе Министровъ и объявилъ, что »онъ слагаетъ съ себя всѣ чины и достоинства.« Регентъ легко могъ заключить объ опасности своего положенія; но могущество, надежды, всегда сбывавшіяся, наружная преданность окружавшихъ его, все его успокоивало и удаляло опасенія. Между тѣмъ при дворѣ Герцога Ульриха производились тайныя совѣщанія. Фельдмаршалъ Минихъ досадовалъ на Бирона за то, что не былъ произведенъ въ Генералиссимусы. Все это ускоряло паданіе временщика. 8 Ноября, Минихъ, по обыкновенію пріѣхалъ къ Принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и нашедъ ее одну, воспользовался симъ случаемъ, чтобы съ жаромъ изобразить ей бѣдственное положеніе Россіи подъигомъ

жестокаго Бирона, и представить опасность собственно ей угрожающую, если правленіе останется долѣе въ рукахъ ненасытимаго честолюбца. Принцесса съ своей стороны жаловалась ему на непріятное свое положеніе. Минихъ вызвался предать въ ея власть Бирона низверженнымъ. Принцесса съ радостію приняла это предложеніе; Минихъ просилъ ее дозволить приступить безъ малѣйшаго отлагательства къ исполненію онаго; а чтобы заставить гвардейскихъ солдатъ принять участіе въ этомъ, убѣдилъ Принцессу лично присутствовать при совершеніи сего предпріятія. Положили, чтобы Минихъ въ наступающую ночь прибылъ въ зимній дворецъ и взялъ съ собою нужное число солдатъ. Принцесса дала ему обѣщаніе никому не открывать этой тайны, не исключая и своего супруга; послѣ сего Фельдмаршалъ поѣхалъ прямо къ Бирону и остался у него обѣдать. Тамъ находился и Оберъ-Гоф-Маршалъ Графъ Левенвольдъ. Всѣ были веселы и довольны и ни малѣйшаго вида недовѣрчивости примѣтно не было: между тѣмъ какъ Минихъ розсказывалъ о своихъ походахъ противъ Турокъ, Левенвольдъ, перебивъ его рѣчь, спросилъ »*а совершалъ ли когда Фельдмаршалъ походы ночью?*« Минихъ подумалъ, что ему измѣнили. Смущеніе его еще болѣе увеличилось, когда вдругъ Герцогъ всталъ со стула и пристально посмотрѣлъ на него. (Въ самомъ дѣлѣ Еврей Липманнъ, Оберъ-гофъ-Коммиссаръ и главный шпіонъ Бирона извѣстилъ его о какомъ-то заговорѣ, хотя и не успѣлъ еще развѣдать объ участникахъ). Минихъ хотѣлъ было, какъ пишетъ сынъ его, броситься къ ногамъ Герцога и во всемъ признаться ему, но ободрившись,

сталъ разсказывать о ночномъ своемъ походѣ противъ Турокъ, успѣлъ истребить подозрѣніе и оставилъ Герцога въ весьма хорошемъ расположеніи духа. Въ тотъ же вечеръ молодая Графиня Минихъ, невѣстка Фельдмаршала, не имѣя ни малѣйшаго свѣденія и намѣреніи свекра своего, пріѣзжала къ Герцогинѣ, ужинала съ Регентомъ и почти до полуночи пробыла съ ними. Прощаясь съ Графинею, Биронъ поручилъ ей сказать Фельдмаршалу, что послѣ погребенія тѣла Императрицы, онъ получитъ такой подарокъ, что въ состояніи будетъ заплатить всѣ долги свои.

Однако Минихъ не разсудилъ дожидаться этого подарка: въ два часа пополуночи, въ сопровожденіи своего Адьютанта Манштейна, поѣхалъ во дворецъ и чрезъ нарочно оставленныя незапертыми ворота вошелъ въ покои Фрейлины Юліаны Менгденъ (родной сестры Графини Минихъ, невѣстки Фельдмаршала). Менгденъ въ туже минуту пошла разбудить Правительницу. Минихъ сказалъ, что насталъ часъ рѣшить судьбу Бирона и снова убѣждалъ ее лично присутствовать при этомъ; но не успѣвъ къ этому склонить ее, просилъ позволенія, по крайней мѣрѣ, представить ей караульныхъ Офицеровъ, и изустно объявить имъ свою волю. На это Анна Леопольдовна согласилась, и когда Офицеры вошли, она сказала имъ: »Вамъ извѣстны оскорбленія, нанесенныя Государю вашему, мнѣ и моему супругу. Наглость Регента ежедневно возрастаетъ; терпѣніе мое истощилось и я рѣшилась наказать властолюбца. Твердо надѣюсь, что вы, господа, руководимые одною честію, не отрѣ-

четесь оказать мператору и родителямъ его важнѣйшей услуги: взять подъ стражу Бирона, котораго насиліе и жестокости терзаютъ наше отечество. И такъ прошу васъ слѣдовать за Фельдмаршаломъ и съ ревностію исполнить всѣ его приказанія. Вѣрность и усердіе ваши получатъ достойное награжденіе.» Послѣ этого Офицеры были допущены къ рукѣ и Минихъ взявъ ихъ съ собою и 80 чел. солдатъ, отправился въ Лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ Биронъ. Тамъ караулъ состоялъ изъ 300 человѣкъ, Преображенскаго полка, Шефомъ котораго былъ Минихъ. Однако по благоразумной осторожности, не доходя шаговъ двѣсти до дворца, Фельдмаршалъ послалъ одного Офицера съ приказаніемъ караульному Капитану немедленно явиться къ нему съ двумя Офицерами, что они тотчасъ и исполнили. Онъ объявилъ имъ о причинѣ своего прихода, приказалъ соблюдать тишину и приказать часовымъ не сходить съ мѣстъ своихъ. Все это было исполнено въ точности. Тогда Минихъ приблизился къ самому подъѣзду, отрядилъ Манштейна съ однимъ Офицеромъ и 20 рядовыми арестовать Бирона. Манштейнъ войдя во дворецъ, приказалъ своему отряду слѣдовать за нимъ издалека, безъ малѣйшаго шума; всѣ часовые, по данному имъ приказанію, пропустили его безъ всякаго сопротивленія. Пройдя нѣсколько комнатъ, онъ былъ въ недоумѣніи, куда итти, ибо не зналъ, гдѣ находится спальня Регента, а спросить у служителей, находившихся въ передней, не хотѣлъ, чтобы не произвести тревоги. Подумавъ нѣсколько, онъ рѣшился итти наудачу—и пройдя еще двѣ комнаты, очутился предъ двѣрью, запертою ключемъ изнутри; но по оплошно-

сти служителей она не была примкнута задвижками, такъ что Манштейну легко было отворить ее. Увидѣвъ большую постель, на которой Герцогъ съ своею супругою спалъ крѣпкимъ сномъ, онъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсъ и сказалъ громко, »что Именемъ Императора беретъ Его Свѣтлость подъ арестъ.« Герцогъ и Герцогиня вскочили въ однихъ сорочкахъ, начали кричать изъ всей силы. Манштейнъ, находясь съ той стороны кровати, гдѣ спала Герцогиня и видя, что супругъ ея соскочилъ на полъ, и нагнулся, вѣроятно для того, чтобы спрятаться подъ кровать, бросился на него и держалъ до тѣхъ поръ пока прибыли солдаты. Въ то время какъ Манштейнъ хотѣлъ передать Бирона своимъ подчиненымъ, онъ успѣлъ вырваться, отбиваясь во всѣ стороны. Но солдаты нанесли ему нѣсколько ударовъ ружейными прикладами, повалили его, завязали ему ротъ платкомъ, а шарфомъ стянули руки и сведя внизъ и накинувъ на него солдатскій плащь, посадили въ карету Фельдмаршала, которая ожидала его у дворцоваго подъѣзда. Въ это время Герцогиня безъ всякой одежды выбѣжала за своимъ мужемъ на улицу; солдатъ схвативъ ее, притащилъ къ Манштейну, спросилъ что съ нею дѣлать? Манштейнъ приказалъ отвести ее назадъ во дворецъ; но гренадеръ не счелъ за нужное исполнить этого приказанія, и столкнувъ ее въ снѣгъ, ушелъ за своими товарищами. Въ этомъ жалкомъ положеніи нашелъ Герцогиню караульный Капитанъ: онъ приказалъ одѣть ее, отвести въ комнаты и тамъ приставить къ ней караулъ. Между тѣмъ торжествующій Минихъ поспѣшилъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ съ донесеніемъ о счастливомъ окончаніи »его ноч-

наго похода.« Биронъ былъ преданъ суду, отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и потомъ сосланъ въ Пелымь. Въ послѣдствіи онъ переведенъ былъ въ Ярославль, откуда возвратилъ его уже Императоръ Петръ III, дозволивъ ему опять возложить на себя и орденъ Андрея Первозваннаго. Императрица Екатерина II возвратила ему и Герцогскую корону. Онъ умеръ въ 1772 году, уступивъ Герцогскую корону за три года до своей смерти, старшему своему сыну Петру. Во дворцѣ Бирона найдено было разныхъ драгоцѣнностей и наличныхъ денегъ болѣе нежели на четырнадцать милліоновъ. Также приняты были надлежащія мѣры для вытребованія огромныхъ капиталовъ, положенныхъ Герцогомъ въ иностранные банки. Въ тотъ же день были арестованы братья Герцога, Генералъ Бисмаркъ и другіе. *См.* Geschichte Ernst Johan von Biron, Herzogs zu Kurland und Semigalien, in verschiedenen Briefen entworfen; Записки Графа Миниха, сына Фельдмаршала; также жизнеописанія Фельдм. Миниха, Галемы и Гемпеля, Büsching's Magazin, Томъ III, Motifs de la disgrace d'Ernest Jean de Biron.

85. *См.* Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie, соч. Фельдмаршала Миниха.

86. Швеція объявила войну Россіи 3 Іюля 1741 года. Главнѣйшими причинами при этомъ случаѣ выставлены были: умерщвленіе Сенклера; запрещеніе вывоза изъ Финляндіи хлѣба и устраненіе Цесаревны Елизаветы Петровны отъ престола.

87. Главнокомандующимъ войсками, назначенными въ походъ противъ Швеціи былъ Фельдмаршалъ Ласси.

Къ арміи прибылъ онъ 20 Августа 1741. Чрезъ лазутчиковъ Фельдмаршалъ узналъ, что у непріятеля было въ близкомъ разстояніи отъ Вильманштранда два корпуса войскъ, каждый изъ четырехъ тысячь человѣкъ; что остальныя войска находятся еще въ пути и что самъ главнокомандующій Шведскою арміею, Графъ Левенгауптъ, не могъ еще прибыть къ оной. Фельдмаршалъ хотѣлъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы овладѣть Вильманштрандомъ, укрѣпленнымъ городкомъ, въ коемъ находилось до шести сотъ человѣкъ гарнизона. На помощь сему городку подступилъ одинъ изъ упомянутыхъ корпусовъ, подъ командою Генералъ-Маіора Врангеля. 22 Августа Русскіе напали на этотъ корпусъ и взяли Вильманштрандъ приступомъ, при чемъ самъ Врангель, нѣсколько Штабъ-и Оберъ Офицеровъ и 1200 рядовыхъ взяты въ плѣнъ. 12 пушекъ, мортира и нѣсколько знаменъ увеличили трофеи побѣдителей. Русскихъ въ этомъ дѣлѣ было около десяти тысячь; Шведовъ съ небольшимъ пять, изъ коихъ три тысячи убито. Послѣ этой побѣды Русскіе расположились на зимнихъ квартирахъ.

88. *См.* Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка, соч. Ив. Болтина, Т. II., стр. 493.

89. Графъ Остерманъ первый увѣдомилъ Правительницу о тайныхъ совѣщаніяхъ противъ ея особы и юнаго Императора, и убѣждалъ принять нужныя мѣры. Она выслушала его безъ вниманія и, какъ пишетъ Манштейнъ, показала ему новое платье, сшитое для Императора. Вскорѣ получено было подробное увѣдомленіе о томъ же изъ чужихъ краевъ. Правительница встревожилась и думая, что ласками и крото-

стію она заставитъ Цесаревну отстать отъ своего намѣренія взойти на престолъ, если она такое имѣетъ, во время бывшаго при Дворѣ съѣзда 23 Ноября, вышла изъ общей залы въ свои комнаты и приказала Баронессѣ Маріи Аврорѣ Менгденъ (которая впослѣдствіи была за мужемъ за Графомъ Лестокомъ), позвать къ ней Цесаревну Елизавету Петровну, игравшую тогда въ карты. Цесаревна тотчасъ оставила игру и тѣмъ возбудила общее вниманіе. Анна Леопольдовна сказала ей, что имѣетъ много свѣденій о ея поступкахъ; что ей извѣстны самыя совѣщанія ея врача Лестока съ Французскимъ Посланникомъ, коихъ цѣль есть опасный заговоръ противъ ея Фамиліи; Правительница прочла ей даже письмо полученное ею изъ Бреславля и присовокупила, что до сихъ поръ она не хотѣла вѣрить симъ доносамъ; но ежели получитъ еще увѣдомленія, то вынуждена будетъ арестовать Лестока, и узнаетъ отъ него истину. Цесаревна не пришла въ замѣшательство отъ этого разговора; напротивъ увѣряла Правительницу, что и не думала что либо предпринимать противъ нея или Императора; что она не можетъ нарушить учиненной ею присяги; что въ доносахъ сихъ видитъ желаніе вроговъ своихъ погубить ее; что Лестокъ никогда не бывалъ въ домѣ Французскаго Посланника (это была совершенная правда, ибо свиданія ихъ происходили въ другихъ мѣстахъ); что ежели Ея Высочество прикажетъ арестовать Лестока, то тогда скорѣе удостовѣрится въ ея невинности. Цесаревна при этомъ заплакала и такъ искусно умѣла скрыть свои намѣренія, что Правительница сама тронулась до слезъ и увѣрилась, что все сказанное ей на счетъ

Цесаревны, было несправедливо. Послѣ этого свиданія вошелъ супругъ Правительницы и сталъ говорить ей, что имѣетъ вѣрныя свѣденія о дѣйствіяхъ Цесаревны и потому намѣренъ арестовать Лестока и разставить пикеты по улицамъ. Но Правительница не согласилась на это, сказавъ, что она отвѣчаетъ за невинность Цесаревны.« *Заимствовано изъ соч. Г. Вейдемейера Обз. Глав. произш. Томъ III, стр. 72.*

90. »На другой день свиданія Елизаветы Петровны съ Правительницею на придворномъ балѣ, Лестокъ, по обыкновенію пришелъ къ Цесаревнѣ, подалъ ей аллегорическую картинку, на которой съ одной стороны изображена была она въ коронѣ, а съ другой въ монашескомъ покрывалѣ, окруженная орудіями пытки и висѣлицами. »Избирайте, Государыня, сказалъ онъ ей, быть Императрицею, или страдать въ монастырскомъ заточеніи и видѣть погибель людей, Вамъ преданныхъ.« Цесаревна наконецъ рѣшилась и назначила наступающую ночь для исполненія своего предпріятія.» См. тамъ же стр. 75.

Графъ Германъ Лестокъ, сдѣлавшійся столь достопримѣчательнымъ по участію въ возведеніи на Всероссійскій Престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, родился 29 Апрѣля 1692 года. Онъ былъ сынъ Французскаго уроженца, служившаго фельдшеромъ въ гвардіи Ганноверскаго Курфирста. Отецъ отдалъ было его учиться своему ремеслу; но оно ему не понравилось, и онъ возвратился домой; по безпокойному характеру ему трудно было жить и въ родительскомъ домѣ. Однако онъ не имѣлъ недостатка въ дарованіяхъ и твердо надѣялся самъ собою проложить себѣ дорогу къ счастію. Во время послѣдняго

путешествія Петра Великаго чрезъ Германію, Лестоку посчастливилось определиться въ придворный штатъ Императрицы Екатерины лекаремъ; въ 1717 году на двадцать второмъ году онъ пріѣхалъ въ Россію. Однако скоро (1718) былъ сосланъ Петромъ Великимъ въ Казань, »за распутное поведеніе« по словамъ Штелина, а по увѣренію Бюшинга »по ложному оговору.« Императрица возвратила его изъ ссылки въ 1725 году и велѣла находиться при Цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. По кончинѣ Петра II, Лестокъ совѣтовалъ Великой Княжнѣ, собравъ Гвардію, явиться предъ народомъ, и потомъ заставить Сенатъ признать неоспоримыя права ея на наслѣдіе Престола; но болѣзнь или, какъ увѣряетъ Манштейнъ, робость воспрепятствовали ей привести въ исполненіе это намѣреніе. Въ десятилѣтнее Государствованіе Анны Іоанновны Лестокъ не имѣлъ никакого значенія. Между тѣмъ благородные поступки, острый разумъ и веселый нравъ его доставили ему входъ въ дома первѣйшихъ Вельможъ и пріобрѣли обширное знакомство. Онъ посѣщалъ также и домъ Французскаго Посланника Маркиза де ла Шетарди. Малолѣтство Императора Іоанна Антоновича и безпечность Правительницы внушили Лестоку прежнюю мысль: онъ неотступно убѣждалъ Цесаревну вступить на Престолъ. Убѣжденія его были наконецъ увѣнчаны успѣхомъ; младенецъ Іоаннъ лишился престола и Лестокъ пожалованъ былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Лейбъ-Медикомъ, Президентомъ Медицинской Коллегіи и награжденъ портретомъ Ея Величества, осыпаннымъ брилліантами, и кромѣ единовременнаго денежнаго награжденія, ежегоднымъ пенсіономъ въ 7000 р. Быстрое возвыше-

ніе устрашало Лестока: онъ готовъ былъ довольствоваться одною денежною наградою, желалъ удалиться изъ Россіи; но былъ успокоенъ Императрицею. Въ 1744 г. Императоръ Карлъ VII прислалъ ему дипломъ на Графское достоинство. Сначала Лестокъ занимался лишь медицинскою частію; но когда Императрица стала иногда совѣщаться съ нимъ о Государственныхъ дѣлахъ, самонадѣянность овладѣла имъ и онъ вступилъ на скользкое поприще дипломата. По ходатайству Лестока, Графъ Бестужевъ-Рюминъ возведенъ былъ (въ 1741) въ достоинство Вице-Канцлера; тѣсная дружба соединяла ихъ; но Императрицѣ извѣстенъ былъ властолюбивый нравъ этого Министра и она сказала Лестоку *»ты не думаешь о послѣдствіяхъ, связываешь на себя пукъ розогъ«* Исполнилось предсказаніе. Бестужевъ съ завистію смотрѣлъ на довѣренность Государыни къ Лейбъ-Медику, не могъ простить ему, что онъ вмѣшивался въ дипломатическія дѣла, бралъ сторону Королей Французскаго, и особливо Прусскаго. Бестужевъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ Лестока и оклеветалъ его предъ Императрицею. 13 Ноября 1748 года Лестокъ былъ арестованъ, отправленъ 17 числа, вмѣстѣ съ женою (урожденною Фонъ-Менгденъ), въ Петропавловскую крѣпость. Онъ былъ обвиненъ въ непозволенной перепискѣ съ Прусскимъ и Французскимъ Королями и въ намѣреніи будто бы возвести но престолъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича. Весь домъ его обыскали; однакожъ не нашли ничего, могшаго подтвердить доносъ. Между тѣмъ Лестокъ былъ преданъ суду, Президентомъ котораго былъ первый доносчикъ на подсудимаго, Степанъ Ѳедоровичь Апраксинъ.

Обвиненный лишился чиновъ и имѣнія. Прекрасный домъ его былъ подаренъ, со всѣми драгоцѣнными вещами и серебромъ, Апраксину. *Многіе*, говоритъ Бюшингъ, *дѣлились этою добычею.* Невинный Лестокъ около пяти лѣтъ томился въ заключеніи и наконецъ (1753г.) былъ сосланъ въ Устюгъ. Графиня Лестокъ, освобожденная отъ наказанія и награжденная особливымъ пенсіономъ, охотнѣ послѣдовала за мужемъ въ ссылку, откуда онъ былъ освобожденъ уже Императоромъ Петромъ III, возвратившимъ Лестоку чины и Графское достоинство. Имѣніе его было розхищено: изъ сорока тысячь рублей, отобранныхъ у Лестока при взятіи подъ стражду, онъ получилъ только одиннадцать тысячь, а въ остальныхъ ему поданъ былъ счетъ, въ которомъ между прочимъ показано, что *на чернила, перья и бумагу* вышло по его дѣлу *около восьми сотъ рублей.* Лестокъ послѣ часто шутилъ надъ похитителями его имѣнія и показывалъ друзьямъ своимъ *драгоцѣнный счетъ.* Онъ умеръ въ 1767 году, облагодѣтельствованный Императрицею Екатериною II. См. *Записки Манштейна и Магазинъ Бюшинга* Т. 2.

91. Первоначально склонены были 12 челов. гренадеровъ Преображенскаго полка. Главный изъ нихъ былъ, по повѣствованію Бюшинга, Іоаннъ Грюнштейнъ, прежде занимавшійся торговлею, и лишившійся всего своего имущества по несчастнымъ обстоятельствамъ, отъ чего записался и въ солдаты. Онъ уговорилъ другихъ принять сторону Цесаревны и число ихъ непримѣтно увеличилось до 30 чел.

92. Французскій Посланникъ, полагаясь на обѣщанія Цесаревны, хотѣлъ однакоже для обезпеченія

своихъ требованій, чтобы Шведы приблизясь къ берегамъ Невы, силою оружія споспѣшествовали возведенію на Престолъ Елизаветы Петровны и за свое содѣйствіе вѣрнѣе получили награду. Маркизъ мечталъ самовластно господствовать при Русскомъ Дворѣ—но событіе совершилось скорѣе, нежели онъ ожидалъ и мечты разлетѣлись какъ дымъ.

93. «Принцъ Антонъ Ульрихъ съ супругою его Принцессою Анною, льстясь Всероссійскій Престолъ удержать сыну своему по тѣмъ обѣимъ опредѣленіямъ» (т. е. о назначеніи Іоанна Антоновича наслѣдникомъ Императорскаго престола и о регентствѣ Бирона) »съ подпискою ихъ рукъ присягали; но потомъ, какъ уже всему свѣту извѣстно есть, помощію Остермана, Миниха и Михайлы Головкина, презря упоминаемую учиненную свою присягу, то о правительствѣ опредѣленіе нарушили, и правительство Нашей Имперіи въ свои руки подъ именемъ той Мекленбургской Принцессы супруги Принца Браупшвейгъ-Люнебургскаго Анны насильствомъ взяли, и чрезъ то самое себя означенная Принцесса титулъ (ни мало ей не подлежащій), Великой Княгини Всероссійской принять не устыдилася, отчего, какъ то всѣмъ же довольно извѣстно есть, не токмо не малыя въ нашей Имперіи непорядки и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ крайнія утѣсненія и обиды уже явно послѣдовать началися, но еще и къ вящему Нашей собственной Персонѣ утѣсненію и опасности, частоупоминаемыми Остерманомъ и Головкинымъ съ ихъ Принца Антона Ульриха и супруги его Принцессы Анны согласія, сочинено нѣкоторое къ конечному Насъ отъ Нашего законнаго и по правамъ всего свѣта, къ тому же и по крови подле-

жащаго наслѣдія Всероссійскаго Престола отрѣшенію, отмѣнное о наслѣдствіи Нашей Имперіи опредѣленіе, которымъ и самое ее Принцессу Анну въ Императрицы Всероссійскія еще и при жизни сына ея Принца Іоанна, утверждать отважнвалися.« *См. Манифестъ Ноября 29 дня, 1741 года.*

94. »Императрица, въ сопровожденіи Лестока и Воронцова, имѣя при себѣ не болѣе двухъ или трехъ гренадеръ, изволила поѣхать изъ своего дому въ саняхъ, прямо къ съѣзжей гренадерской роты Преображенскаго полку, въ которой нѣсколько человѣкъ гренадеръ Ея ожидали. Какъ скоро вошла къ нимъ, тотчасъ бросились они по всѣмъ казармамъ своея роты, повѣщая всѣмъ гренадерамъ, чтобы немедленно шли на съѣзжую и подтверждая притомъ, чтобы собиралисъ какъ можно тише безъ шуму. Часть изъ нихъ знали за чѣмъ наряжаются и уже были готовы; прочіе совсѣмъ не вѣдали. Въ нѣсколько минутъ собралось ихъ близь половины; Императрица объявила имъ причину ихъ созыва и намѣреніе свое. Всѣ единодушно отвѣчали, что они желаютъ положить свои головы за нее: тутъ въ съѣзжей они и къ присягѣ приведены. Между тѣмъ, пока первые присягали, человѣкъ по человѣку и прочіе всѣ собрались и каждый съ радостію послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей. Вся рота гренадерская, состоящая въ числѣ 360 человѣкъ не выключая и унтеръ-офицеровъ, была въ собраніи; Офицерыжъ ни одинъ не зналъ, понеже ихъ домы стояли нѣсколько въ отдаленности, и слухъ о семъ до нихъ не дошелъ. На семъ мѣстѣ, гдѣ стояла Гренадерская съѣзжая, построена, по повелѣнію Императрицы, полковая

Преображенскаго полку церковь.» *См. Примѣч. Волтина Т. 2. стр. 512.*

»Солдаты учинивъ Елизаветѣ Петровнѣ присягу въ вѣрности, послѣдовали за нею въ Зимній Дворецъ. Не доходя нѣсколько, Лестокъ послалъ три отряда, каждый изъ 25 человѣкъ, чтобы арестовать Фельдмаршала Графа Миниха, Графовъ Остермана и Головкина. Съ остальными гренадерами Цесаревна пришла во дворецъ. Тамъ Лестокъ разставилъ караульныхъ у всѣхъ выходовъ, чему стоявшіе часовые не воспротивились. Потомъ безъ малѣйшаго затрудненія достигла она до дворцовой караульни. Тамъ объявила Офицерамъ о причинахъ, побудившихъ ее къ таковому поступку, и немедленно принявъ отъ нихъ присягу въ вѣрности, осталась тамъ съ Воронцовымъ (Графомъ Михайлою Ларіоновичемъ) и Лестокомъ. Между тѣмъ 30 гренадеръ посланы были на верхъ арестовать семейство Великой Княгини. Солдаты съ шумомъ войдя въ комнату, гдѣ она почивала съ супругомъ своимъ, приказали ей, именемъ Цесаревны, встать и слѣдовать за ними. Объятая страхомъ, Великая Княгиня едва имѣла время прикрыть себя и выходя, просила позволенія переговорить съ своею теткою; но въ этомъ ей отказали. Принцъ Антонъ Ульрихъ, сидя на постели и предавшись всему ужасу своего положенія, видѣлъ какъ увлекали его супругу. Два гренадера взяли его, свели внизъ и посадили въ сани; потомъ солдаты прошли въ комнату юнаго Іоанна, спавшаго безмятежнымъ сномъ младенца. Имѣвъ приказаніе не будить его, они въ молчаніи дожидались около его колыбели: чрезъ часъ онъ пробудился и заплакалъ при видѣ солдатъ; дрожащая отъ страха кормилица взяла его на руки; тогда уже гренадеры

повели ихъ внизъ.« См. *Обзоръ Г. Вейдемейера, часть 3 стр.* 78 и 79.

95. Изъ числа взятыхъ при этомъ случаѣ подъ арестъ, Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, Графы Остерманъ, Галовкинъ и Рейнгольдъ Левенвольдъ, по лишеніи чиновъ и орденовъ 19 Января 1742 года сосланы въ Сибирь, гдѣ и окончили жизнь, кромѣ Миниха, возвращеннаго изъ ссылки Императоромъ Петромъ III, въ Мартѣ 1762 года.

96. Военныя дѣйствія противъ Шведовъ, начатыя при Правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, возобновились въ 1742 году. Новыя завоеванія опять прославили Русское оружіе: 29 Іюня взятъ городъ Фридрихсгамъ; 30 числа городъ Борго; Августа 7 Нейшлотъ; 16, Таврастъ; 24-го того же мѣсяца Гельзингфорсъ сдался на капитуляцію. Узнавъ здѣсь отъ Финляндскаго поселянина, что Шведы намѣрены итти къ Абову, Ласси предупредилъ ихъ лѣсною дорогой, проложенною еще Петромъ Великимъ, которую очистилъ тогда своими солдатами. Вступилъ (въ Сентябрѣ) въ столицу Княжества Финляндскаго; пресѣкъ непріятелю сообщеніе съ твердою землею; принудилъ семнадцать-тысячь Шведовъ сдаться военноплѣнными, тогда какъ армія Русская превосходила Шведскую только 500 человѣкъ. Военныя дѣйствія возобновились не прежде 1743 года. Прощаясь съ Фельдмаршаломъ Ласси, Императрица Елизавета Петровна пожаловала ему драгоцѣнный бриліантовый перстень, возложила на него золотый крестикъ съ мощами. Противные вѣтры воспрепятствовали Россійской эскадрѣ прибыть къ Гельзингфорсу прежде 2 Іюня. Море было еще покрыто льдинами во многихъ мѣстахъ близъ берега и чрезвы-

чайный холодъ увеличилъ число больныхъ въ войскѣ нашемъ. Между тѣмъ Генералъ Кейтъ одержалъ поверхность надъ Шведскими галерами. Флотъ непріятельскій, состоявшій изъ восьмнадцати кораблей и галеръ, расположился на выгодномъ мѣстѣ близъ Гангута для воспрепятствованія Фельдмаршалу Ласси соединиться съ Кейтомъ. 6 числа Фельдмаршалъ подвинулся къ Тверминду и обозрѣлъ непріятеля. Два корабля Шведскіе были поставлены на пути, по коему надлежало проходить Русскимъ галерамъ. 8 числа держанъ военный совѣтъ: рѣшено ожидать флотъ нашъ, предводимый Адмираломъ Графомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Головинымъ. 27 числа Адмиралъ подошелъ къ эскадрѣ Фельдмаршала; но не смотря на всѣ приказанія, данныя симъ послѣднимъ, не рѣшился, подъ разными предлогами, ссылаясь на Регламентъ Петра Великаго, атаковать Шведовъ, имѣвшихъ только двѣнадцать кораблей, тогда какъ подъ его начальствомъ находилось семнадцать линейныхъ и шесть фрегатовъ; наконецъ 18 числа истребовалъ онъ отъ Главнокомандовавшаго еще четырнадцать мѣлкихъ судовъ съ солдатами для нападенія на непріятеля. Шведскіе корабли снялись съ якорей, чтобы воспрепятствовать судамъ соединиться съ нашимъ флотомъ. Головинъ двинулся на встрѣчу: послѣдовало съ обѣихъ сторонъ нѣсколько выстрѣловъ; наступила ночь; Адмиралъ поплылъ къ острову Гохланду близъ Ревеля, гдѣ и пробылъ до заключенія мира. Шведы удалились къ Карлскронѣ. Если бы Адмиралъ исполнилъ безотговорочно приказанія Ласси, непріятель потерпѣлъ бы тогда страшное пораженіе. Справедливое негодованіе Императрицы и стыдъ предъ Царедворцами заставили слишкомъ осто-

рожнаго Адмирала, неумѣвшаго пользоваться обстоятельствами, сказаться больнымъ, испросить отставку и удалиться въ Гамбургъ, гдѣ онъ и скончался въ 1745 году. 23 Іюня Фельдмаршалъ прибылъ въ Суттонгу, гдѣ нашелъ эскадру Генерала Кейта. Непріятельскія галеры удалились къ Стокгольму; наши подходили къ острову Дегерби. 26 числа военнымъ совѣтомъ положено плыть до Руденгама, послѣдняго острова изъ Финляндскихъ шкеровъ, подойти къ берегамъ Швеціи и сдѣлать на оные высадку. 29 Фельдмаршалъ намѣревался выступить въ море, какъ получилъ отъ нашихъ Министровъ увѣдомленіе, что подписаны въ Абовѣ прилиминаріи мира и заключено перемиріе.

Потеря Финляндіи послужила къ обвиненію Шведскихъ Генераловъ Левенгаупта и Буденброка, кои по приговору военнаго суда были преданы казни.

97. Часть Русскихъ войскъ оставалась въ Швеціи по просьбѣ тамошняго Правительства, для прекращенія безпорядковъ и волненій, безпокоившихъ Королевство.

98. Этотъ союзъ заключенъ былъ на пятнадцать лѣтъ; къ трактату были прибавлены одинъ сепаратно-секретный и четыре сепаратныхъ артикула: a) о взаимной помощи, b) признаніи Императорскаго титула, c) возобновленіи и подтвержденіи коммерческаго трактата, заключеннаго 4 Декабря, 1734 года, d) о включеніи въ союзный договоръ Короля Польскаго, какъ Курфирста Саксонскаго, и e) Короля Прусскаго съ Республикою Голландскою. Вслѣдствіе этого союзнаго договора заключены были A) въ 1743 году Марта 16, союзный оборонительный трактатъ съ Прусскимъ Дворомъ на восьмнадцать лѣтъ, въ XIX

статьяхъ съ двумя секретными и двумя сепаратными артикулами. *Первымъ секретнымъ* объ договаривавшіяся Державы обязались стараться, чтобъ Курляндія и Семигалія оставались при своихъ древнихъ правахъ и преимуществахъ и чтобы новый Герцогъ Курляндскій былъ избранъ съ общаго согласія; *вторымъ*: чтобы Польская Республика имѣла Королей избирательныхъ. *Первымъ сепаратнымъ:* обязались защищать находившихся въ Польшѣ Диссидентовъ разныхъ вѣръ и стараться о возвращеніи имъ отнятыхъ преимуществъ; *вторымъ* Россійскому Двору не требовать отъ Прусскаго помощи противъ Турковъ, Татаръ и Персіянъ и включить Княжество Финляндское во взаимную гарантію, когда оно будетъ уступлено Россіи Швеціею — и В) въ 1744 Января 24 съ Курфирстомъ Саксонскимъ и Королемъ Польскимъ союзно-оборонительный договоръ въ XII статьяхъ, съ приложеніемъ одного секретнаго и трехъ сепаратныхъ артикуловъ, на пятнадцать лѣтъ.

99. Договоръ съ Даніею заключенъ былъ Іюня 10, 1746 года въ IX статьяхъ съ двумя секретными артикулами, на пятнадцать лѣтъ.— *Четвертою статьею* этого договора исключено изъ Генеральной гарантіи состоявшее во владѣніи Короля Датскаго Герцогство Голстинское, на которое наслѣдникъ Престола Россійскаго имѣлъ претензію; съ своей стороны, Императрица Россійская обязалась употребить свое стараніе для прекращенія возникшаго несогласія между Королемъ Датскимъ и Его Императорскимъ Высочествомъ. *Первымъ секретнымъ* артикуломъ Россійская Императрица обязалась Королю Датскому и въ разсужденіи Герцогства Шлезвигскаго содержать гаран-

тію противъ всѣхъ и каждаго, выключая Великаго Князя Россійскаго и Его наслѣдниковъ мужескаго пола. Второй секретной относился до Герцогства Голстинскаго, чтобы договаривавшіяся стороны препятствовали Швеціи овладѣть онымъ, а напротивъ старались и по истеченіи пятнадцатилѣтняго договора доставить Герцогство ближайшему наслѣднику.

100. См. сей части примѣчаніе 53.

101. Владѣтельный Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, наслѣдникъ Россійскаго Престола и по кончинѣ Елизаветы Петровны Императоръ Всероссійскій, былъ внукъ Петра Великаго, сынъ Анны Петровны выданной въ замужство за Карла Фридриха Герцога Голштейн-Готторпскаго.

102. Родитель Императрицы Екатерины II, Князь Ангальтъ-Цербскій служилъ въ арміи Короля Прусскаго Генералъ-Фельдмаршаломъ и былъ Губернаторомъ Штетина. О первыхъ лѣтахъ юности Екатерины II, о подробностяхъ Ея воспитанія, прибытіи въ Россію, бракосочетаніи съ Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и проч. можно читать въ Leben Katharina's II, von Tannenberg, *Vie de Catharine II, издан. въ Парижѣ въ 1798 году и Life of Catharina II, by Took.*

103. О Бестужевѣ-Рюминѣ будетъ говорено въ примѣчаніяхъ слѣдующей части.

104. См. сочиненія упомянутыя въ примѣчаніи 102; также Büsching's Magazin, томъ 2-й и наконецъ Указъ 1758 года Февр. 27, помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, Томъ XV. Въ сихъ же сочиненіяхъ, въ жизнеописаніи Миниха, соч. Галема, въ Манифестѣ 1762, Іюля 6 дня, напечатан-

номъ въ Собраніи Указовъ 1762 года, и въ прибавленіи къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1762 года № 59 можно найти подробности вступленія Императрицы Екатерины II, на Престолъ Всероссійскій.

105. *См.* Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, состав. Г. Д. Бантышъ-Каменскимъ, часть I стр. 137.

106. См. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, томъ XV.

107. Права, дарованныя симъ Манифестомъ Россійскому Дворянству, распространены и умножены Императрицею Екатериною II, въ 1788 году.

108. Императрица Екатерина II, подтвердивъ этотъ Указъ, повелѣла сверхъ того и »въ пыткахъ поступать со всевозможною осмотрительностію, избѣгая напраснаго кровопролитія.«

109. Голстейн-Готторпскій домъ происходилъ отъ Адольфа, младшаго сына Короля Фридриха I. По раздѣлу, въ 1544, ему досталась половина Герцогства Шлезвигскаго и Голстинскаго; перваго на правахъ Имперскаго Лена. Споръ между домами, царствовавшимъ въ Даніи и Герцогскимъ начался въ 1654 году, по причинѣ требованій объ освобожденіи отъ Ленной зависимости Шлезвига, въ чемъ и успѣлъ тогдашній Герцогъ, Фридрихъ II, по силѣ условій Рошильдскаго мира, заключеннаго съ его зятемъ Карломъ Густавомъ и подтвержденнаго Копенгагенскимъ миромъ въ 1660 году. Но Король Христіанъ не только возстоновилъ, посредствомъ обмана, Ленную зависимость, но въ 1676 году завладѣлъ даже Шлезвигомъ. Хотя, по Фоншене-

блоскому миру, чрезъ посредничество Франціи, въ 1679 году Шлезвигъ и былъ возвращенъ Герцогу, однако же Данія въ 1689 году опять отняла его. Наконецъ, послѣ многихъ споровъ и возраженій, ходатайствомъ Императора, Саксонскаго и Бранденбургскаго Курфирстовъ, Герцогъ Голстейнъ-Готторпскій возстановленъ былъ въ своихъ правахъ по Алтонаусскому договору, въ Іюнѣ 1689 года. Въ Апрѣлѣ 1700 года Датчане опять напали на Шлезвигъ и осадили Таннигтонъ; однако Англія, Голландія и Герцогъ Брауншвейгскій, поручившіеся за выполненіе Альтонаусскаго договора, объявили себя въ пользу Голстейн-Готторпскаго Герцога, а Карлъ XII, сдѣлавъ высадку въ Зеландію, принудилъ Датчанъ къ заключенію Травендальскаго мира, подтверждавшаго Альтонаусскій договоръ. Послѣ разбитія Короля Шведскаго подъ Полтавою, Данія сочла себя въ правѣ нарушить Травендальскій миръ и снова овладѣла Шлезвигомъ. *См. Ecrits politiques du Comte de Lynar.*

110. Императоръ Петръ III скончался въ селѣ Робшѣ; »тѣло его,« какъ повѣствуетъ Митрополитъ Казанскій Веніаминъ (Пуцекъ-Григоровичь) въ напечатанномъ имъ увѣщаніи къ своей паствѣ во время Пугачевскаго бунта »привезенное на утренней зарѣ въ Александроневскій монастырь, было поставлено въ залѣ тѣхъ деревянныхъ покоевъ, въ которыхъ онъ, Веніаминъ, (бывшій тогда еще Архіепископомъ С. Петербургскимъ) имѣлъ тогда жительство; нѣсколько дней, по обычаю древнему, приходили туда, для отданія ему послѣдняго Христіанскаго долга Вельможи, всякаго званія люди и простой народъ; потомъ, съ

подобающею церемоніею, оно перенесено было въ церковь, гдѣ, по отпѣтіи, запечатлѣно земною перстію имъ самимъ Веніаминомъ.«

Послѣ того, по прошествіи тридцати четырехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцовъ, по кончинѣ Императрицы Екатерины II, сынъ и наслѣдникъ Ея, Государь Императоръ Павелъ Петровичь Указомъ 9 Ноября 1796 года, повелѣлъ тѣло родителя своего перенести изъ Александроневскаго монастыря въ Соборную Петропавловскую церковь и тамъ предать землѣ вмѣстѣ съ тѣломъ почившей Императрицы. Въ слѣдствіе этого Указа гробъ покойнаго Императора былъ вынутъ изъ мѣста, въ коемъ дотолѣ находился, положенъ въ другой, богатоубранный глазетомъ, и поставленъ посреди церкви, въ коей былъ погребенъ. Императоръ Павелъ I, въ сопровожденіи Государей Великихъ Князей и придворнаго Штата, прибылъ въ церковь, вошелъ въ Царскія Врата, взялъ съ престола пріуготованную корону, возложилъ на себя и потомъ подойдя къ останкамъ родителя своего, снялъ съ главы Своей корону и положилъ ее на гробъ въ Бозѣ почившаго Императора. При гробѣ находились въ караулѣ по обѣимъ сторонамъ шесть кавалергардовъ (изъ корпуса Кавалергардскаго бывшаго при Императрицѣ Екатеринѣ II и состоявшаго изъ 60 Оберъ-Офицеровъ) въ парадномъ уборѣ, въ головахъ два Капитана Гвардіи, въ ногахъ четыре пажа. При гробѣ дежурили первыхъ четырехъ классовъ особы, подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Ивана Петровича Салтыкова.

Въ день назначенный для перенесенія гроба покойнаго Императора Петра III, изъ Александроневскаго

монастыря въ Зимній Дворецъ, всѣ полки Гвардіи и бывшіе въ столицѣ армейскіе, построены были отъ Дворца по Невскому проспекту до самаго монастыря. Генералы, Штабъ-и Оберъ-Офицеры имѣли флёръ на знакахъ, шпагахъ, шарфахъ и шляпахъ, а все войско на штыкахъ ружей. Печальную колесницу сопровождали Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, Государыня Императрица Марія Θеодоровна и Великіе Князья и Княжны. Во время шествія печальной процессіи производился войсками троекратный бѣглый огонь, съ крѣпостей пушечная пальба и колокольный звонъ по всѣмъ церквамъ. По прибытіи процессіи къ Зимнему Дворцу, гробъ покойнаго Императора поставленъ былъ въ траурной залѣ на томъ же катафалкѣ, на которомъ стоялъ гробъ покойной Императрицы Екатерины II. 5 Декабря 1796 года оба гроба были преданы землѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ.

Церемоніалъ перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Петра III изъ Александроневскаго монастыря въ Зимній Дворецъ и потомъ въ Петропавловскій Соборъ, напечатанъ въ »Дѣяніяхъ Императрицы Екатерины II, соч. Колотова.«

111. См. Voyage en Espagne, par Bourgoing, 3 vol. 1788 и 1803. — Histoire du Cardinal Alberoni et de son Ministère, par M. J. R. 1720. *Шмауса* Geheime Geschichte des Spanischen Hofes, 1793 и въ Записсахъ С. Симона, vol. 1. Liv. 4.

112. Jeanne Antoinette Poisson, Маркиза де Помпадуръ родилась 1720 года и была дочь одного хлѣбнаго торговца; въ 1741 году она вышла за незначительнаго

чиновника, д'Этіоля, служившаго въ Министерствѣ Финансовъ и въ 1745 году явилась при Дворѣ Людовика XV подъ именемъ Маркизы де Помпадуръ. Объ этой достойной любопытства женщинѣ и ея вліяніи на судьбу Франціи и заграничную политику см. Memoires du Mad. de Campan.

113. См. сей части примѣч. 14.

114. См. Memoires de M. de Torcy, 3 v. Memoires secrets de la Régence par le Duc de Saint-Simon, также Histoire du Système des Finances sous la minorité de Louis XV.—6 vol.

115. Шотландецъ Лау (Law) учредилъ въ 1716 году въ Парижѣ Ассигнаціонный банкъ, на правилахъ чрезвычайно благоразумныхъ. Но Правительство Французское снявъ оный на себя посредствомъ купли, въ Январѣ 1719 года вознамѣрилось распространить его обороты и вскорѣ само устрашилось слѣдствій своей необдуманности и рѣшилось исправить одну ошибку другою, худшею: эдиктомъ отъ 21 Маія 1720 года, велѣно было безвозмездно отобрать у частныхъ лицъ всѣ банк-ноты и закрыть самый банкъ. Съ тѣхъ поръ не было выпускаемо во Франціи ассигнацій до самой революціи. См. Histoire du Sys. de Fin. sous la minorité de Louis XV и Memoirs of the life of J. Law, by Wood, Edinb. and Lond. 1826.

Французская Миссипійская Компанія основана была въ 1719 году; она соединена была съ банкомъ Лау и за нѣкоторыя привилегіи ей дарованныя обязалась вмѣстѣ съ нимъ уплатить Государственный долгъ, простиравшійся до 1600 милліоновъ. Въ 1721 году она пала вмѣстѣ съ банкомъ; но Правительство успѣло ее возстановить въ 1723 году. Съ 1737 года,

въ Министерство Кардинала Флёри Миссипійская Компанія розпространила кругъ своей дѣятельности и улучшила свое положеніе.

115. См. Записки Saint-Simon'а и Маршала Richelieu, изданныя par Soulavie въ 1790—1893. 9 vol.

116. Въ Робертсоновой Исторіи Америки (книги 9 и 10) можно найти лучшее повѣствованіе, какъ о произхожденіи Британскихъ колоній, такъ и о договорахъ, улучшившихъ и роспространившихъ ихъ торговлю. Также см. The History civil and commercial of the Britisch Coloniae in the West-Indies, by Brian. Ecwards 1783. V. 4.

117. Англичане утвердили власть свою надъ Ост-Индіею въ то время, когда свирѣпствовала Семилѣтняя война. См. The History and menagement of the East-India Company. Lond. 1779. Также Transactions in India from 1756 to 1783; Lond 1786.

Основаніемъ всего Компанейскаго управленія служитъ донынѣ »Ост-Индскій Билъ,« предложенный Питтомъ въ 1784 г. Авг. 4.

118. См. Memoires of Robert Walpole, изданныя W. Coxe. 1798 года.

119. См. Histoire critique et raisonnée de la situation de l'Angleterre, par de Montverrau. 1819.

120. См. Essai sur l'état actuel de l'Administration des finances et de la dette nationale de la Gr. Bretagne, par Fr. Gentz, Lond. 1800.

121. Учетный капиталъ для погашенія долговъ основанъ былъ чрезъ добровольное, со стороны вкладчиковъ, пониженіе процентовъ, сначала съ 6 на 5 (въ 1717), а потомъ въ другой разъ (въ 1727) съ 5 на

4 проц. Въ 1786 году былъ основанъ *новый учетный капиталъ*. См. тамъ же.

122. О дѣйствіяхъ Лондонскаго банка и объ услугахъ, оказанныхъ имъ Великобританскому Правительству, см. тоже въ вышеприведенномъ сочиненіи.

123. См. сей части примѣч. 7.

124. См. сей части стр. 93.

125. О Финансахъ Австріи и Исторіи Вѣнскаго Ассигнаціоннаго банка можно найти только въ соч. *Fr. Nicolai*, Reisen durch Deutschland, 4 Th. 1781.

126. См. Мирабо de la Monarchie Prussienne, sous Frédéric le Grand, Londres 1788.

127. См. тамъ же.

128. Какъ напр. во Франціи, Австріи, даже самой Англіи. О Русскихъ Ассигнаціяхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ; между прочимъ, относительно общихъ взглядовъ указать можно на соч. von L. H. Jakob: Ueber Rußlands Papiergeld und die Mittel, dasselbe bei einem unveränderlichen Werthe zu erhalten. Halle, 1817.

129. См. Mirabeau, de la mon. Prussienne.

130. Постоянныя миссіи дипломатическія заведены были еще при Фердинандѣ Католикѣ, но только не у многихъ Дворовъ. Со временъ же Кардинала Ришельё, когда политика Франціи простиралась почти на всю Европу, увеличились и разпространились посольства, опредѣлившія церемоніалъ. Можно сказать, что изученіе Исторіи Французской Дипломатики есть изученіе Исторіи Европейскихъ Государствъ въ два послѣднія столѣтія. Для этого укажемъ на Histoire général et raisonnée de la Diplomatie Française, par Mr. de Flassan, Paris 1811, 2 ed.

131. Укажемъ на Людовика XIV, Екатерину II, Фридриха II.

132. Писатели во Франціи, болѣе нежели во всѣхъ прочихъ странахъ заслужили упрекъ содѣйствія своимъ могущественнымъ оружіемъ къ уничтоженію твердыхъ правилъ чистой нравственности. Самые даже первокласные ея писатели, напр. Вольтеръ, Руссо, Дидеротъ, даже глубокомысленный Монтескё, какъ бы для разсѣянія отъ важныхъ изысканій о происхожденіи Правительствъ, писали развратныя сказки. Этого рода сочиненія, правда, существуютъ въ литературѣ почти всѣхъ народовъ, находясь большею частію въ рукахъ гулякъ и развратниковъ, столь привыкшихъ на дѣлѣ къ пороку, что теорія не сдѣлаетъ ихъ худшими; но сладострастная, соблазнительная безнравственность царствовала не въ однихъ только легкихъ піескахъ, но даже и въ тѣхъ произведеніяхъ, кои пріобрѣтали своимъ сочинителямъ славу первокласныхъ поэтовъ и глубокомысленнѣйшихъ философовъ. Пренебреженіе всякой разборчивости, утонченный, открытый развратъ — это наслѣдство, оставленное Герцогомъ Орлеанскимъ нравамъ страны, бывшей подъ его управленіемъ, господствовали въ твореніяхъ и первокласныхъ писателей и ихъ подражателей вооружавшихся колкою сатирою на всякаго, кто только, въ противоположность ихъ мнѣній, хотѣлъ выступить на поприще литтератора съ тѣмъ, чтобы подвизаться за священныя права, предписываемыя церковію и истиннымъ патріотизмомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что всякій, сердце котораго не было еще проникнуто ядомъ развратныхъ и возмутительныхъ мнѣній, находился

въ необходимости или вовсе не читать книгъ, служившихъ общимъ предметомъ разговоровъ и удивленія — или встрѣчать въ чтеніи этихъ книгъ мѣста, оскорбляющія разборчивость и добрую нравственность. Отъ безнравственныхъ сказокъ, отъ твореній, проповѣдовавшихъ и прославлявшихъ утонченный, такъ сказать, изящный развратъ, Французскіе писатели, и особливо первостепенные перешли къ критическимъ изысканіямъ о произхожденіи изкони установленныхъ между людьми отличій и существовавшихъ постановленій. Отъ возгласовъ, сначала сказанныхъ какъ бы мимоходомъ, родились искусные доводы и краснорѣчивые выходки въ пользу первобытной и даже дикой независимости. Можно было надѣяться, что привилегированныя сословія, по крайнѣй мѣрѣ высшее, старинное Дворянство, вооружатся противъ пагубныхъ для ихъ выгодъ ученій, проповѣдуемыхъ съ увѣренностью, со всевозможнымъ краснорѣчіемъ и подъ ложною оболочкою убѣдительности. Но къ сожалѣнію и знатные люди считали всѣ выходки вольнодумства лишь кратковременною прихотью, читали ядовитыя произведенія писателей съ улыбкою одобренія, какъ мечты восторженныхъ мыслителей, желая доказать тѣмъ, что они превыше простонародныхъ предразсудковъ.— Въ доказательство этого приведемъ замѣчанія объ образѣ мыслей Французскихъ Дворянъ, заимствованныя нами изъ записокъ Сегюра (Mémoires, souvenirs et anecdotes par M. le Cte de Segur, Pair de France), который и самъ раздѣлялъ его въ то время:

»Досадуя на древній этикетъ стараго двора, на скучные обряды старинной чинности, на строгость духовенства, на порицаніе стариками новыхъ модъ,

нашей благопріятствовавшей равенству одежды, мы были съ жаромъ расположены слѣдовать ученіямъ, провозглашаемымъ краснорѣчивыми, смѣлыми литтераторами. Вольтеръ увлекалъ умы наши; Расинъ трогалъ сердца; мы находили тайное удовольствіе, слушая и читая ихъ нападки на старое зданіе, казавшееся намъ страннымъ и готическимъ. Такимъ образомъ, хотя наши званія, наши права, остатки нашего прежняго могущества и попирались нашими стопами, но эта война намъ нравилась; мы еще не предвидѣли ея послѣдствій, а только любовались ея зрѣлищемъ. Бой происходилъ лишь на словахъ и на перьяхъ, и намъ казалось, что онъ не въ состояніи нанести рѣшительнаго удара, даже повредить правамъ и преимуществамъ, которыми мы столь давно пользовались и которыя оттого казались намъ несокрушимыми. Свобода, каковъ ни былъ языкъ ея, нравилась намъ своею отважностію; равенство, своимъ обольстительнымъ удобствомъ. Пріятно иногда сходить и внизъ, особливо когда знаешь, что можно будешь, по желанію, взойти опять и на верхъ. Не предвидя ничего, мы наслаждались вмѣстѣ и выгодами Патриціевъ и пріятностями простонародныхъ умствованій.«

133. См. сей части примѣчаніе 68.

134. Обрученіе Императора Петра II, совершилось 30 Ноября 1729 года, въ Лефортовомъ дворцѣ, въ присутствіи вдовствовавшей Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, Цесаревны Елизаветы Петровны, Герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны съ дочерью и Царевны Прасковіи Іоанновны, иностранныхъ Министровъ и всѣхъ знатнѣйшихъ Вельможъ. Обрядъ обрученія совершалъ Архіепископъ Ѳеофанъ. — За симъ торже-

ствомъ, послѣдовали при Дворѣ безпрерывные празднества и увеселенія. 6 Января, въ день Крещенія, при совершеніи водосвятія, войска были выстроены на льду Москвы рѣки. Невѣста Императора прибыла на эту церемонію въ саняхъ; Государь одинъ стоялъ за нею на запяткахъ. За ними ѣхала большая свита. Тутъ при жестокой стужѣ они пробыли среди войскъ на льду, четыре часа. По возвращеніи Государя во Дворецъ, онъ занемогъ. На другой день у него открылась оспа. Невѣжество врачей, принявшихъ сію болѣзнь за горячку и неосторожность юнаго Императора, который, стоя у окна, застудилъ оспу, были причиною его кончины. О любопытныхъ подробностяхъ бракосочетанія Императора Петра II, съ Княжною Долгорукою, см. въ соч. Г-жи Рондо: Lettres d'une dame anglaise, résidante en Russie à son amie en Angleterre.»

135. См. сей части страницы 77,—81,—и слѣдующія къ нимъ примѣчанія.

136. Августъ II, Курфирстъ Саксонскій былъ обязанъ Петру Великому сохраненіемъ Польскаго Престола, которымъ овладѣлъ было Станиславъ Лещинскій.

137. Мы руководствовались въ этомъ случаѣ Сочин. Г. Германа.

138. См. Болтина, примѣч. на Исторію Леклерка, томъ II, стр. 468—470.

139. Первый тарифъ состоялся въ 1721 году, хотя за неприсылкою изъ Бергъ и Мануфактуръ Коллегій требованныхъ мнѣній остался не дѣйствительнымъ;

а вмѣсто онаго взнесенъ отъ Коммерцъ-Коллегіи въ Правительствующій Сенатъ сочиненный ею Регламентъ »о содержаніи морской большой и порубежной земской пошлины.« Въ этомъ же году, Имяннымъ Указомъ повелѣно Коммерцъ-Коллегіи вызвать желающихъ: не согласится ли кто взять на откупъ таможенный оборъ, какъ въ Великороссійскихъ, такъ и Малороссійскихъ городахъ, по Польской и по всѣмъ границамъ Россіи. Но желающихъ взять на себя этотъ откупъ никого не нашлось. Послѣ этого, Имянными Указами 1723 года Апрѣля 29 и 30 и Мая 16 дня повелѣно при всѣхъ портахъ брать пошлину по прежнему торговому уставу (7175 года) и указамъ, съ заморскихъ товаровъ при выгрузкѣ изъ кораблей, а съ Русскихъ при отпускѣ за моря, безъ всякой отсрочки. Января 31, 1724 года изданы, Тарифъ, Морской пошлинный Регламентъ, торговый Уставъ и Инструкція Коммерцъ-Коллегіи; а 6 Февраля учреждена въ Санктпетербургѣ Биржа. Замѣчателенъ тоже Указъ 1724 года Февр. 7, коимъ повелѣно было »съ товаровъ Французскаго Министра, пребывающаго при Дворѣ Россійскомъ, пришедшихъ въ Россію на кораблѣ Ост-Индской Компаніи, взять полную пошлину; *а для рекамендаціи, учиненной отъ двора Французскаго, половину возвратить ему секретно*. Указомъ 1728 года, Августа 27 повелѣно во всемъ Государствѣ внутреннія таможни соединить съ портовыми. Въ 1731 году Августа 3, состоялся новый тарифъ, въ отмѣну состоявшагося въ 1724 году. Съ 1758 года по 1764 годъ портовые и таможенные сборы отданы были на откупъ Калужскому купцу Никитѣ Шемякину »съ товарищи,« безъ торгу и публикаціи. Шемякинъ награжденъ былъ чиномъ

Коллежскаго Ассесора и сдѣланъ Оберъ-Инспекторомъ Компаніи.

До 1721 года, рыбные промыслы, торговля китовымъ жиромъ и морскими звѣрями у города Архангельска производились исключительно Княземъ Меншиковымъ. Указомъ 1748 Іюля 7, сальные промыслы изъ Высочайшей милости отданы на двадцать лѣтъ въ содержаніе Генералъ-Фельдцейхмейстеру, Сенатору и Кавалеру Графу Шувалову; ему же Указомъ 1759, Октября 14 предоставлено исключительное право торговать табакомъ въ Малороссіи.

Серебро и золото запрещено вывозить изъ Россіи Указами, 1714 Апрѣля 6, 1735 6 Октября 2 и 18 и друг. годовъ.

140. См. Указы 1717 Декабря 13, 1719 Апрѣля 8, 1725 Апрѣля 1. О совершенномъ запрещеніи ввоза шелковыхъ парчей и прочихъ высокихъ цѣнъ матерій см. Указы 1742 Декабря 17, 1743 Сентября 19 и 23.

141. Указомъ 1735 года Іюня 22 дня запрещено »партикулярнымъ людямъ изъ Сибири вывозить или за море отпускать ревеню, а ежели у кого хотя фунтъ объищутъ, то все имѣніе его взять въ казну, а его казнить смертію.«

142. См. Memoires politiques et militaires sur la Russie, par le Général de Manstein.

143. См. Полное Собр. Законовъ Россійской Имперіи томъ XVI. No 12103.

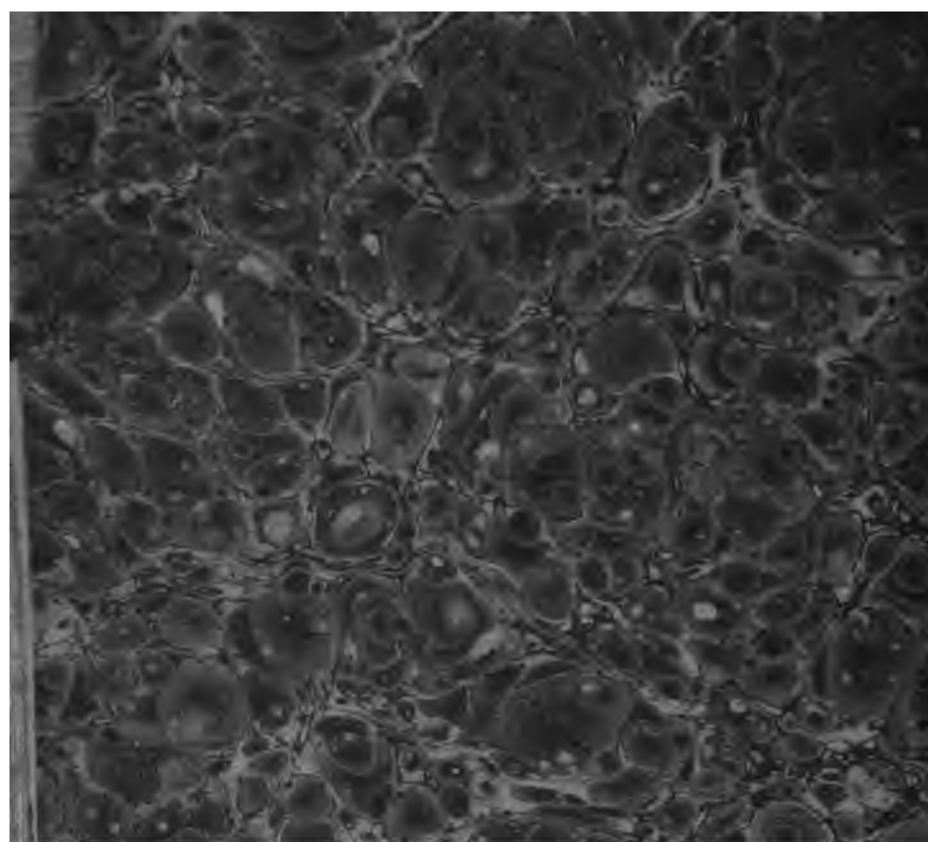
144. См. тамъ же.

145. Первый Уставъ Академіи Наукъ, составленный Лейбъ-Медикомъ Лаврентіемъ Блументростомъ (кото-

рый вызванъ былъ въ Санктпетербургъ въ 1717 году, и по смерти перваго Россійскаго Архіатера Арескина, опредѣленъ при Дворѣ Лейбъ-Медикомъ и Архіатеромъ) былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ 22-й день Января 1724. На содержаніе Академіи назначены доходы, собиравшіеся съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аресбурга, таможенныхъ и лицентныхъ 24,912.—Академія раздѣлялась на три класса, наподобіе Университетскихъ Факультетовъ, за исключеніемъ Богословскаго. Число членовъ назначалось десять, именно же на Математическій и Физическій классъ, по четыре въ каждомъ, и на Историческій (»Гуманіора, Исторія и Права«) три члена. Кромѣ этого Академія должна была имѣть особаго Секретаря, Библіотекаря, и такъ, какъ »ученые люди, которые о произведеніи наукъ стараются, обычайно мало думають на собственное свое содержаніе« то для управленія хозяйственною частію, Высочайше повелѣно было »учинить Директора, двухъ товарищей и одного Коммисара надъ деньгами.« 1725 года Августа 15 дня, прибывшіе изъ за границы Академики представлены были Императрицѣ въ Лѣтнемъ Дворцѣ. Второе публичное засѣданіе происходило въ присутствіи Императрицы и всего Двора, 7 Мая 1726 года. По регламенту, дарованному Императрицею Елизаветою Академіи въ 1747 году, штатъ ея увеличенъ до 53,298 рублей. Съ 1727 по 1747 годъ Академія издала: *Commentarii Academiae Imperialis scientiarum Petropolitanae*, 14 томовъ; съ 1747 по 1776 годъ, *Novi Commentarii A. I. S. P.* 21 томъ.— Рѣчи произнесенныя въ первое публичное засѣданіе Академіи, напечатаны были въ Ревелѣ, по неимѣнію въ Санктпетербургѣ Латинскихъ шрифтовъ. Первымъ Президентомъ Академіи

Наукъ былъ Лаврентій Блументростъ; вторымъ (съ 1726) Генрихъ Остерманъ; третьимъ (съ 1733) Баронъ Іоганъ Албертъ Корфъ; четвертымъ (съ 1740) Карлъ Фон-Бреверн; пятымъ (съ 1745 по 1765) Графъ Кирилла Григорьевичь Разумовскій.— При Императрицѣ Екатеринѣ II, Академіею управляли Директоры. Первымъ былъ (съ 1765) Графъ Владимиръ Григорьевичь Орловъ; вторымъ (съ 1777) Сергій Герасимовичь Домашневъ; третьимъ (съ 1783 по 1796) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Объ Академіи въ Царствованіе Императрицы Екатерины II, будетъ говорено въ одной изъ слѣдующихъ частей.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



Stanford University Libraries
3 6105 013 547 786